

Род. в 1932 г, в СССР — в Одессе.

Отец: Иосиф Юделевич Мельчук, красный кавалерист (Первая Дивизия червонного казачества, под командованием В. Примакова), переквалифицировавшийся в администратора. Мать: Полина Львовна Брейтман, юная студентка в институте, где отец был директором.

Первая жизнь (до 1977 года): Москва; учеба в МГУ; разработка (1956 г., совместно с О. Кулагиной) одного из первых в мире алгоритмов машинного перевода — с французского языка на русский; служба в Ин-те Языкознания АН СССР; в 1976 г. отчисление из Института за выступление в защиту Андрея Сахарова и Сергея Ковалева (в газете "New York Times"); эмиграция.

Вторая жизнь (с 1977 г.): Монреаль; профессор Монреальского ун-та; выход на пенсию в 2009 г.; пока что эта жизнь продолжается. Автор 39-ти книг и 246-ти статей по лингвистике; doctor honoris causa Безансонского университета (Франция), член Канадского Королевского общества и член-корреспондент Австрийской Академии Наук.

ISBN 978-5-9551-0580-2

9 785955 105802 >

И. А. МЕЛЬЧУК * ЯЗЫК: ОТ СМЫСЛА К ТЕКСТУ

И. А. МЕЛЬЧУК

ЯЗЫК:

ОТ СМЫСЛА К ТЕКСТУ

И. А. Мельчук

Язык: от смысла к тексту

2012

Москва

ЯСК [= Языки славянской культуры]

Лиде

Содержание

Благодарности	7
От автора.....	9
Глава 1: Постановка проблемы.....	11
1.1 Что такое естественный язык и как его описывать?	11
1.2 Структура книги.....	13
1.3 Принятые ограничения.....	14
Глава 2: Функциональное моделирование в лингвистике.....	15
2.1 Модель как средство исследования и описания	15
2.2 Функциональные модели	17
2.3 Модель Смысл-Текст — глобальная функциональная модель языка	20
2.3.1 Вводные замечания	20
2.3.2 Три постулата теории Смысл-Текст.....	20
2.3.3 Основные формальные особенности модели Смысл-Текст.....	27
2.3.4 Два центральных понятия подхода Смысл-Текст: языковой смысл и перифразирование.....	28
Глава 3: Очерк одной конкретной языковой модели: модель Смысл-Текст.....	33
3.1 Глубинные и поверхностные подуровни языковых представлений в модели Смысл-Текст.....	33
3.2 Языковые представления в модели Смысл-Текст.....	34
3.2.1 Общие замечания	34
3.2.2 Семантическая структура фразы.....	37
3.2.3 Глубинно-синтаксическая структура фразы.....	41
3.2.4 Поверхностно-синтаксическая структура фразы	45
3.2.5 Глубинно-морфологическая структура фразы.....	49
3.2.6 Поверхностно-морфологическая структура фразы	49
3.2.7 «Доязыковое» представление действительности: концептуальное представление	50
3.3 Модули (= компоненты) модели Смысл-Текст	53

Глава 4: Моделирование двух центральных языковых явлений: лексический выбор и лексическая сочетаемость	66
4.1 Моделирование лексического выбора (парадигматика): семантические разложения.....	67
4.2 Моделирование лексической сочетаемости (синтагматика): лексические функции.....	69
4.3 Соотношения между парадигматическим и синтагматическим аспектами поведения лексем	79
Глава 5: Лингвистика Смысл-Текст	83
5.1 Лингвистика Смысл-Текст и ориентация лингвистического описания.....	83
5.1.1 Испанские полугласные	83
5.1.2 Русские биноминативные предложения	85
5.2 Лингвистика Смысл-Текст и система понятий для науки о языке	87
5.2.1 Вводные замечания	87
5.2.2 Языковой знак	89
5.2.3 Слово	96
5.2.4 Падежи, эргативная конструкция, залого	100
5.3 Лингвистика Смысл-Текст и описание смысла	104
5.4 Лингвистика Смысл-Текст и словарь: Толково-Комбинаторный Словарь [= ТКС].....	109
5.4.1 Главные особенности ТКС	110
5.4.2 Словарная статья ТКС: три основные зоны.....	111
5.4.3 Образцы словарных статей ТКС	118
5.5 Лингвистика Смысл-Текст и зависимости в языке	121
5.5.1 Три типа языковых зависимостей.....	122
5.5.2 Критерии синтаксической зависимости	123
5.5.3 Синтаксические зависимости vs. синтаксические составляющие ...	127
Глава 6: Роль лингвистики Смысл-Текст в жизни человеческого сообщества	130
6.1 Подход Смысл-Текст и прикладная лингвистика	130
6.2 Подход Смысл-Текст и изучение Человека	131
Приложения	134
I Фонетическая таблица	134
II Поверхностно-синтаксические отношения русского языка	135
III Возможные комбинации зависимостей трех типов между двумя лексемами во фразе.....	144
Примечания	147
Литература	156
Предметный указатель с глоссарием.....	162

Благодарности

Настоящая книга была написана по приглашению и под эпическим давлением А. Д. Кошелева, который сначала применил все известные мне приемы соблазнения и убеждения, дабы заставить меня взяться за эту работу, а затем помогал мне советами и замечаниями. Дорогие коллеги и друзья, чьи мысли и сотрудничество в разные моменты времени самым существенным образом помогли мне в работе, — это (в алфавитном порядке) Ю. Д. Апресян, Д. Бек, А. К. Жолковский, Л. Л. Иомдин, Л. Н. Иорданская, С. Каан, Н. В. Перцов и А. Польшгер. В действительности, суровая критика и конструктивные предложения по тем или иным конкретным темам регулярно поступали и от многих других исследователей; их список, однако, был бы слишком велик для издания данного типа.

Первый вариант рукописи был прочитан, как всегда, Л. Н. Иорданской; последующие варианты читали и критиковали С. И. Брагинский, Я. Миличевич и А. М. Самаров; окончательный текст был проверен и практически отредактирован Л. Л. Иомдиным, а потом еще раз Л. Н. Иорданской.

О, если бы я сумел найти подходящие слова, чтобы адекватно выразить всем вам мою сердечную признательность! И, разумеется, никто из вас не отвечает за неточности, сомнительные утверждения и несуразицы, которые могли остаться после вашего чтения.

От автора

Дорогой читатель! Небольшая книга, которую ты держишь в руках, представляет собой отчаянную и безнадежную попытку познакомить тебя с наукой, которая, хотя и имеет первостепенное значение для познания мира и человека, тем не менее мало известна широкой публике. Я имею в виду лингвистику (от латинского *lingua* 'язык') — науку о человеческом языке.

Вот я написал первый абзац и вижу, что поднял сразу несколько вопросов, на которые надо немедленно ответить.

- Почему эта попытка, еще не начавшись, уже объявлена отчаянной и даже безнадежной? Да потому, что невозможно изложить в одной книжке содержание целой науки, хотя бы частично. Лингвистика использует достаточно развитый понятийный аппарат, и лишь для его описания понадобилось бы несколько томов. Лингвистика работает с огромным количеством фактов: на Земле имеется около семи тысяч языков (не считая тех мертвых, которые нам известны), и каждый из них — это бесконечно сложная система. Так что заранее ясно, что со своей задачей я полностью не справлюсь.

- Почему лингвистика имеет первостепенное значение для человеческого познания? Потому что познание всего — без исключения всего! — возможно лишь с помощью языка, каковой является основным инструментом нашего мышления. Без большого преувеличения можно сказать, что человеческий язык, человеческое мышление и человеческая психика в целом суть наименее исследованные области во Вселенной; это Последняя Граница для наших экспедиций. В этом и заключена важность лингвистики: она нацелена на то, что необходимо для всех прочих наук, — на Язык.

- Почему лингвистика мало известна широкой публике? Потому, в частности, что это, пожалуй, единственная наука, которая не преподается в средней школе. (Орфография и грамматика, которыми мучают учеников на уроках родного языка, основаны на лингвистике, но сами по себе лингвистикой не являются.) Причин у этого две. С одной стороны, поскольку каждый человек свободно

говорит на родном языке — так же естественно, как спит, ест, ходит и т. д., возникает подсознательное убеждение, что тут и изучать нечего. С другой стороны, именно по этой первой причине, лингвистика — одна из самых молодых наук, если не просто самая молодая.

Единственный путь, открытый для меня в этом тексте, — максимально сузить мою задачу. В частности, мне придется полностью отвлечься от следующих трех тем, несмотря на всю их важность для лингвистики.

➤ Язык во времени: это, с одной стороны, диахроническая лингвистика, занимающаяся историей и развитием отдельных языков и их историческими связями (языковое родство), а также историей человеческого языка как такового; с другой стороны, это онтолингвистика — исследование постепенного освоения языка детьми, преподавание языков и т. п.

➤ Язык в обществе: связи между языками и их носителями, изучаемые социолингвистикой (использование языка в разных социальных и возрастных группах, языковые контакты, языковая политика и языковая инженерия, язык и словесное искусство).

➤ Язык в мозгу: прямое изучение как физиолого-химического кодирования языка в нейронах (нейролингвистика), так и восприятия языкового поведения самими носителями (психолингвистика).

Более того, данная книга не ставит себе задачу служить популярным введением в «чистую» синхроническую лингвистику, отгородившуюся от проблем функционирования языка в обществе и в мозгу. Я вынужден ограничиться характеристикой лишь одной методологии, предлагаемой для описания естественных языков, — а именно, характеристикой лингвистической теории, или, точнее, лингвистического подхода, Смысл-Текст. Более конкретно, речь пойдет о языковой модели типа Смысл-Текст.

Я постарался сделать изложение доступным для любого образованного читателя, а не только для лингвистов, т. е. угодить и нашим и вашим; в результате, как это всегда бывает при таких попытках, окажутся недовольны все. Но делать нечего: я готов принять твою укоризну, любезный читатель (как говаривали в старину).

Глава 1: Постановка проблемы

1.1 Что такое естественный язык и как его описывать?

Этот вопрос задавался несчетное количество раз, и на него было дано несчетное количество ответов. Тем не менее я попытаюсь ответить на него еще раз, поскольку предлагаемый здесь ответ, насколько я могу судить, еще не принят повсеместно — во всяком случае, в достаточно четком и формальном виде.

Прежде всего — два основных допущения, на которых держатся все последующие рассуждения.

Допущение 1

Естественный язык есть логическое устройство, т. е. система правил, хранящаяся в мозгу носителя языка, которое позволяет ему осуществлять две взаимнообратные операции: говорить и понимать речь.

- **Г о в о р и т ь** значит сопоставлять смыслу, который Говорящий хочет выразить, любой из текстов, могущих нести этот смысл, выбирая при этом тот текст, который лучше всего соответствует конкретной ситуации данного речевого акта. Эта операция называется (языковым) синтезом.
- **П о н и м а т ь** речь значит сопоставлять полученному тексту все смыслы, каковые этот текст может нести, выбирая при этом тот смысл, который лучше всего соответствует конкретной ситуации данного речевого акта. Эта операция называется (языковым) анализом.

Другими словами:

Некоторый естественный язык L есть конкретное соответствие¹ между смыслами и текстами, закодированное в мозгу носителей и недоступное лингвистам для прямого наблюдения.

Так как это утверждение, с одной стороны, является исключительно важным, а с другой — не всегда до конца понимается, я попытаюсь прояснить его простыми сравнениями.

Прежде всего, язык можно уподобить мясорубке, на вход которой подается кусок мяса (\approx смысл), а из нее выходит фарш для котлет (\approx текст). Таким образом, язык — как бы преобразователь смысла в текст. Это сравнение, однако, сильно хромает: ведь с мясом обратное преобразование невозможно, ибо фарш нельзя прокрутить назад, так что мясо из котлет не восстановишь. Смысл же, «преобразуясь» в текст, никуда не девается, так что его можно извлечь из текста «обратно».

Несколько лучшее приближение мы получим, сравнивая язык с переводчиком-человеком. Переводчик прочитывает достаточный фрагмент текста на входном языке и понимает его — при этом он работает как входной язык. В результате он получает смысл, который он должен передать. Этот смысл он выражает на выходном языке — тут он работает как выходной язык. Сам исходный материал при этом никак не затрагивается, и обратное преобразование остается возможным.

Еще более точной будет следующая метафора: лектор приходит в класс с грубым наброском лекции — на листках написаны какие-то формулы, схемы, примеры, центральные утверждения; язык этого наброска нерелевантен, да и вообще в данной записи выражения на естественном языке могут совсем отсутствовать. Этот материал представляет собой отображение информационного содержания будущей лекции. Глядя (время от времени) в свои записи, лектор конструирует языковой смысл, который он и выражает в тексте лекции. Переходя от смысла к тексту, лектор выполняет языковой синтез. Его слушатели, конспектируя лекцию, занимаются обратной операцией — языковым анализом.

Внимание: информационное содержание какой-либо фразы (или последовательности фраз) и ее языковой смысл — это совсем не одно и то же; данное различие будет уточнено ниже, в главе 2, подраздел 2.3.4, стр. 28 и сл.

Раз любой язык L есть определенное соответствие между смыслами и текстами, приходится принять Допущение 2.

Допущение 2

Цель лингвистов, изучающих (= описывающих) язык L , сводится к построению системы правил, которая задает то же самое соответствие между смыслами и текстами этого языка, что имеется у его носителей.

Подобная система правил есть не что иное, как модель языка L , более точно — модель Смысл-Текст. Подчеркнем, что множество правил, о котором здесь идет речь, состоит из двух подмножеств:

- Словарь, содержащий индивидуальные правила, которые оперируют конкретными лексическими единицами; проще говоря, словарь есть структурированный список лексических единиц данного языка.

- Грамматика (семантика + синтаксис + морфология + фонология), общие правила которой оперируют классами языковых единиц (в том числе лексических единиц); это структурированный список грамматических правил данного языка.

1.2 Структура книги

Дальнейшее изложение организовано следующим образом:

В главе 2, опираясь на только что сформулированные допущения, я предложу характеристику понятия ‘функциональная модель’.

Глава 3 содержит краткий очерк одной конкретной языковой модели типа Смысл-Текст [= МСТ]. Рассматриваются уровни лингвистического представления языковых выражений (называемых, для краткости, языковыми представлениями), разбираются примеры языковых представлений и вводятся правила перехода от представлений уровня n к представлениям уровня $n+1$; эти правила составляют основные модули МСТ.

Глава 4 посвящена связи между постулируемыми семантическими явлениями и наблюдаемыми сочетаемостными фактами, что позволяет лучше обосновать установку на моделирование Смысл-Текст. В частности, я остановлюсь на понятии лексической функции.

В главе 5 характеризуется ветвь лингвистики, основанная на функциональном моделировании естественных языков и ориентированная на такое моделирование: лингвистика Смысл-Текст, в которой изучаются и описываются не просто наблюдаемые языковые единицы и выражения, а процесс их построения Говорящим, исходя из их смысла. Я очерчу основные направления исследований в рамках подхода Смысл-Текст и укажу некоторые полученные результаты.

Глава 6, играющая роль заключения, предлагает соображения по поводу места, которое лингвистика Смысл-Текст призвана занять в науке и в обществе.

1.3 Принятые ограничения

В связи с характером настоящего текста соблюдаются следующие ограничения:

- Приходится отказаться от нормальных ссылок на литературу — их было бы слишком много для небольшой книги. В частности, я не буду сравнивать предлагаемый подход с какими бы то ни было другими теориями и моделями. Модель Смысл-Текст была создана в основных чертах в Москве в 1960–1970-е годы, в тесном сотрудничестве и взаимодействии, прежде всего, с А. К. Жолковским, Ю. Д. Апресяном и Л. Н. Иорданской. Поэтому неслучайно, что мои мысли и решения зачастую совпадают с мыслями и решениями, исходящими от этих коллег.

- Невозможно последовательно и систематически ввести необходимые понятия и формализмы — это потребовало бы многократного увеличения объема данной книги и, главное, сделало бы ее менее доступной для читателей. Я попытаюсь обойтись примечаниями в конце текста (на них указывают цифровые отсылки), минимально поясняя термины по ходу изложения и надеясь на примеры, а также снабдив книгу предметным указателем с дополнительными сведениями. Неприемлемость полного и последовательного дедуктивно-логического изложения ведет, с одной стороны, к повторениям, а с другой — к недостаточной ясности в целом ряде случаев (то, что должно разъясняться для нелингвиста, покажется лингвисту ненужным занудством; и наоборот). У меня, однако, нет выбора...

- Так как текст рассчитан на русского читателя-неспециалиста, мои иллюстрации заимствуются в основном из русского языка; другие языки привлекаются только в тех случаях, когда интересующее нас явление в русском языке не представлено (впрочем, таких случаев оказалось немало).

Глава 2: Функциональное моделирование в лингвистике

2.1 Модель как средство исследования и описания

Понятие модели играет исключительно важную роль во всех науках. Если исследователь по той или иной причине не может непосредственно наблюдать внутреннее устройство предмета или явления P , которые он изучает, он обычно прибегает к моделям этого P . А именно, наблюдая поведение объекта P «снаружи», он строит модель объекта P , добиваясь максимального сходства между поведением этого объекта и поведением его модели. Затем он может спокойно изучать легко доступную ему внутреннюю структуру созданной им самим модели. Аналогичным образом, если P слишком сложен или же имеющиеся данные о нем слишком громоздки и запутаны, исследователь опять-таки обращается к приближительной модели реального P , которая позволяет устанавливать закономерности поведения P , отображаемые моделью. Так обстоят дела в космологии и геофизике, в молекулярной биологии и атомной физике, в метеорологии, неврологии и социологии. Без большого преувеличения можно сказать, что наука — это построение моделей. Возьмем пример: геофизики пытаются выяснить, какие процессы происходят в жидкостном ядре земли; это необходимо, в частности, поскольку эти процессы существенным образом влияют, например, на магнитное поле Земли, а тем самым — на атмосферу и, стало быть, на изменение климата. Однако достичь земного ядра для прямых наблюдений невозможно: чудовищная температура и не менее чудовищное давление встают на нашем пути. Поэтому приходится ограничиться изучением только некоторых наблюдаемых **проявлений** того, что происходит в земном ядре, и на основе этих фактических данных строить гипотезы о внутренности земного ядра, приписывая ему такое строение, которое должно было бы обуславливать доступные для нас явления. Так же обстоит дело с процессами внутри Солнца и с историей нашей Вселенной, начиная с Большого Взрыва.

Во всех ситуациях, когда прямое наблюдение фактов невозможно, единственный способ познания — это моделирование интересующих нас объектов и явлений. Именно так делается наука со времен Галилея. «Не существует ученых, которые постоянно не мыслили бы в терминах моделей, — хотя бы они и не признавались в этом ни другим, ни даже самим себе» (Auger 1965: 4).

Лингвистика оказывается в том же положении, что и многие другие, в особенности — теоретические, науки о мире. В самом деле, язык есть не что иное, как очень сложная система правил, как-то закодированная в мозгу говорящих. Этот код недоступен для прямого наблюдения; во всяком случае, «чистые» лингвисты не могут до него добраться, ибо мы не умеем ни вскрывать черепа, ни вживлять людям в мозг электроды ради изучения языка*. А если так, то мы вынуждены обратиться к созданию языковых моделей. Современная синхроническая лингвистика ставит перед собой задачу построения моделей конкретных языков и человеческого Языка как такового. Даже если эта задача не всегда формулируется совершенно эксплицитно, сегодня лингвисты в основном делают именно это. Сама идея моделирования, пришедшая в лингвистику в конце 1950-х годов, имела два основных источника.

- Один из этих источников — теория трансформационно-порождающей грамматики Н. Хомского: ведь формальная грамматика некоторого языка — это попросту его модель².

- Другой очевидный источник — это исследования по машинному переводу, развернувшиеся к началу 1960-х годов по всему миру. Система машинного перевода нуждается в формальном представлении фактов по крайней мере двух языков, а подобные представления — опять-таки не что иное, как языковые модели.

Примерно в это же время и появились теоретические разработки понятия модели применительно к естественному языку; так, в сборнике Nagel *et al.* 1962 несколько статей обсуждают лингвистическое моделирование весьма серьезным образом. Несколько позже Ж. Молино (Molino 1985: 29) писал: «Морфология — как и другие части языка, и как язык в целом — может быть описана только с помощью моделей». Думается, можно считать, что в настоящее время актив-

* Впрочем, нейрологи в принципе могут пытаться и пытаются осуществлять прямые наблюдения речевых образований в мозгу и их функционирования. В этом направлении уже достигнуты известные успехи и в недалеком будущем можно ожидать значительного прогресса (так, о современных нейрологических методах изучения языковых смыслов см. Krifka 2011).

ное использование формальных моделей достаточно укоренилось в современной лингвистике.

В связи с этим встает вопрос, на который необходимо ответить на следующем этапе: какой именно тип лингвистических моделей языка следует предпочесть.

2.2 Функциональные модели

Прежде всего, чтобы хорошо понимать, о чем мы говорим, необходимо избавиться от многозначности и расплывчатости слова *модель*. Вот три выражения с этим словом:

моделью художнику служила его жена;
бумажная *модель* самолета;
модель атома по Бору-Резерфорду*.

Все эти употребления слова *модель* задают похожие ситуации: имеются две сущности, X и Y; одна из этих сущностей, скажем, X, целенаправленно создана человеком — так, чтобы она обладала релевантными в данном контексте свойствами другой сущности, Y. В наших примерах — это картина_X, изображающая некоторого человека_Y; игрушка_X, внешне напоминающая самолет_Y; математические уравнения_X, описывающие атом_Y. Иначе говоря, мы имеем дело с бинарным антисимметричным отношением ‘X есть модель Y-а’. Чтобы сделать понятие ‘быть моделью’ достаточно строгим, необходимы три следующих уточнения.

- Во-первых, *модель*, которую рисует художник, — это данная сущность, т. е. Y, а то, что создает художник, т. е. X, — картина или портрет, представляющие Y-а. В случае же с *моделью* самолета мы имеем обратное отношение: данная (= моделируемая) сущность — это X, а моделью называется Y, т. е. созданное кем-либо изображение X-а³. В дальнейшем термин *модель* будет употребляться нами только во втором смысле: для нас модель — это сущность X, создаваемая исследователем с целью представить изучаемую сущность Y.

- Во-вторых, выражение *модель самолета* обозначает физический предмет, тогда как *модель атома по Бору-Резерфорду* — это набор символических выражений, а именно система уравнений. Как мы видим, различаются физические и символические модели. Здесь *модель* будет пониматься только как абстрактная система символических выражений.

* Я оставляю в стороне ряд других употреблений слова *модель*, как, например, в выражениях *Тойота модели 1991*, *действовать по шведской модели* и т. д.

• В-третьих, модель самолета так или иначе напоминает самолет, даже если она и не летает: она схожа с самолетом по внешнему виду; такая модель называется структурной. Модель атома по Бору-Резерфорду, разумеется, внешне на атом никак не похожа: она призвана отображать поведение, или функционирование, атома и его составных элементов; это модель функциональная. Именно функциональные модели языка интересуют лингвистику.

Теперь можно зафиксировать смысл, в котором будет употребляться термин *модель языка*, или *языковая модель*: это «функциональная модель данного языка».

Определение 1: функциональная модель

X называется функциональной моделью объекта Y, если и только если X есть система правил, составленных исследователем на основе наблюдаемого функционирования объекта Y так, чтобы они как можно точнее отражали поведение этого объекта; такая система правил представляет собой описание Y-а.

В дальнейшем речь будет идти только о подобных моделях. (Функциональные модели противопоставляются структурным, которые разрабатываются на основе прямых наблюдений над структурой объекта Y, измерения и воспроизведения его компонентов и т. д. *)

Подчеркнем, что функциональная модель нам подходит только в том случае, когда нас интересует функционирование, или поведение, моделируемого объекта; именно так и обстоит дело в случае языка и лингвистики. Прежде чем двигаться дальше, необходимо указать две важные черты функциональных моделей.

1) Функциональная модель позволяет моделировать «ЧЕРНЫЙ ЯЩИК», т. е. объект, который имеет определенное наблюдаемое поведение и которым исследователь может до известной степени манипулировать, но который он не может вскрыть, чтобы разобраться в его внутреннем устройстве.

2) Функциональная модель в принципе не гарантирует истинность полученного описания: она обеспечивает лишь некоторое приближение к истине. Конструируя функциональную модель, мы наблюдаем следствия, из которых мы выводим возможные причины. Известно, однако, что одно и то же следствие может вызываться очень

* Статья Chao 1962 содержит список сорока интерпретаций, которые даются в лингвистике термину *модель*; мы постараемся избежать двусмысленности и неопределенности этого термина.

разными причинами. Следовательно, одни и те же наблюдаемые факты могут соответствовать множеству альтернативных причин. Однако при этом можно исходить из следующей рабочей гипотезы:

Чем лучше мы познаём моделируемый объект, т. е. чем больше особенностей его поведения мы учитываем, тем более мы приближаемся к реальному положению вещей. Одно изолированное следствие может соответствовать многим причинам, но одна сложная система следствий соответствует, скорее всего, лишь одной сложной системе причин.

Иначе говоря, более сложная система наблюдаемых следствий накладывает больше ограничений на возможные причины. С точки зрения функциональной модели это значит вот что: один наблюдаемый факт может соответствовать нескольким постулируемым «глубинным» описаниям; однако система фактов может укладываться целиком лишь в одно описание.

Тем не менее лингвист, работающий с функциональными лингвистическими моделями, должен все время помнить, что один хорошо подобранный контрпример достаточен, чтобы скомпрометировать его модель (показать ее — по крайней мере, частичную — неадекватность): функциональные модели легко опровержимы (в смысле К. Поппера) и, следовательно, могут быть приняты лингвистикой как ценный исследовательский инструмент. В то же время доказать истинность функциональной модели в принципе невозможно: гипотетичность является ее ингерентным свойством, которое лингвисты вынуждены смиренно признать. Более того, имеется следующее очень существенное различие между физическими и подобными им моделями и лингвистической моделью языка:

Физические науки располагают фундаментальной физической теорией мира, и любая модель, предлагаемая физиком, обязана «вписываться» в эту теорию, что резко ограничивает множество возможных моделей и тем самым делает их более надежными. В науке о языке ничего подобного (пока!) нет: не существует фундаментальной теории мозга или хотя бы психического поведения, на которую могли бы опираться лингвисты. Таким образом, наши модели куда менее достоверны, чем модели, с которыми имеют дело физики.

Теперь наконец, очертив принципиально ограниченный характер языковых моделей в сегодняшней лингвистике, я могу перейти к центральному объекту данной книги — к языковой модели Смысл-Текст.

2.3 Модель Смысл-Текст — глобальная функциональная модель языка

2.3.1 Вводные замечания

Работа над языковой моделью Смысл-Текст [= МСТ] была начата в Москве в середине 1964 года — с Александром Жолковским; позже к нам присоединился Юрий Апресян (Жолковский & Мельчук 1965, 1966, 1967; Апресян *и др.* 1968; Апресян *et al.* 1969; Мельчук 1974, Mel'čuk 1973, 1981, 1988, 1992a); в дальнейшем в работе над МСТ участвовал еще ряд коллег.

Сначала я вкратце охарактеризую теоретическую рамку модели — лингвистическую теорию Смысл-Текст. Чтобы облегчить изложение, вводятся следующие сокращения и символы:

-А	: актант	Синт-	: синтаксический
Г-	: глубинный	'σ'	: конкретный смысл
Комм-	: коммуникативный	Σ	: синтактика (языкового)
ЛЕ	: лексическая единица		знака
L	: конкретная	T	: конкретный текст
	лексическая единица	ТКС	: Толково-Комбинаторный
L	: конкретный язык		Словарь
ЛФ	: лексическая функция	ТСТ	: теория Смысл-Текст
Морф-	: морфологический	Фон-	: фонический
МСТ	: модель Смысл-Текст	Фонет-	: фонетический ⁴
-О	: отношение	/xyz/	: фонемная транскрипция
П-	: поверхностный	[xyz]	: фонетическая транскрипция
-П	: представление	Λ	: пустое множество
-С	: структура	*X	: неправильное выражение X
Сем-	: семантический	'L ₁ ...L _n '	: идиома

• Технические термины при первом упоминании набираются шрифтом Arial; читатель, не знакомый с данным термином, может найти его объяснение в глоссарии при указателе в конце книги.

2.3.2 Три постулата теории Смысл-Текст

Теория Смысл-Текст, а точнее, методологический подход к языку, обозначаемый этой этикеткой, основывается на трех следующих постулатах:

• Постулат 1 фиксирует объект описания; он выражает общую концепцию естественного языка.

- Постулат 2 фиксирует результат описания; он выражает общую концепцию лингвистического исследования.
- Постулат 3 фиксирует связь между языком и предлагаемым описанием; он выражает представление о тех существенных особенностях языка, которые должны отражаться в его описании непосредственным образом.

Постулат 1: Естественный язык есть соответствие «Смысл-Текст»

Язык — это конечная система правил, задающая много-многозначное соответствие между бесконечным, но счетным множеством смыслов и бесконечным, но счетным множеством текстов.

Счетность множества означает возможность занумеровать его элементы натуральными числами, что гарантирует дискретность рассматриваемых сущностей — элементов множества.

Формально говоря, в рамках МСТ языковые смыслы должны выступать в виде символических объектов, называемых семантическими представлениями [= СемП], а языковые тексты — в виде формальных символических объектов, называемых фонетическими представлениями [= ФонетП]. Постулат 1 можно переписать следующим образом:

$$(1) \{СемП_i\} \Leftrightarrow \{ФонетП_j\} \quad | 0 < i, j < \infty$$

Постулат 1 предполагает дискретный характер всех языковых представлений и тем самым модели Смысл-Текст. Я не располагаю аргументами в пользу выбора именно дискретной модели языка; однако, насколько я могу судить, наука и техника все более склоняются к дискретным (\approx «цифровым») представлениям: так обстоит дело, например, с музыкой и фотографией. Мне кажется, что именно дискретные модели, потенциал которых далеко не исчерпан, принесут нам успех в деле познания лингвистических и когнитивных способностей Человека. Во всяком случае, их очевидная практическая польза, например в изучении языков и в автоматической обработке текстов, оправдывает обращение к дискретному подходу.

ФонетП записывается с помощью фонетической транскрипции; обсуждать ее здесь нет необходимости — она достаточно известна (см. МФА [= Международный фонетический алфавит; <http://ru.wikipedia>).

org/wiki/Международный_фонетический_алфавит] или АФА [= Американский фонетический алфавит; http://ru.wikipedia.org/wiki/Американская_фонетическая_транскрипция]).

СемП записывается с помощью семантической транскрипции; по содержанию она своя для каждого языка, хотя по форме она универсальна. Мы еще поговорим о ней ниже.

Бесконечное множество правильных СемП-ов для данного языка задается несложной формальной грамматикой. Это множество служит входом модели Смысл-Текст для данного языка; ее выходом является, очевидным образом, бесконечное множество правильных ФонетП-ов данного языка.

В содержательном же плане текст (в нашем терминологическом смысле) — это внешняя, т. е. звуковая или графическая, сторона речи, а смысл (также в терминологическом смысле) — это ее психическая сторона. Более строго, смысл — это инвариант множества фраз, имеющих одинаковый смысл, т. е. инвариант множества перифраз; это, так сказать, одна из перифраз, удовлетворяющая ряду условий и оформленная определенным образом. (Подробнее о СемП-е см. 3.2.2, стр. 37 и сл.)

Постулат 2: Основной инструмент описания языков — модель типа Смысл-Текст

Соответствие (1) должно описываться логическим устройством (= системой правил), которое представляет собой модель Смысл-Текст.

МСТ принимает на входе любые из СемП-ов данного языка и выдает на выходе соответствующие им ФонетП-ы; эта операция — языковой синтез. МСТ должна выполнять синтез так же, как носители языка, т. е. воспроизводить наиболее точным образом соответствие, которым пользуется говорящий, когда хочет выразить некоторый смысл. В то же время МСТ способна осуществлять обратную операцию — языковой анализ: принимать на входе любые из ФонетП-ов данного языка и выдавать на выходе соответствующие им СемП-ы.

С формальной точки зрения переход Смысл \Rightarrow Текст и переход Текст \Rightarrow Смысл абсолютно эквивалентны. Однако с точки зрения как разработки МСТ лингвистами, так и ее представления для читателей и пользователей это совсем не так.

Естественный язык выдвигает на первый план Говорящего* (а не Адресата) и производство речи для заданного смысла, т. е. языковой синтез (а не понимание речи, т. е. языковой анализ). Деятельность Говорящего более лингвистична, чем деятельность Адресата.

В самом деле, построение текста для выражения данного смысла предполагает в основном использование Говорящим чисто языковых знаний и способностей, тогда как извлечение закодированного смысла из полученного текста требует — в силу всевозможных неоднозначностей в этом тексте — не только владения языком, но и в значительной степени энциклопедических знаний и логических навыков, которые позволяют Адресату понимать, «о чем идет речь». Можно привести много примеров того, что сам Язык полностью отдает приоритет Говорящему (по сравнению с Адресатом):

- Во всех языках есть особый глагол со значением ‘производить речь’ = ‘говорить’, но ни в одном (известном мне) языке нет глагола со значением ‘понимать речь’: для понимания чего угодно — включая речь — используется обычно один и тот же глагол.

- Выражение со смыслом ‘говорить на языке L’ часто бывает фразеологизовано, тогда как выражение ‘понимать язык L’ обычно свободное. Так, во французском языке словосочетания типа *parler français* ‘говорить по-французски’ фразеологизованы (слово *français* ‘французский язык’ употреблено здесь наречно — без артикля); ср. неправильность выражения **comprendre français* ‘понимать по-французски’ (звездочка «*» перед языковым выражением означает его неправильность); надо говорить *comprendre le français* букв. ‘понимать французский язык’ = ‘понимать по-французски’, и это выражение — свободное.

- Естественный язык очень «эгоцентричен» — в том смысле, что большое количество языковых знаков особым образом кодируют точку зрения ‘я’ (т. е. Говорящего — того, кто произносит рассматриваемый текст в данном речевом акте); точка зрения адресата языком не кодируется практически никогда. Эта эгоцентричность проявляется самыми разнообразными способами и в словаре, и в грамматике.

* Термин «Говорящий» (с прописным *G*) обозначает первого участника данного речевого акта; «говорящий» (со строчным *g*) относится к любому носителю языка.

Эгоцентричность языка в словаре

Вот три широко известных примера, иллюстрирующих эгоцентричность лексики.

1) Слова-шифтеры (Р. Якобсон), такие как Я ‘тот, кто произносит я’, ЗДЕСЬ ‘в месте, где Говорящий произносит *здесь*’, СЕГОДНЯ ‘день, когда Говорящий произносит *сегодня*’, МАМА (без зависимых) ‘мать Говорящего’ и т. д. Смысл слова-шифтера содержит отсылку к Говорящему.

2) Экспрессивные слова, такие как ШПИОН ‘разведчик, враждебный Говорящему’, ВОЯЖ ‘поездка деятеля, враждебного Говорящему’, СБОРИЩЕ ‘собрание лиц, враждебных Говорящему’, ДРЫХНУТЬ ‘спать — о человеке, которого Говорящий осуждает’ и т. д. Сюда же относятся пейоративные названия национальностей (КИТАЁЗА, НЕМЧУРА), профессий (ПИСАКА, ТОРГАШ), коллективов (СОЛДАТНЯ, БАБЬЕ), веществ и предметов (БУРДА, РАЗВАЛЮХА), а также многие, многие другие. Смысл всех этих слов включает компонент ‘которого Говорящий оценивает отрицательно’. Экспрессивные слова включают, разумеется, и выражения, смысл которых содержит положительную оценку со стороны Говорящего, хотя их гораздо меньше*.

3) Выражения-сигналитивы, выражающие отношение Говорящего к чему-либо, в частности — к своему высказыванию (с точки зрения как содержания, так и формы): АЙ-АЙ-АЙ!, УХ ТЫ!, КАКОГО ЧЕРТА!, МАТЬ-ПЕРЕМАТЬ!, БЛЕСК!, К СОЖАЛЕНИЮ, ГРУБО ГОВОРЯ, КАК ГОВОРИТСЯ и т. д.

Эгоцентричность языка в грамматике

4) Во многих языках 1-ое лицо единственного числа в глаголе (т. е. обозначение Говорящего) имеет целый ряд особенностей, смысловых и формальных.

Смысловая особенность глагольных форм 1Ед. Так называемые перформативные глаголы — глаголы, обозначающие действия, выполнение которых заключается просто в произнесении глагола, — перформативно употребляются лишь в 1-м лице (настоящего времени). Произнести *Я клянусь!* — это и есть поклясться. Сказать же

* Это любопытное свойство естественных языков широко известно: все отрицательное различается языком гораздо тоньше и детальнее, чем положительное.

Он клянется, что придет или *Я поклялся, что приду* не составляет действия принесения клятвы; это просто обычное описание действия некоторого человека.

Формальные особенности глагольных форм 1ЕД. Я приведу два примера.

— В аллоторском языке прямое дополнение маркируется в глаголе во всех наклонениях и всех временах соответствующим суффиксом, с единственным исключением: при подлежащем 3ЕД прямое дополнение 1ЕД, т. е. ‘меня’, маркируется префиксом; ср. ‘он нас двоих побил’ \Rightarrow *na+tkaplə+mək*, ‘он нас многих побил’ \Rightarrow *na+tkaplə+lamək*, ‘он тебя побил’ \Rightarrow *na+tkaplə+γət*, ‘он вас двоих побил’ \Rightarrow *na+tkaplə+tki* и т. д., но ‘он меня побил’ \Rightarrow *ina+tkapl+i*.

— В языках банту глагол в 1ЕД имеет отрицательный префикс, отличный от отрицательного префикса всех других лиц и чисел; так, в суахили, где глагольные формы, кроме 1ЕД, отрицаются посредством префикса **h(a)-**, форма 1ЕД требует префикса **si-**: ‘ты не читаешь’ \Rightarrow *h+u+som+a*, ‘они не читали’ \Rightarrow *ha+wa+ku+som+a*, ‘мы не будем читать’ \Rightarrow *ha+tu+ta+som+a* и т. д., но ‘я не читаю’ \Rightarrow *si+som+i*, ‘я не читал’ \Rightarrow *si+ku+som+a*, ‘я не буду читать’ \Rightarrow *si+ta+som+a*.

5) В японском языке предикаты психического и физиологического состояния (‘бояться’, ‘страдать от холода’, ‘нуждаться’) могут употребляться в декларативном предложении в настоящем времени только в 1ЕД, ибо — с японской точки зрения — только я сам могу знать, что я сейчас чего-то боюсь, что мне холодно или что мне что-то нужно: ‘Мне страшно / Мне холодно / Мне нужно’ \Rightarrow *Watasi+wa kowai / samui / hosii*. Однако ‘Ивану страшно / Ивану холодно / Ивану нужно’ \Rightarrow **Ivan+wa kowai / samui / hosii*⁵; для всех прочих лиц и чисел к предикату состояния надо добавлять суффикс **-gar** ‘выглядеть как’: *Ivan+wa kowa+gar+te i+ru* букв. ‘Иван выглядя.как.боящийся имеется’.

6) В любом языке вводные выражения характеризуются специфическим поведением: их нельзя отрицать или ставить под вопрос, например: **Иван (как не известно) годится для такой работы* или **Иван (как известно?) годится для такой работы*. Это объясняется тем, что вводные выражения — не описательные: они выражают некоторое внутреннее состояние/мнение Говорящего, т. е. в их смысле присутствует компонент ‘я’ = ‘Говорящий’. Другими словами, это сигналитивы, о которых только что говорилось, но не лексические, а грамматические.

Подобных примеров можно привести еще очень много, но, как кажется, и приведенных достаточно, чтобы продемонстрировать приоритет Говорящего по отношению к Адресату и тем самым оправдать выбранное направление лингвистического описания: от смысла к тексту.

Постулат 3: Фраза и слово — базовые единицы лингвистического описания

В описании соответствия (1) необходимы два промежуточных уровня представления языковых выражений — синтаксическое представление [= СинтП], отражающее специфические особенности фразы, и морфологическое представление [= МорфП], отражающее специфические особенности слова (под словом здесь понимается словоформа, т. е. слово, взятое в одном определенном значении и в определенной грамматической форме; см. Мельчук 1997–2006, том I: 175 и сл.).

Фраза и слово — это, соответственно, максимальная и минимальная единица речи; обе эти единицы автономны и универсальны: они имеются во всех языках. Языковые закономерности, т. е. языковые правила, ограничены фразой; знаки, меньшие, чем слово, говорящими непосредственно не воспринимаются. Коммуникативная организация, порядок слов, лексическая сочетаемость, согласование и управление — все эти явления описываются в рамках фразы. Слово же служит областью действия для словоизменения и словообразования, а также для фонемных чередований. Чтобы успешно отразить особенности фразы и слова, ТСТ постулирует два промежуточных уровня языкового представления между смыслами и текстами. Введение этих двух уровней — уровня фразы, или синтаксического, и уровня слова, или морфологического, — соответствует традиции, которой следуют практически все школы лингвистической мысли.

Из постулатов 1–3 вытекает, что МСТ должна иметь следующее строение:

(2) Общее строение модели Смысл-Текст

$$\{\text{СемП}_i\} \Leftrightarrow \{\text{СинтП}_k\} \Leftrightarrow \{\text{МорфП}_l\} \Leftrightarrow \{\text{ФонетП}_j\}$$

**семантика синтаксис морфология +
фонология**

☛ Названия главных компонентов, или модулей, модели набраны полужирным шрифтом.

2.3.3 Основные формальные особенности модели Смысл-Текст

Модель Смысл-Текст [= МСТ] характеризуется пятью следующими общими формальными особенностями.

1) МСТ является эквативной, или трансдуктивной, системой. Эта модель ничего не порождает (в строгом математическом смысле термина *порождать*: ‘задавать множество указанием свойств его элементов’); она сопоставляет каждому СемП-у все ФонетП-ы, которые могут его выражать в данном языке, и наоборот (именно поэтому эта модель «эквативна»). Более конкретно, МСТ устанавливает соответствие между языковыми представлениями соседних уровней: она получает на вход представление уровня n (как берут, например, кулинарный рецепт, чтобы сварить солянку, или план будущего дома, чтобы приступить к строительству) и ставит ему в соответствие все возможные представления уровня $n+1$, конструируя их под контролем исходного представления, но не затрагивая его само; более того, МСТ должна быть способна выбрать лучшее (с языковой точки зрения) представление уровня $n+1$. Тем самым МСТ не является и трансформационной системой, ибо исходные представления никак не модифицируются. МСТ ведет себя, как нормальный носитель языка, который никогда не занимается ни порождением множеств грамматически правильных фраз, ни отличением правильных фраз от неправильных, и никогда не манипулирует абстрактными структурами. Он попросту говорит то, что ему надо, т. е. выражает с помощью текстов конкретные смыслы, которые он хочет сообщить своему адресату. МСТ делает то же самое: она «переводит» данный смысл в текст, который его несет (или же выполняет обратный «перевод»); поэтому МСТ и можно назвать трансдуктивной (= переводной) моделью.

Сказанное вовсе не означает, что в МСТ нет места операциям трансформации: напротив, трансформации перифразирования активно используются и в семантике (эквивалентные преобразования семантических структур), и в синтаксисе (эквивалентные преобразования глубинно-синтаксических структур), и в морфологии (чередования всех типов).

2) МСТ — это многомодульная система: она состоит из шести отдельных механизмов (= «подмоделей», или модулей, см. ниже, рис. 1, стр. 35), каждый со своим характерным устройством, которые функционируют независимо друг от друга и «общаются» через соот-

ветствующие языковые представления, которые, таким образом, служат интерфейсами. Иначе говоря, языковое представление, выдаваемое на выходе модуля n , оказывается входом модуля $n+1$. В остальном же каждый модуль МСТ строится и описывается, так сказать, в отрыве от всех других модулей — с целью как можно точнее отразить специфику того компонента языка, который моделируется данным модулем.

3) МСТ — это модель глобальная и интегральная: она имеет целью описать язык L как единое целое. Все ее модули, включающие словарь L и всю его грамматику, должны быть очень точно согласованы, взаимно настроены, так как они тесно сотрудничают в процессе синтеза текстов.

4) МСТ основана, как было сказано выше, на перифразировании, т. е. на синонимии высказываний. В самом деле, языковая компетенция есть не что иное, как способность построить для заданного смысла σ все тексты $T_i(\sigma)$ — все возможные для этого смысла перифразы — и выбрать среди них ту или те, что лучше всего подходят к данной ситуации в данном контексте. (О перифразировании и его роли в лингвистическом моделировании см. Milićević 2007.)

5) МСТ семантически ориентирована: используемое ею описание языка исходит из семантического представления фраз [= СемП], каковое представляет собой, как будет показано, формально записанный инвариант семейства более или менее синонимичных перифраз.

2.3.4 Два центральных понятия подхода Смысл-Текст: языковой смысл и перифразирование

Важнейшее для нас понятие языкового смысла можно неформально пояснить следующим образом. Рассмотрим фразу (3а) — формулировку простой арифметической задачи:

(3) а. *Маленький Миша купил две тетради, а маленький Алеша — три; сколько всего тетрадей у Миши и Алеши вместе?*

Понять эту фразу означает для школьника свести ее, в конце концов, к формуле (3b):

б. $2+3 = ?$

Эта формула **не** является языковым смыслом фразы (3а), хотя русский язык вполне позволяет употребить здесь слово СМЫСЛ и сказать, что формула « $2+3=?$ » и есть — в некотором смысле! — смысл

фразы (3а). Я, однако, имею в виду не русское слово СМЫСЛ (или эквивалентное ему слово другого языка), а технический термин языковой смысл: он же означает 'та информация, которую можно извлечь из языкового выражения исключительно на основе знания данного языка'. Так как «перевод» (3а) \Leftrightarrow (3b) выполнить **только** на основе знания языка нельзя, то (3b) и не может считаться языковым смыслом фразы (3а).

Заметим теперь, что сформулировать ту же самую арифметическую задачу с помощью языка можно и иначе, например посредством любой фразы из набора (4):

- (4) **a.** *Мишенька приобрел две тетрадки, а Алешенька — три тетрадки; сколько теперь тетрадок имеют мальчики?*
b. *Мальчик по имени Михаил/Миша купил тетради в количестве двух, а другой мальчик, Алексей/Алеша, — в количестве трех; каково общее число тетрадей у обоих?*
c. *Миша обзавелся двумя тетрадями, а Алеша — приобрел три; назовите количество тетрадей, которые есть у мальчиков.*
d. *Пара тетрадей была куплена Мишей, а еще тройка — Алешей; сосчитай общее число всех приобретенных тетрадей.*

Нетрудно видеть, что варьируя слова и их расположение, можно получить гораздо больше подобных фраз — тысячи! (Имеется по крайней мере 4 варианта для *Миша*, 4 — для *Алеша*, 2 для *тетрадь/тетрадка*, 2 для *два/пара*, 2 для *три/тройка*, 4 для *купить/приобрести/куплен/приобретен*, 4 для *иметь/иметься/У/есть* у и т. д.; все они комбинируются между собой, что в результате дает $4 \times 4 \times 2 \times 2 \times 2 \times 4 \times 4 = 2048$ фраз; а ведь есть еще и варианты *оба мальчика, в числе, в количестве, общий, вместе, каково, сколько* и т. д.) Все эти фразы могут быть получены друг из друга только благодаря владению русским языком; никаких других сведений не требуется. Следовательно, все эти фразы — плюс (3а), с которой все началось, — имеют один и тот же языковой смысл; они синонимичны и называются перифразами друг друга. Их смысл — это то и только то общее, что есть у них у **всех**, несмотря на их «внешние» различия: их инвариант. Чтобы этим инвариантом можно было оперировать, его надо представить формально, в виде заранее фиксированной символической записи. Такая запись будет продемонстрирована ниже — это семантическая сеть; пока же будет достаточно считать, что множество перифраз, приведенных выше, задается самой простой и явной из них, например:

- (5) *Мальчик по имени Михаил купил две тетради, мальчик по имени Алексей купил три тетради; скажи, чему равно количество тетрадей, которые купили Михаил и Алексей.*

Фраза (5), формализованная неким определенным образом (см. 3.2.2, стр. 37 и сл.), и считается языковым смыслом всего семейства перифраз, задаваемых посредством (3а) и (4). Предполагается, далее, что языковой смысл записывается в мозгу носителей сходным образом — понимается, не буквами кириллической азбуки, а некоторой конфигурацией электронов, которая изоморфна нашей смысловой записи.

Неязыковое выражение (3b) — которое можно, конечно, произнести/записать и по-русски (*Сколько будет два плюс три?*) — представляет собой обобщенное информационное содержание перифраз, о которых идет речь. Это содержание — неполное: в нем отражена только та информация, которую Говорящий счел необходимой и достаточной для данного речевого акта. Такое содержание языковых выражений — дискретное психическое отражение действительности в человеческом сознании — мы будем называть концептуальным представлением.

Одно и то же концептуальное представление в принципе может соответствовать разным языковым смыслам.

Так, (3b) можно выразить по-русски совершенно другим языковым смыслом, т. е. совершенно другим семейством перифраз:

- (6) **a.** *У Кати трое детей, а у ее сестры Светы — двое; сколько всего детей у обеих сестер?*
b. *Катя имеет троих детей, а число детей Светы, ее сестры, — двое; сосчитай число детей обеих сестер.*
c. *Света — мать двоих детей, а ее сестра Катя родила троих; назови количество детей у двух сестер.*

Фразы из набора (6) соответствуют той же самой арифметической задаче, т. е. той же формуле (3b).

В нижеследующем тексте речь обычно идет именно о языковом смысле; это позволяет — в порядке сокращения — впредь опускать прилагательное *языковой*.

Здесь пора остановиться и перейти к характеристике одной конкретной функциональной языковой модели — модели Смысл-Текст — и того методологического подхода, который вырос из разработки этой модели, ведущейся в течение полувека, и известен как «лингвистическая теория Смысл-Текст»; этому будут посвящены главы 3, 4 и 5.

Любезный читатель! Я должен честно предупредить тебя, что в последующих главах изложение ведется на гораздо более техническом уровне, чем до сих пор. Причина этого указана в главе 5 (5.2.1, стр. 87 и сл.). Дело в том, что лингвистика пользуется естественным языком как инструментом для описания естественного языка; поэтому во избежание смешения понятий и логических несуррициц необходим достаточно формализованный аппарат и соответствующая терминология, т. е. создание и использование специального лингвистического метаязыка. Такой метаязык обеспечивает совместимые и легко переводимые друг в друга описания.

Формализация, однако, неминуемо создает у людей, непривычных к ней, трудности при чтении и понимании текстов по теории естественного языка. Для того чтобы облегчить понимание моего текста **образованным неспециалистам**, я воспользуюсь известным правилом, которым руководствуются хорошие докладчики: «Сначала скажи, о чем будешь говорить; потом говори об этом; а потом напомни, о чем говорил». Поэтому я сначала объясню, по возможности — «на пальцах», о чем вы будете читать дальше. Кое-что по этому поводу было уже сказано (1.2), так что я вынужден повторяться; однако для данного типа изложения это не страшно: «Повторенье — мать ученья».

В главе 3 характеризуется модель Смысл-Текст для русского языка; более точно, в этой главе решаются три задачи:

- Вводятся лингвистические представления фразы: семантическое представление — формализованная запись смысла данной фразы (а также всех фраз, синонимичных ей); синтаксическое представление — формализованная запись строения фразы; и т. д. Начиная с синтаксического уровня (и выше, т. е. ближе к тексту), различаются глубинный и поверхностный подуровни каждого уровня: глубинный ориентирован в сторону смысла и сохраняет все релевантные семантические различия; поверхностный, напротив, ориентирован на текст и фиксирует все релевантные формальные различия.

- Вводятся модули (= компоненты) самой модели Смысл-Текст; каждый модуль принимает на входе некоторое более глубинное представление фразы и на выходе ставит ему в соответствие все подходящие более поверхностные представления (несущие тот же смысл) — и обратно.

- Демонстрируются все этапы, через которые проходит процесс языкового синтеза и анализа в модели Смысл-Текст.

Глава 4 посвящена двум основным параметрам описания естественных языков:

— парадигматическая ось, на которой говорящие выбирают одну из альтернативных языковых единиц — слово, грамматическую характеристику, синтаксическую конструкцию; и

— синтагматическая ось, на которой говорящие соединяют выбранные единицы по правилам данного языка и тем самым строят фразы.

Другими словами, речевая деятельность говорящих сводится к выбору единиц и комбинированию выбранных единиц.

В этой связи более детально рассматриваются понятия лексического выбора и лексической сочетаемости; в частности, на основе достаточно богатого примера показывается, как сочетаемость слов помогает проверять и уточнять гипотезы об их смысле. Вводятся лексические функции — важнейший инструмент описания ограниченной лексической сочетаемости, имеющей место, например, в таких сочетаниях, как *круглый дурак ~ полный идиот ~ сумасшедший успех ~ глубокое отчаяние ~ высокая температура*, где прилагательное, обозначающее 'высокую степень', выбирается в зависимости (т. е. как функция) от определяемого им существительного.

В Главе 5 более глубоко рассматриваются четыре теоретических вопроса лингвистики Смысл-Текст:

- На примере испанских полугласных и русских биноминативных конструкций (*Кукуруза сегодня — это колбаса завтра*) демонстрируются преимущества лингвистического описания интересующих нас языковых явлений с точки зрения их синтеза, т. е. исходя из соответствующего смысла.

- Чтобы проиллюстрировать первостепенную важность строгого понятийного аппарата и соответствующей терминологии, я разбираю три группы лингвистических понятий: языковой знак; слово; грамматический залог, падеж и эргативная конструкция.

- Детально характеризуется особый словарь нового типа, предусматриваемый подходом «Смысл-Текст», — толково-комбинаторный словарь [= ТКС]; приводятся две полные словарные статьи.

- Описываются и формально определяются все типы языковых зависимостей, в особенности — синтаксические зависимости. Это, по-видимому, самый технический раздел данной книжки.

В самом конце имеется алфавитный Указатель с глоссарием; так что, дорогой читатель, когда наткнешься на непонятный термин (вроде *супрессив* или *глайд*), не впадай в панику, а спокойно обращайся к Указателю.

Глава 3: Очерк одной конкретной языковой модели: модель Смысл-Текст

В качестве развернутой иллюстрации я рассмотрю одну конкретную версию функциональной языковой модели Смысл-Текст, работа над которой ведется уже более сорока лет. Сначала вводится различие глубинных и поверхностных подуровней языковых представлений, используемых моделью (3.1); затем приводятся образцы языковых представлений одной фразы на всех уровнях представления (3.2); в заключение даются примеры правил соответствующего модуля, по несколько для каждого модуля (3.3). Таким образом, будут продемонстрированы все этапы, через которые проходит процесс языкового синтеза: от некоторого данного смысла к одному из выражающих его текстов. (Более подробно о модели Смысл-Текст и, в частности, о семантическом представлении фраз, см. Mel'čuk 2012.)

3.1 Глубинные и поверхностные подуровни языковых представлений в модели Смысл-Текст

Все уровни языкового представления, за исключением семантического, подразделяются на два подуровня — глубинный [= Г-] и поверхностный [= П-]. Каждый глубинный подуровень ориентирован, естественно, в глубину, т. е. к смыслу: его задача — выражать все семантические различия, которые релевантны на соответствующем уровне. Каждый поверхностный подуровень ориентирован, напротив, к поверхности, т. е. к тексту: его задача — выражать все формальные различия, релевантные на соответствующем уровне.

В результате введения дихотомии «глубинный vs. поверхностный» мы получаем для каждой фразы (или части фразы) набор из семи языковых представлений; строение модели Смысл-Текст может быть представлено схемой (7), см. след. стр.

ГФонП — это глубинно-фоническое, т. е. фонологическое, представление: оно отражает только семантически нагруженные звуковые различия. ПФонП — это поверхностно-фоническое, т. е. фоне-

(7) Детализированное строение модели Смысл-Текст (ср. (2) на стр. 26)

$$\begin{array}{ccccccc}
 \{СемП_i\} & \Leftrightarrow & \{ГСинтП_{k_1}\} & \Leftrightarrow & \{ПСинтП_{k_2}\} & \Leftrightarrow & \{ГМорфП_{j_1}\} & \Leftrightarrow \\
 & & \text{семантика} & & \text{глубинный} & & \text{поверхностный} & & \text{глубинная} \\
 & & & & \text{синтаксис} & & \text{синтаксис} & & \text{морфология} \\
 \Leftrightarrow & & \{ПМорфП_{j_2}\} & \Leftrightarrow & \{ГФонП_{j_1}\} & \Leftrightarrow & \{ПФонП_{j_2}\} & \\
 & & \text{поверхностная} & & \text{фонология} & & & & \\
 & & \text{морфология} & & & & & &
 \end{array}$$

тическое, представление (ПФонП = ФонетП): оно отражает артикуляторные/акустические различия, релевантные для производства физических звуков, или фонов, данного языка. (О различии «фонетическое ~ фонологическое» см. примечание 4, стр. 148.)

На рис. 1 (стр. 35) показаны компоненты, или модули, модели Смысл-Текст — в их связи с языковыми представлениями всех уровней (включая различие «глубинный vs. поверхностный»): модули и уровни представления расположены по вертикали, начиная с самого глубинного, т. е. семантического, уровня и кончая самым поверхностным уровнем — фонетическим (= поверхностно-фоническим).

Модель Смысл-Текст состоит из шести модулей, которые, если оставить в стороне подразделение на глубинные и поверхностные подуровни, соответствуют четырем главным разделам лингвистики — это семантика, синтаксис, морфология и фонология. Каждый модуль получает имя по тому представлению, которое является для него входным при синтезе, т. е. по более глубинному представлению. Так, модуль «Семантика», исходя из данного семантического представления СемП_i, строит все глубинно-синтаксические представления {ГСинтП_{k₁}}, несущие тот же смысл — смысл, задаваемый этим СемП_i. Модуль «Глубинный синтаксис» применяется к некоторому ГСинтП_{k₁} и строит все {ПСинтП_{k₂}}, которые могут реализовать данное ГСинтП_{k₁}, и так далее.

3.2 Языковые представления в модели Смысл-Текст

3.2.1 Общие замечания

МСТ предполагает семь представлений фразы (или ее частей). Каждое такое представление состоит из нескольких формальных объектов, называемых структурами. Так, СемП включает четыре структуры:

- Семантическая структура [= СемС] отражает пропозициональный («объективный») смысл описываемого выражения; она пред-

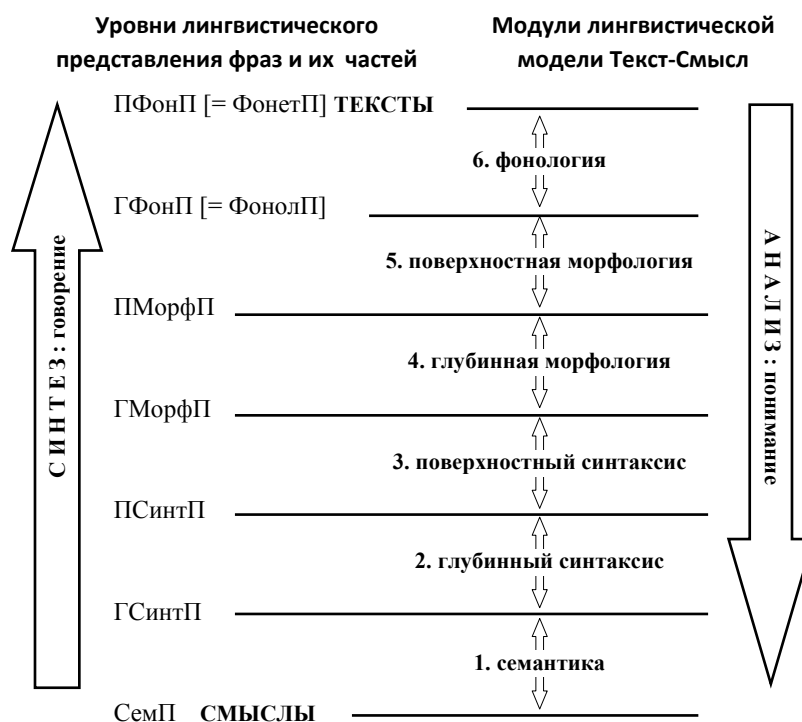

Рис. 1. Уровни лингвистического представления и модули модели Смысл-Текст

ставляет собой ядро СемП-а — его основную структуру, на которую накладываются, уточняя ее, три остальные структуры.

- Семантико-коммуникативная структура [= Сем-КоммС] отражает коммуникативный («субъективный») смысл выражения. Говоря метафорически, она задает маршрут Говорящего через СемС: с чего он хочет начать, т. е. о чем говорить, и чем завершить, т. е. что именно сказать; что счесть известным для Адресата, а что нет; что высветить, а что, напротив, задвинуть за сцену; и т. п. Соответственно, эта структура оперирует такими противопоставлениями, как «тема ~ рема», «данное ~ новое», «передний план ~ задний план» и т. д.

- Риторическая структура [= РитС] отражает «художественные» установки Говорящего: хочет ли он быть ироничным, поэтичным, вульгарным, нейтральным и т. п., намеревается ли он бесстрастно сообщать, эмоционально убеждать или смешить.

• Референциальная структура [= РефС] задает связи семантических компонентов СемС, т. е. семантем, с их референтами в реальном мире (о референтах языкового знака см. 5.2.2, стр. 95)*. Более точно, РефС указывает (i) референт данной семантемы и (ii) ее референциальный статус (Падучева 1985: Глава IV, стр. 79 и сл.), т. е. возможность отождествления референта Говорящим и Адресатом: семантема бывает определенной, слабо-неопределенной и сильно-неопределенной. В то же время в РефС содержится информация о кореферентности разных конфигураций семантем: кореферентным конфигурациям соответствует один и тот же референт (например, в смысле фразы ‘Когда **Чайковский** прибыл в Америку, имя **композитора** было там широко известно’ кореферентные семантемы выделены полужирным шрифтом). Соответствующая информация, хотя и не является, строго говоря, чисто языковой, часто необходима для построения правильных языковых выражений: референциальный статус семантем в принципе влияет на форму их выражения. Вот три примера этого.

Пример 1: изъявительное vs. сослагательное наклонение

(8) **a.** *Иван ищет среди сотрудников человека, который **умеет** программировать.*

vs.

b. *Иван ищет среди сотрудников человека, который **умел бы** программировать.*

Фраза (8a) уместна, если Говорящий предполагает, что такой сотрудник существует, т. е. смысл ‘сотрудник’ в исходной СемС имеет референт, а фраза (8b) — если Говорящий такого предположения не делает.

Пример 2: полная vs. краткая форма прилагательного в роли сказуемого (наблюдение Е. В. Падучевой)

(9) **a.** *Подобные доводы очень убедительны/***очень убедительные.***

vs.

b. *Эти последние доводы очень убедительны/**очень убедительные.***

Прилагательные указанного типа не могут употребляться в составе сказуемого в полной форме, если подлежащее имеет не конкретный индивидуальный референт, а обозначает класс сущностей.

* На самом деле, связи эти указываются не для самих референтов — физических объектов и явлений, а для их отражений в мозгу, т. е. для их концептуальных представлений; эта тонкость, однако, в данном контексте не важна.

Пример 3: глагол ЛЮБИТЬ vs. глагол НРАВИТЬСЯ (наблюдение Т. В. Бульгиной)

(10) а. *Я очень люблю этот суп [актуальный презенс; надо: *Этот суп мне очень нравится*].

vs.

б. Я очень люблю такой суп / такие супы.

Глагол ЛЮБИТЬ в данном значении требует, чтобы смысл его прямого дополнения был нереферентным и относился к классу существей. (Ср., однако, *Я люблю эту женщину / этого ребенка* и т. п., где выступает другое значение глагола ЛЮБИТЬ.)

Языковые представления других уровней организованы аналогичным образом: каждое состоит из нескольких структур, что делает полную картину довольно сложной. Поэтому я пожертвую точностью и буду подробно рассматривать лишь по одной структуре на представление, а именно — основную структуру данного представления.

3.2.2 Семантическая структура фразы

Семантическое представление — это, как было сказано, упорядоченная четверка следующего вида (полужирным шрифтом показана основная структура):

$$\text{СемП} = \langle \text{СемС} ; \text{Сем-КоммС} ; \text{РитС} ; \text{РефС} \rangle$$

Ядро СемП-а составляет семантическая структура [= СемС], каковая выражает смысл семейства синонимичных фраз. Формально это размеченная сеть, т. е. размеченный направленный связный граф.

➤ Узлы (= вершины) семантической сети помечены именами смысловых единиц языка L, называемых семантемами; семантема — это значение лексической единицы L; в нашем случае семантемы суть попросту значения слов русского языка. Семантемы подразделяются на предикаты⁶ (включая квазипредикаты) и семантические имена.

➤ Стрелки (= дуги) семантической сети помечены номерами смысловых отношений; это чисто различительные номера, соответствующие аргументам данного предиката.

Приведем пример семантической структуры, задающей смысл целого семейства синонимичных фраз, одной из которых является, например, фраза (11):

(11) *Оруэлл уверен в том, что то, что он активен в политике, делает его произведения лучше.*

Семантическая структура этой фразы приводится в (13), на следующей странице. Эта СемС может быть реализована, в частности, также фразами (12):

- (12) **a.** *Оруэлл не сомневается в положительном воздействии его политической активности на качество его произведений.*
b. *Оруэлл не сомневается, что то, что он активен в политике, делает его произведения лучше.*
c. *У Оруэлла нет сомнений в том, что его политическая активность положительно сказывается на качестве его произведений.*
d. *У Оруэлла есть уверенность в том, что его произведения становятся лучше благодаря его политической деятельности.*
e. *То, что качество его произведений улучшается в результате его политической деятельности, не вызывает у Оруэлла никаких сомнений.*
f. *Оруэлл убежден, что его политическая деятельность оказывает положительное влияние на его творчество.*
g. *Оруэлл уверен, что качество его произведений повышается благодаря его активности в политике.*
h. *По убеждению Оруэлла, его произведения делаются лучше благодаря его политической ангажированности.*

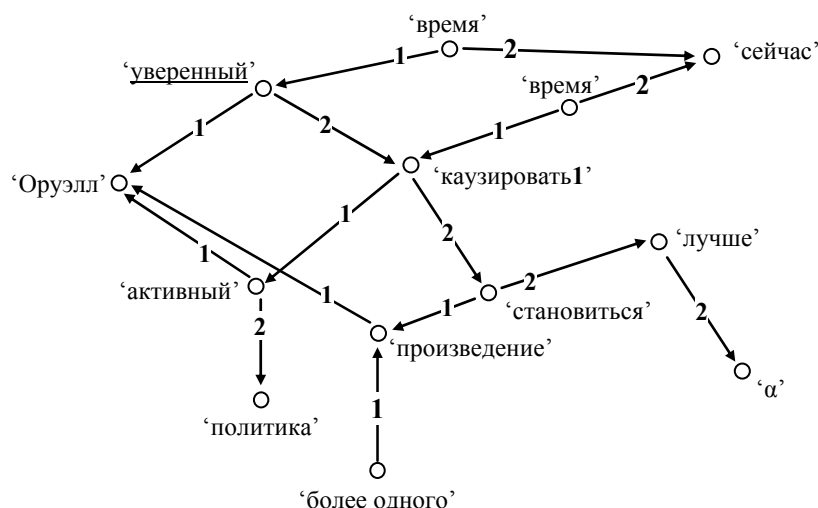
Хорошо известно, что фраза, достаточно, но отнюдь не чрезмерно, сложная, может иметь десятки тысяч и даже десятки миллионов перифраз (это было продемонстрировано выше, в 2.3.4, стр. 29 и сл.; см. также Жолковский & Мельчук 1967: 179–180, Mel'čuk 1992a: 26–27, 1993: 44, 76–77)⁷; увеличивать здесь число иллюстраций незачем. Примеры в (12) наглядно демонстрируют богатство и синонимическую гибкость естественного языка, отражаемые моделью Смысл-Текст.

Здесь особенно важны два следующих положения.

СемС и перифразирование

СемС, как было сказано, представляет смысл не какой-то одной фразы, а целого СЕМЕЙСТВА более или менее синонимичных фраз, иначе говоря — перифраз. Перифразирование лежит в основе подхода Смысл-Текст и одновременно является его испытательным полигоном: модель Смысл-Текст должна обеспечивать построение всех возможных перифраз, выражающих заданный смысл, и при этом только таких, которые опознаются носителями языка как правильные тексты, несущие именно этот смысл.

- (13) Семантическая структура фразы (11) и всех фраз, имеющих тот же или достаточно сходный смысл

- 1. Подчеркивание семантемы 'уверенный' отмечает ее как коммуникативно-доминантный элемент⁸ данной СемС; это указание является частью семантико-коммуникативной структуры перифраз данного семейства.
- 2. Символ «α» употреблен в качестве сокращения для сложного смысла ≈ 'чем произведения Оруэлла были в предыдущий отрезок времени'.

СемС и информационное содержание текстов

Говоря здесь о смысле, я имею в виду, как было оговорено выше, исключительно языковой смысл, каковой может быть извлечен из текста только на основе владения данным языком, безо всякого участия общих знаний, здравого смысла, логики и т. п.

Так, фразы (14a) и (14b) имеют разный языковой смысл, т. е. они не синонимичны:

- (14) а. Цена молока удвоилась.
 б. Цена молока выросла на 100%.

Эти фразы, разумеется, информационно эквивалентны (т. е. имеют одинаковое концептуальное представление, см. непосредственно ниже), но чтобы установить этот факт, необходимо некоторое знание арифметики. Точно так же не синонимичны, хотя информационно эквивалентны, английское и русское выражения в (15):

- (15) **a.** *без двадцати восемь*;
b. *twenty to eight* букв. ‘двадцать до восьми’

Иначе говоря:

СемС-ы представляют чисто языковые смыслы, и, как следствие этого, они «национальны», т. е. не универсальны, а специфичны для конкретных языков.

Полная модель речевого поведения предполагает еще один уровень представления содержания текстов — концептуальное представление [= КонцептП], которое уже упоминалось; см. ниже, 3.2.7, стр. 50.

Охарактеризовав важное разграничение между национальными СемП-ами и интернациональными КонцептП-ами, я займусь теперь более детально свойствами семантических структур в рамках подхода Смысл-Текст. СемС (13) написана на формальном семантическом языке (это та самая «семантическая транскрипция», о которой шла речь выше). Как и всякий язык, он задается словарем (= набором базовых единиц) и грамматикой (= набором правил соединения этих единиц в правильные выражения).

➤ Словарь семантического языка теории Смысл-Текст для описания естественного языка L включает практически все семантемы L.

- ☛ Наречие *практически* отражает тот факт, что означаемые некоторых лексических единиц [= ЛЕ] языка L в состав семантического языка не допускаются. Это, прежде всего, означаемые служебных ЛЕ и ряд других означаемых, каковые уточнять здесь нет необходимости.

Подход Смысл-Текст предполагает свой семантический язык для каждого естественного языка L. Этим данный подход существенно отличается от семантической теории Анны Вежбицкой (см., например, Вежбицкая 1999), нацеленной на построение универсального семантического языка, словарь которого состоит из семантических примитивов — элементарных, т. е. неразложимых, смыслов.

➤ Грамматика, или синтаксис, семантического языка теории Смысл-Текст — это синтаксис семантических сетей. Сеть (в смысле теории графов) служит формальным «носителем» для выражений, базирующихся на языке исчисления предикатов; как было сказано, ветви (= стрелки) этой сети представляют отношения типа «преди-

кат \rightarrow аргумент». Другими словами, подсеть вида ‘ $x \leftarrow 1-P-2 \rightarrow y$ ’ есть не что иное, как предикация $P(x, y)$.

Рассмотрим теперь, как происходит построение какой-либо из фраз, выражающих смысл СемС, данной в (13), — например, фразы (11). Чтобы получить эту фразу, семантический модуль МСТ конструирует, прежде всего, соответствующее ГСинтП, которое содержит, наряду с другими структурами, ГСинтС (16), см. сл. стр.

Если СемС выражает в принципе общий смысл **семейства** синонимичных фраз (а не одной фразы), ГСинтС описывает в принципе именно **одну конкретную** фразу. Структуры всех последующих, т. е. более поверхностных, уровней также описывают индивидуальные фразы.

3.2.3 Глубинно-синтаксическая структура фразы

Глубинно-синтаксическое представление — это упорядоченная четверка следующего вида (полужирным шрифтом, как и выше, показана основная структура):

ГСинтП = \langle **ГСинтС** ; ГСинт-КоммС ; ГСинт-ПросС ; ГСинт-АнафС \rangle

Ядро ГСинтП-а составляет глубинно-синтаксическая структура [= ГСинтС]; она выражает организацию фразы в терминах входящих в нее лексических единиц и связывающих их между собой ГСинт-отношений, см. (16) на следующей странице.

ГСинт-коммуникативная структура фразы [= ГСинт-КоммС] задает разделение ГСинтС на коммуникативные зоны, (примерно) соответствующие Сем-коммуникативным зонам в СемС.

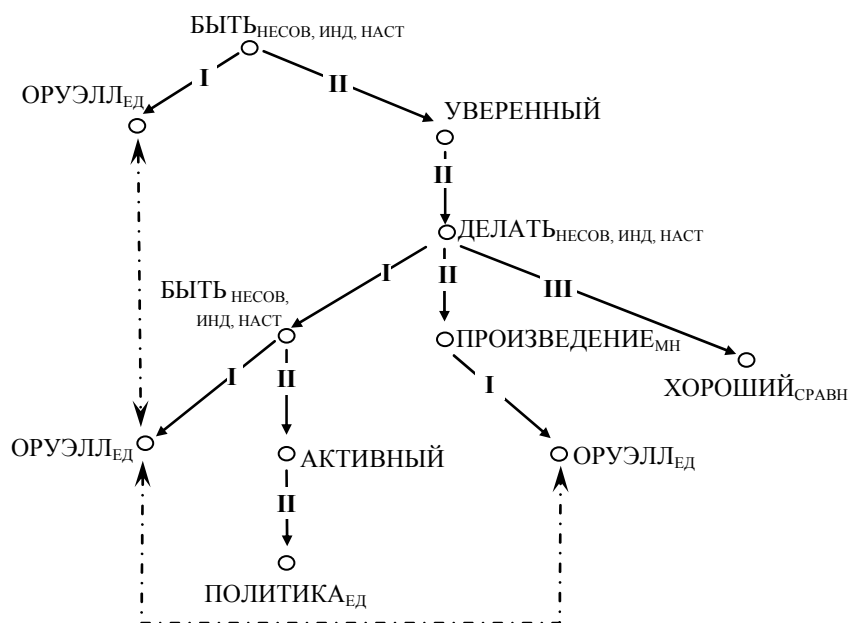
ГСинт-просодическая структура фразы [= ГСинт-ПросС] описывает семантически нагруженные просодии, характеризующие фразу (декларативная, экспрессивная, вопросительная и т. д.).

ГСинт-анафорическая структура фразы [= ГСинт-АнафС] указывает кореферентность лексических единиц, составляющих ГСинтС; эта структура ответственна за прономинализацию — введение местоимений-заменителей (ОН, ОНА, ..., ЭТОТ, ..., КОТОРЫЙ, ...).

В дальнейшем рассматривается только ГСинтС фразы.

Глубинно-синтаксическая структура [= ГСинтС] некоторой фразы — это линейно неупорядоченное дерево зависимостей (см. глоссарий, стр. 163).

(16) Глубинно-синтаксическая структура фразы (11)

- 1. Нулевая форма связки БЫТЬ во фразе (11) выражена в ГСинт- и ПСинт-структуре этой фразы соответствующей лексемой.
- 2. В данной диаграмме показаны также связи кореферентности — пунктирными двунаправленными стрелками (речь идет об одном и том же Оруэлле). Задание связей кореферентности есть часть ГСинт-АнафС.

➤ Узлы (= вершины) ГСинтС помечены именами семантически полных лексических единиц [= ЛЕ] данного языка, которые снабжены семантически полными флективными характеристиками (т. е. семантически полными граммемами).

- В ГСинт-дереве указываются все полные ЛЕ представляемой фразы и только они; служебные слова любых типов — вспомогательные глаголы, управляемые предлоги и союзы, местоименные маркеры синтаксических ролей типа ТО [, чего он добивался]... — в ГСинтС не допускаются, равно как и местоимения-заменители, такие как ОН или КОТОРЫЙ. Иначе говоря, при синтезе конкретная ГСинтС представляет фразу до осуществления прономинализации; так, в ГСинтС (16) мы имеем вместо местоимений ОН и ЕГО их источник — ОРУЭЛЛ. К полным ЛЕ данного языка принадлежат единицы четырех типов:

— Обычные полнозначные лексемы — это то, что мы видим в (16).

— Идиомы, т. е. некомпозиционные фраземы типа 'ЗАТКНУТЬ ЗА ПОЯС', 'ВСЯ ПОДНОГОТНАЯ', 'КРОВЬ С МОЛОКОМ', 'У ЧЕРТА НА КУЛИЧКАХ' и т. д. Каждая из них представляется в ГСинтС одним узлом, ибо идиома — это одна ЛЕ. (О композиционности/некомпозиционности сложных языковых знаков см. 5.2.2, стр. 96 и сл.; идиомы обозначаются символами «' ».)

— Имена лексических функций [= ЛФ], описывающих композиционные фраземы определенного типа, а именно коллокации⁹, типа *пороть* [ЛФ Oper₁] *ЧУШЬ* vs. *молоть* [ЛФ Oper₁] *ВЗДОР*, *играть* [Oper₁] *важную* [Magn] *РОЛЬ* vs. *иметь* [Oper₁] *большое* [Magn] *ЗНАЧЕНИЕ*, *сдавать* [Oper₂] *ЭКЗАМЕН* vs. *проходить* [Oper₂] *ИСПЫТАНИЕ* и т. д. О ЛФ см. ниже, раздел 4.2.

— Фиктивные лексемы, которые вводятся для описания синтаксических конструкций, несущих полноценный лексический смысл. Так, русская аппроксимативно-количественная конструкция типа *раз шесть* ≈ 'примерно шесть раз' изображается на ГСинт-уровне посредством фиктивной лексемы «ПРИМЕРНО»:

шесть раз ⇔ ШЕСТЬ←ATTR-РАЗ_{МН}

vs.

раз шесть ⇔ «ПРИМЕРНО»←ATTR-ШЕСТЬ←ATTR-РАЗ_{МН}

Заметим, что фиктивная лексема «ПРИМЕРНО» не совпадает по смыслу с реальной русской лексемой ПРИМЕРНО: так, человек, идущий на день рождения к знакомому, может ответить на вопрос «А сколько ему сегодня лет?» *Точно не знаю, лет сорок*, но вряд ли *Точно не знаю, примерно сорок*. (Более того, даже со словом РАЗ наречие ПРИМЕРНО сочетается с трудом: *раза два* ~ *примерно два раза*.) Дело в том, что эта конструкция выражает не только приближенность, но и сомнение Говорящего в называемом им числе.

ЛЕ вводятся в ГСинтС лексико-семантическими правилами; ср. 3.3, правило R_{Sem} 2, стр. 56.

• В ГСинт-дереве имя морфологически изменяемой лексемы снабжается семантически полными граммемами, т. е. граммемами, которым в принципе соответствует некая конфигурация семантем в СемС. Так, в русском языке каждое существительное в ГСинтС обязательно имеет при себе граммему числа, глагол — граммемы вида, наклонения и времени, а прилагательное — граммему степени сравнения. Эти граммемы вводятся в ГСинтС флективно-семантическими правилами; ср. 3.3, правило R_{Sem} 3, стр. 57.

➤ В е т в и (= дуги, или стрелки) ГСинтС помечены именами глубинно-синтаксических отношений [= ГСинтО]; в отличие от номеров семантических отношений, каковые являются чисто различительными, имена ГСинтО обозначают наиболее общие типы синтаксических конструкций.

ГСинтО предполагаются универсальными, т. е. пригодными для описания ГСинтС любого языка.

- Все синтаксические конструкции, известные в языках мира, подразделяются на два семейства — сочинительные vs. подчинительные конструкции; все сочинительные конструкции описываются двумя ГСинт-отношениями **COORD**(inative) и **QUASI-COORD**.

- Подчинительные конструкции подразделяются, в свою очередь, на слабоподчинительные vs. сильноподчинительные; слабоподчинительные конструкции представляются посредством присоединительного ГСинтО **APPEND**(itive).

- Сильноподчинительные конструкции делятся на определительные/обстоятельственные, каковые покрываются ГСинтО **ATTR**(ibutive) и **ATTR_{descr}**, vs. актантные.

- Наконец, актантные конструкции представляются посредством ГСинтО **I, II, ..., VI, II_{dir.sp}**.

Глубинно-синтаксический актант [= ГСинтА] лексемы L — это такой синтаксический зависимый лексемы L, который выражает ее семантический актант [= СемА], иначе говоря — один из ее аргументов. Во фразе *Из-за этого Иван при мне напомнил Маше об экзамене* слова ИВАН, МАША и ЭКЗАМЕН суть ГСинтА глагола НАПОМНИТЬ, так как они «навязываются» ее смыслом; выражения *из-за этого* и *при мне* актантами глагола не являются.

Эмпирически установлено, что ЛЕ естественных языков могут иметь до шести ГСинт-актантов, что дает шесть актантных ГСинтО; к ним добавляется еще одно ГСинтО для прямой речи (**II_{dir.sp}**).

Итого, имеется 12 ГСинтО:

два сочинительных ГСинтО

COORD (МАША—COORD→ВАНЯ—COORD→ИЛИ ПЕТЯ)
QUASI-COORD (В—QUASI-COORD—[МОСКВА]→НА—QUASI-COORD—[АРБАТ]→У ВАНЯ: *в Москве, на Арбате, у Вани*; т. е. уточнения указанного типа)

одно присоединительное ГСинтО

APPEND (УВЫ, \leftarrow APPEND-ПРОПАСТЬ ВСЁ!: *Увы, все пропало!*;
 ВАНЯ, КОНЕЧНО, \leftarrow APPEND-УЙТИ: *Ваня, конечно, ушел.*)

два определительных ГСинтО

ATTR (СИНИЙ \leftarrow ATTR-ПЛАТОК, СИЛЬНО \leftarrow ATTR-СЖАТЬ)

ATTR_{descr} (Я, \leftarrow ATTR_{descr} \rightarrow БОЛЬНОЙ И ГОЛОДНЫЙ)

семь актантных ГСинтО

I (ИВАН \leftarrow I-ЧИТАТЬ: *Иван читает*)

II (КНИГА \leftarrow II-ЧИТАТЬ: *читать книгу*)

III (КНИГА \leftarrow II-ПОСЛАТЬ-III \rightarrow ИВАН: *послать книгу Ивану*)

IV-VI (ПЯТЬ РУБЛЬ \leftarrow II-ОДОЛЖИТЬ-IV \rightarrow МЕСЯЦ:

одолжить 5 рублей на месяц;

КОМАНДИРОВАТЬ-III \rightarrow КИЕВ

└─IV \rightarrow МЕСЯЦ

└─V \rightarrow ИЗУЧЕНИЕ (*спроса*):

командировать в Киев на месяц для изучения спроса)

II_{dir.sp} («ПЯТЬ РУБЛЬ!» \leftarrow II_{dir.sp}-ВОСКЛИКНУТЬ-I \rightarrow ЮРА:

«Пять рублей!» — воскликнул Юра.)

ГСинт-дерево линейно не упорядочено; размещение его узлов на плоскости, например на листе бумаги, не имеет значения и выбирается исключительно из соображений наглядности. Поскольку порядок слов является главным языковым средством выражения синтаксической структуры, он не может быть частью этой структуры. Он появляется только в глубинно-морфологической структуре фразы, т. е. на уровне, более приближенном к тексту, нежели синтаксическая структура.

Глубинно-синтаксический модуль МСТ получает на вход некое конкретное ГСинтП фразы, включающее ее ГСинтС, например (16), и строит для этого исходного представления все возможные ПСинтП-ы, в том числе и ПСинтП фразы (11). В следующем разделе это ПСинтП представлено своей основной структурой, т. е. ПСинтС фразы (11).

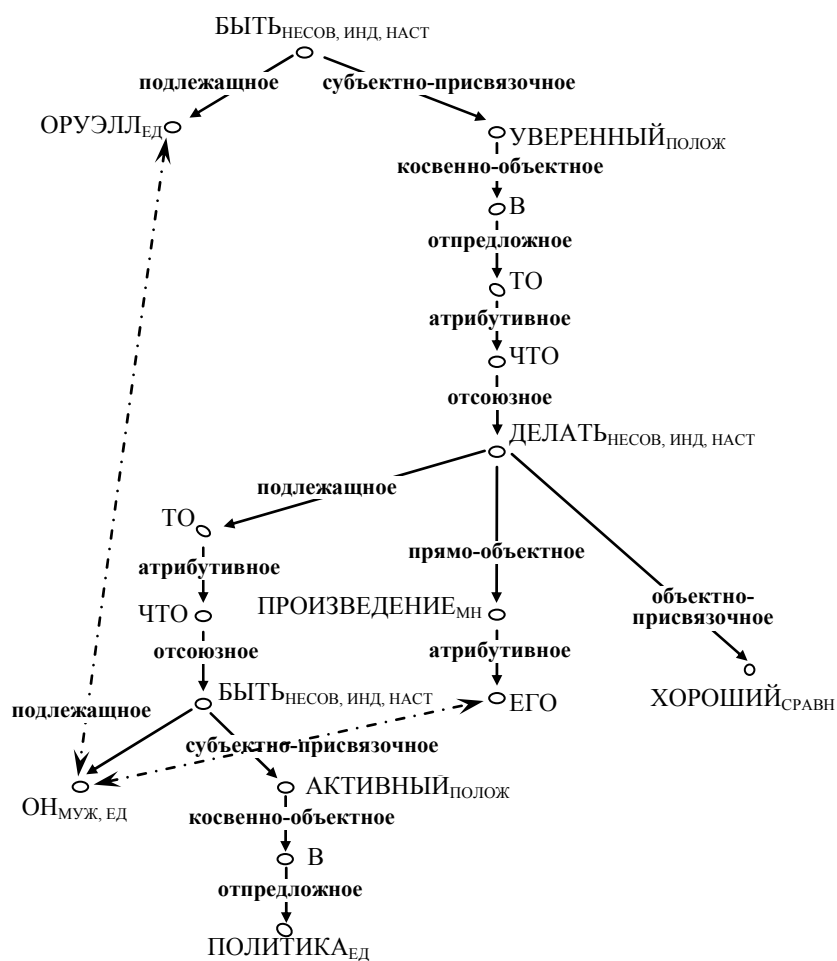
3.2.4 Поверхностно-синтаксическая структура фразы

Поверхностно-синтаксическое представление — это упорядоченная четверка:

ПСинтП = \langle ПСинтС ; ПСинт-КоммС ; ПСинт-ПросС ; ПСинт-АнафС \rangle

Ядро ПСинтП составляет поверхностно-синтаксическая структура [= ПСинтС]; так же, как и ГСинтС, она выражает организацию фразы в терминах ее ЛЕ, см. (17).

(17) Поверхностно-синтаксическая структура фразы (11)

☛ Как и в ГСинтС, двунаправленные пунктирные стрелки выражают в ПСинтС отношение кореферентности, но на этот раз между местоимениями — существительными и прилагательными — и их antecedентами. (Существительное, замененное местоимением, называется его источником.)

Остальные структуры ПСинтП устроены так же, как их соответствия в ГСинтП, и играют такую же роль.

Однако ГСинтС и ПСинтС существенно различаются разметкой узлов и ветвей.

➤ Узлы ПСинтС помечены именами всех реальных лексем, входящих во фразу; они снабжены — так же, как и в ГСинтС — семантически полными флективными характеристиками (т. е. семантически полными граммемами).

• В ПСинт-дереве указываются все лексемы представляемой фразы. Более точно, разметка узлов ПСинтС отличается следующими пятью особенностями:

— ПСинтС включает все служебные слова.

— ПСинтС включает местоимения-заменители (ПСинтС представляет фразу после осуществления прономинализации: в ПСинтС (17) выступают местоимения ОН и ЕГО).

— В ПСинтС идиомы разворачиваются в полные поддеревья, которые обрабатываются в дальнейшем так же, как и все прочие поддеревья:

ГСинтС [один узел]	ПСинтС [полное дерево]
‘ЗАТКНУТЬ ЗА ПОЯС’	⇔ ЗАТКНУТЬ— <i>косв-об</i> →ЗА— <i>отпредл</i> →ПОЯС _{ЕД}

— В ПСинтС имена лексических функций заменяются соответствующими элементами их значений:

ГСинтС	⇔	ПСинтС
Орег ₁ —п→ЧУШЬ _{ЕД}	⇔	ПОРОТЬ— <i>прямо-объектное</i> →ЧУШЬ _{ЕД}
Магп←аттр—РОЛЬ _{ЕД}	⇔	ВАЖНЫЙ← <i>определяющее</i> —РОЛЬ _{ЕД}

— В ПСинтС фиктивные лексемы (фигурирующие в ГСинтС) «перерабатываются» в соответствующие конструкции, т. е. в поверхностно-синтаксические поддеревья. Например:

ГСинтС	⇔	ПСинтС
«ПРИМЕРНО»←аттр—ШЕСТЬ←аттр—РАЗ _{МН}	⇔	⇔ ШЕСТЬ← <i>аппрокс.-количественное</i> —РАЗ _{МН}

• Флективные характеристики лексем, стоящих в узлах ПСинтС, остаются неполными: как и в ГСинтС, здесь представлены только семантически нагруженные граммемы. Синтаксические же граммемы, появляющиеся в результате согласования или управления, пред-

ставлены только в ГМорфС фразы, куда они вводятся правилами поверхностно-синтаксического модуля.

➤ В е т в и ПСинтС помечены именами поверхностно-синтаксических отношений [= ПСинтО]; в отличие ГСинтО, имена ПСинтО обозначают конкретные синтаксические конструкции данного языка, в нашем случае — русского. ПСинтО специфичны для каждого языка, точно так же, как фонемы, морфемы и лексемы. В данном языке их бывает в среднем несколько десятков. Вот — в качестве иллюстрации — некоторые русские ПСинтО (их полный список см. в Приложении II, стр. 135–144).

Актантные (\approx валентные) ПСинтО

подлежащее:

Я←подл—стал старым. | *Он*←подл— \emptyset ^{БЫТЬ} молод. |

Гулять←подл—казалось полезным.

прямо-объектное:

резать—прямо-объект→*бумагу*; *хочу*—прямо-объект→*уйти*

дательно-объектное:

подарить—дат-объект→*Маше*; *Маше*←дат-объект—*жарко*.

косвенно-объектное:

заялся—косв-объект→*языками*; *грозить*—косв-объект→*пальцем*;

стыдиться—косв-объект→*перед соседями*; *связь*—косв-объект→*с городом*

субъектно-копредикативное:

Она вернулась—суб-копред→*простуженной*.

сравнительное:

старше—сравн→*Ивана*; *более*—[образован,]—сравн→*чем Иван*

Не-актантные (\approx не-валентные) ПСинтО

определяющее:

вкусные←опр—*щи*; *мои*←опр—*родители*;

новости,—опр→*полученные во-время*

обстоятельствоное:

шел—обст→*быстро*; *нырять*—обст→*глубоко*;

Он работает—обст→*там*. | *Он живет*—обст→*в Москве*.

обстоятельно-определяющее:

Ален шел—[*мне навстречу*,]—обст-опред→*элегантный*, как всегда.

Поверхностно-синтаксическая структура фразы также является линейно неупорядоченным деревом зависимостей.

Поверхностно-синтаксический модуль МСТ получает на вход ПСинтП фразы, включающее ее ПСинтС, например (17), и строит для этого ПСинтП возможные ГМорфП, в том числе ГМорфП фразы (11). ГМорфС фразы (11) представлена в подразделе 3.2.5, след. стр.

3.2.5 Глубинно-морфологическая структура фразы

Глубинно-морфологическое представление фразы — это пара следующего вида:

$$\text{ГМорфП} = \langle \text{ГМорфС} ; \text{ГМорф-ПросС} \rangle$$

Ядро ГМорфП-а составляет глубинно-морфологическая структура [= ГМорфС] — цепочка глубинно-морфологических представлений всех словоформ, образующих рассматриваемую фразу, см. (18)*. ГМорфП словоформы — это имя лексемы, к которой она принадлежит, снабженное всеми — как семантическими, так и синтаксическими — граммемами, характеризующими данную словоформу.

- (18) ОРУЭЛЛЕ_{ЕД, ИМ} БЫТЬ_{НЕСОВ, ИНД, НАСТ, 3, ЕД} УВЕРЕННЫЙ_{КРАТК, МУЖ, ЕД}
 В ТО_{ЕД, ПРЕДЛ} ЧТО ТО_{ЕД, ИМ} ЧТО ОН_{МУЖ, ЕД, ИМ}
 БЫТЬ_{НЕСОВ, ИНД, НАСТ, 3, ЕД} АКТИВНЫЙ_{КРАТК, МУЖ, ЕД}
 В ПОЛИТИКА_{ЕД, ПРЕДЛ} ДЕЛАТЬ_{НЕСОВ, ИНД, НАСТ, 3, ЕД}
 ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЕ_{МН, ВИН} ХОРОШИЙ_{СРАВН}

Глубинно-морфологический модуль МСТ получает на вход ГМорфП фразы, включающее ее ГМорфС, в нашем случае (18), и строит для этого ГМорфП возможные ПМорфП, в том числе ПМорфП фразы (11); ее ПМорфС представлена в подразделе 3.2.6, (19).

3.2.6 Поверхностно-морфологическая структура фразы

ПМорфС фразы представляет собой цепочку ПМорфП словоформ фразы. Каждая словоформа предстает в виде совокупности образующих ее морфем:

- (19) {ОРУЭЛЛ} ⊕ {ЕД.ИМ} {БЫТЬ.НЕСОВ} ⊕ {ИНД.НАСТ} ⊕ {3.ЕД}
 {УВЕРЕННЫЙ} ⊕ {КРАТК.МУЖ.ЕД} {В} {ТО} ⊕ {ЕД.ПРЕДЛ}
 {ЧТО} {ТО} ⊕ {ЕД.ИМ} {ЧТО} {ОН} ⊕ {МУЖ.ЕД.ИМ}
 {БЫТЬ.НЕСОВ} ⊕ {ИНД.НАСТ} ⊕ {3.ЕД}
 {АКТИВНЫЙ} ⊕ {КРАТК.МУЖ.ЕД} {В} {ПОЛИТИКА} ⊕ {ЕД.ПРЕДЛ}
 {ДЕЛАТЬ.НЕСОВ} ⊕ {ИНД.НАСТ} ⊕ {3.ЕД}
 {ЕГО} {ПРОИЗВЕДЕНИЕ} ⊕ {МН.ВИН} {ХОРОШИЙ} ⊕ {СРАВН.СТ}

* Другая структура, входящая в состав ГМорфП фразы, — это морфопросодическая структура, отражающая деление фразы на фонетические группы, а также ее ударения и интонационный контур.

- 1. В фигурные скобки заключается имя морфемы — множества морфов, имеющих одинаковое означаемое и находящихся, грубо говоря, в дополнительном распределении. Так, морфема {3.ЕД} содержит два морфа — *-ѣт* и *-ит* (*да+ѣт*, *уста+ѣт*, *нес+ѣт* ~ *молч+ит*, *сид+ит*, *стро+ит*). Ср. определение фонемы в примечании 4, стр. 148.
- 2. В качестве имени лексической морфемы используется имя соответствующей лексемы; имя грамматической морфемы состоит из названий выражаемых ею граммем.
- 3. Символ «⊕» обозначает операцию языкового объединения: см. 5.2.2, стр. 96.

В языках с достаточно богатой морфологией граммемы — элементы флективных категорий — распределяются по морфемам достаточно прихотливым образом¹⁰. ГМорфС представляет граммемы, тогда как задача ПМорфС — максимально эксплицитное отображение морфем, т. е. множеств знаков, выражающих эти граммемы.

Исходя из ГМорфП фразы, в которой ГМорфС (19) — основная структура, поверхностно-морфологический модуль модели «Смысл-Текст» строит по этой структуре все фонемные представления, т. е. все возможные ГФонП, в том числе — представление фразы (11). Фонологический модуль МСТ сопоставляет этому ГФонП соответствующее ПФонП — фонетическое представление фразы (11), т. е. «потолок» модели; превращение ПФонС в последовательность реальных звуков, снабженную реальной просодией, выполняется фонетическим механизмом, а этот последний выходит за пределы МСТ.

Я позволю себе не приводить ГФонП и ПФонП фразы (11).

3.2.7 «Доязыковое» представление действительности: концептуальное представление

Реальное построение фразы Говорящим начинается не с ее семантического представления: оно конструируется на базе информации о мире, которую Говорящий желает донести до своих Адресатов. В рамках подхода Смысл-Текст такая «доязыковая» информация изображается посредством концептуального представления [= КонцептП]. Это представление до сих пор остается практически неразработанным, так что здесь я могу сообщить лишь некоторые общие соображения (см. Mel'čuk 2001: 89, 154–155).

КонцептП должно задавать психическое отражение действительной ситуации, о которой идет речь, в сознании Говорящего, насколько это возможно — независимо от языка. Это дискретное (= симво-

лическое) представление воспринятой действительности, так сказать, пропущенное через психику Говорящего, но еще не подогнанное под требования и возможности данного языка. Вот простой пример. Предположим, что мы строим полную языковую модель создания словесных портретов человеческих лиц. Для этого необходимо, прежде всего, концептуальное описание лица, основанное на изучении восприятия лицевых черт и особенностей, (более или менее) независимое от языка. Это может быть список всех различимых частей лица, с указанием нужных параметров и их возможных значений, что-то вроде следующего, см. рис. 2*. Из этого КонцептП можно получить разные СемП-ы, которые дадут, в частности, английское выражение (20a) и его русский информационный эквивалент (20b).

НОС

Размер	:	большой
Толщина	:	
Длина	:	
Форма	:	
Верхняя линия	:	прямая
Цвет	:	
Поверхность	:	

ГУБЫ

Размер	:	
Толщина	:	больше средней
Цвет	:	
Поверхность	:	
Открытость	:	малая
Выражение	:	

ПОДБОРОДОК

Размер	:	большой
Форма	:	немного закругленная
Поверхность	:	
Выражение	:	воля

Рис. 2. Частичное концептуальное представление
некоторого человеческого лица

* О языковом описании человеческого тела, в частности лица, в русском и английском языках, см. Iordanskaja & Paperno 1996. Словесные описания многочисленных жестов, поз и касаний в самых разных культурах можно найти в Крейдлин 2002.

(20) a. *his high-ridged, powerful nose, the full, open mouth, the hard, slightly rounded chin*

b. *его прямой крупный нос, полные, слегка открытые губы, волевой, немного округленный подбородок*

Выражения (20a) и (20b) лингвистически не синонимичны, ибо их языковые смыслы различаются; так, 'high-ridged [nose]' букв. '[нос] с высокой спинкой' ≠ 'прямой [нос]', 'hard [chin]' букв. 'твердый [подбородок]' ≠ 'волевой [подбородок]' и т. д. Тем не менее эти выражения являются переводными эквивалентами друг друга, поскольку описывают одни и те же реалии — нос, губы и подбородок одинакового вида.

Различие между СемП-ами выражений (20a) и (20b) — в точности такое же, как и различие между смыслами выражений *Вальтер Скотт* и автор *«Веверлея»*, о котором так много говорили Фреге и Рассел. Однозначная идентификация данного писателя соответствует нашему концептуальному представлению. Другими словами, КонцептП — это та информация о мире, которую Говорящий считает релевантной и минимальной (т. е. необходимой и достаточной) в данной ситуации общения.

Таким образом, предлагаемая модель Смысл-Текст должна встраиваться в более общую модель языкового поведения человека — модель, которую можно назвать модель Действительность-Речь, см. рис. 3, стр. 53.

Каждый речевой акт может быть представлен на следующих пяти уровнях (исключая «внутренние» языковые представления, т. е. конкретные представления разных уровней, используемые в МСТ):

1. Реальный мир, включающий Говорящего: непрерывная Действительность — точнее, ее непрерывное отображение в психике через восприятие.

2. Концептуальное представление: первое дискретное отображение действительности в мозгу Говорящего.

3. Семантическое представление (модели Смысл-Текст).

4. Поверхностно-фоническое, или фонетическое, представление (модели Смысл-Текст).

5. Артикулируемые звуки — выход обратно в физическую действительность.

Эти представления связаны между собой четырьмя модулями:

— Преобразователь непрерывного отображения действительности в мозгу в ее дискретное концептуальное представление. Для этого психического механизма пока нет принятого названия.

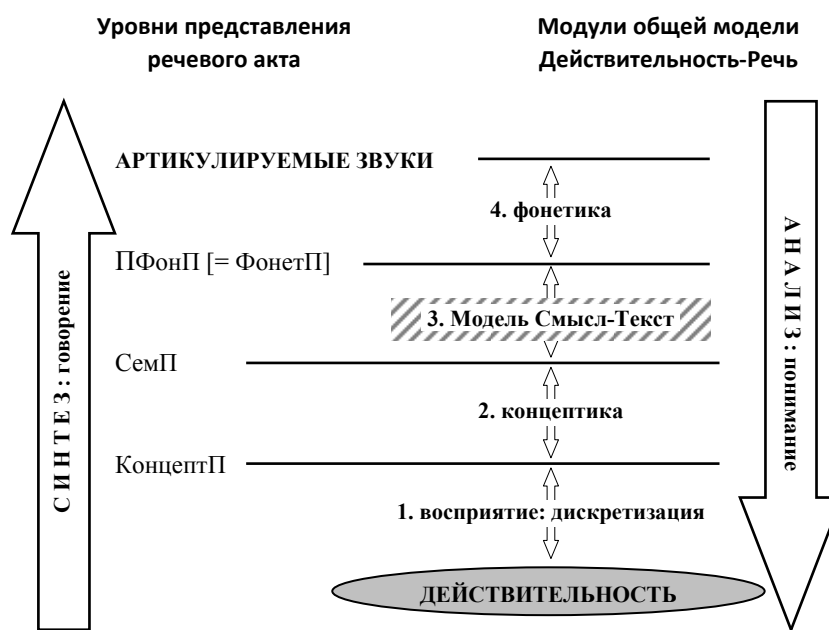

Рис. 3. Уровни представления и модули общей модели Действительность-Речь

— Преобразователь концептуального представления в семантическое, т. е. в представление, отчасти навязываемое языком. Этот преобразователь предлагается назвать концептикой.

— Преобразователь семантического представления в фонетическое; это не что иное, как **модель Смысл-Текст**.

— И, наконец, преобразователь фонетического представления в реальные звуки; это, разумеется, фонетика.

Тем самым заданы рамки, в которых надлежит мыслить естественный язык, изображаемый моделью Смысл-Текст.

3.3 Модули (= компоненты) модели Смысл-Текст

Как уже было сказано, на входе модель Смысл-Текст принимает СемП семейства (квази)синонимичных фраз и производит на выходе эти фразы (в фонетической транскрипции — ПФонП — или в стандартной письменности). Указанный переход совершается не напрямую, а через промежуточные представления фраз и словоформ.

МСТ является функциональной моделью — в двух смыслах термина *функциональный*.

— С одной стороны, МСТ моделирует функционирование языка, поскольку говорящие все время делают только это — переводят смыслы в тексты и обратно. (См. 2.2, стр. 17 и сл.)

— С другой стороны, МСТ сама формально организована как функция (в математическом смысле); эта функция сопоставляет данному смыслу — своему аргументу — множество синонимичных текстов, которое является ее значением (value). С помощью символов сказанное можно выразить следующим образом:

(21) а. $f_{\text{язык}}(\sigma') = \{T_i(\sigma')\}$; это — языковой синтез.

Эта же функция способна выполнять и обратную операцию, т. е. применяться к некоторому тексту T в качестве аргумента и выдавать в качестве значения множество смыслов, которые T может выражать:

б. $f_{\text{язык}}(T) = \{\sigma'_i(T)\}$; это — языковой анализ.

|| Как я полагаю, описание естественных языков лучше всего выполнять посредством моделей подобного типа.

Чтобы конкретизировать это утверждение, я перейду к более детальной характеристике МСТ.

МСТ состоит из шести основных компонентов, или модулей. Модуль МСТ устанавливает соответствие между языковыми представлениями двух соседних уровней: так, Сем-модуль обеспечивает соответствие между данным СемП и всеми ГСинтП, несущими тот же смысл; ГСинт-модуль делает то же самое для ГСинтП и ПСинтП; и так далее. Для каждого модуля ниже дается одно или два правила, выбранных так, чтобы проиллюстрировать переходы между языковыми представлениями фразы (11). Таким образом, читатель может (по крайней мере, частично) проследить построение фразы (11), исходя из СемС (13), т. е. так, как это построение выполняется моделью Смысл-Текст.

Семантический модуль

Правила этого модуля объединяются в три группы: правила семантического перифразирования, правила перехода СемП \Leftrightarrow ГСинтП и правила глубинно-синтаксического перифразирования; рассмотрим их по порядку.

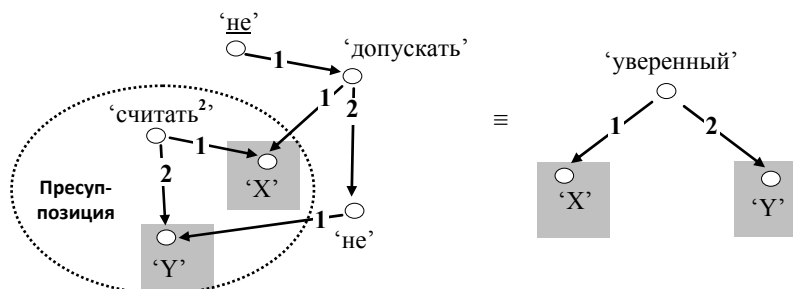
Правила, приводимые здесь в качестве иллюстраций, даются в максимально упрощенном виде.

В каждом правиле штриховкой показан контекст: те элементы правила, которые не участвуют в соответствии, задаваемом данным правилом, но контролируют его применимость.

• Правила семантического перифразирования СемП_i ≡ СемП_j

Эти правила, очень многочисленные, задают семантические разложения всех разложимых семантем; они необходимы, чтобы устанавливать эквивалентность (в данном случае равенство) СемС. Примененное слева направо, такое правило сворачивает СемС, т. е. уменьшает глубину разложения; примененное в обратном направлении, оно разворачивает СемС, увеличивая эту глубину.

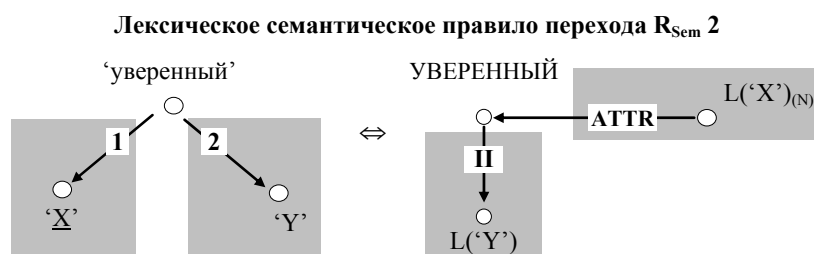
Семантическое правило семантического перифразирования R_{Sem 1}

См. словесную формулировку этого семантического разложения в 4.1, (25a), стр. 68.

• Правила перехода СемП_i ⇔ ГСинтП_k

Левая часть семантического правила перехода содержит семантему, а правая — одну из трех языковых единиц, допускаемых в ГСинтС: лексическую единицу, граммему или ГСинт-ветку; соответственно, различается три типа таких правил: лексические, флективные и структурные. Таким образом, семантическое правило перехода описывает, во-первых, реализацию семантемы (или конфигурации семантем) либо соответствующей лексической единицей (правило R_{Sem 2}), либо соответствующей граммемой (правило R_{Sem 3}) и во-вторых, реализацию конкретной семантической зависимости ГСинт-зависимостью (правило R_{Sem 4}).

• Запись « $L('σ')$ » означает «лексическая единица L , выражающая смысл ' $σ$ '».

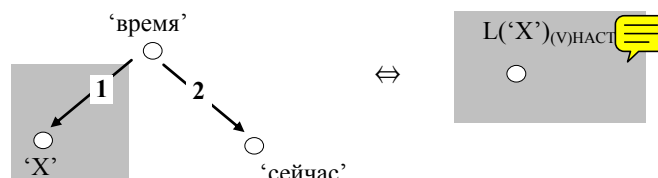
Правило $R_{Sem\ 2}$ осуществляет лексикализацию предикатной семантемы 'уверенный' как прилагательного — при условии, что ее СемА 1 (= 'X') является коммуникативно доминантным. В случае рассматриваемого нами перехода от СемС (13) к ГСинтС (16) оно оказывается неприменимым, поскольку в (13) Комм-доминантной является сама семантема 'уверенный'. Этот переход выполняется в соответствии со специальными структурными семантическими правилами, которые устанавливают так называемый входной узел данной СемС и ставят ему в соответствие вершинный узел ГСинт-дерева (в данной книге не приводятся). В частности, поскольку в русском языке прилагательное само по себе не может быть вершиной синтаксического дерева, одно из этих правил вводит в структуру глагол-связку БЫТЬ.

«Связка» правил $R_{Sem\ 1} + R_{Sem\ 2}$ есть не что иное, как центральная часть словарной статьи: лексикографическое толкование лексической единицы, выступающей в правой части правила $R_{Sem\ 2}$, в данном случае — лексемы УВЕРЕННЫЙ. Число таких связей, т. е. число словарных статей, в любом литературном языке находится в пределах от полумиллиона до миллиона. Лексические семантические правила перехода составляют Толково-комбинаторный словарь [= ТКС], являющийся частью семантического модуля МСТ.

Имеются и другие типы лексических семантических правил перехода: например, идиомные семантические правила, вводящие в ГСинтС идиомы в виде отдельных узлов, и конструкционные семантические правила, вводящие в ГСинтС фиктивные лексемы, которые представляют значащие конструкции¹¹.

Флективное семантическое правило перехода $R_{Sem\ 3}$

Правила этого типа описывают семантику граммов языка L (образуя то, что можно назвать его морфологической семантикой). Их число зависит от сложности морфологии L ; оно колеблется от десятка до сотни.

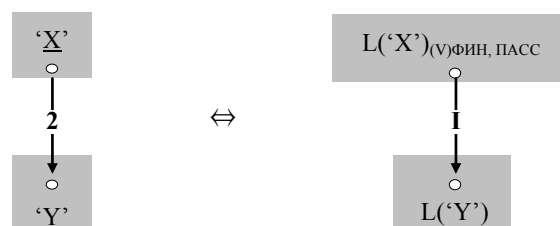

- Нижний индекс в скобках при имени ЛЕ L есть часть синтактики этой L ; в данном случае $L_{(V)}$ означает что L — глагол. О синтактике см. 5.2.2, стр. 92 и сл.

Правило $R_{Sem\ 3}$ гласит, что смысл 'время X-а — сейчас' (т. е. факт X имеет место в момент речи) может быть выражен по-русски граммемой «НАСТ(оящее)», которая приписывается глагольной лексеме, выражающей 'X'. Это правило используется при построении ГСинт-дерева (16): оно добавляет граммему «НАСТ» к глаголу, стоящему в вершине поддерева каждого предложения; в нашем случае это глаголы БЫТЬ (дважды) и ДЕЛАТЬ.

Структурное семантическое правило перехода $R_{Sem\ 4}$

Структурные семантические правила МСТ выполняют две главные задачи: устанавливают вершинный узел ГСинт-дерева и конструируют ветки ГСинт-дерева. Здесь я проиллюстрирую только правила второй группы. (О правилах установления вершинного узла в конструируемой ГСинтС см. Mel'čuk 2001: 38–48.)

Семантическое правило $R_{Sem\ 4}$ «переводит» Сем-отношение 2 в ГСинт-отношение 1 при условии, что господствующий смысл 'X' выражается личным (= финитным) глаголом в пассиве ('убить-2→волк' \Leftrightarrow ВОЛК←1-БЫТЬ.УБИТ; пассив же вводится другим семантическим правилом перехода, которое учитывает, в частности, тот факт, что семантически зависимый смысл 'Y' является Темой).

Кроме всего этого, семантические правила перехода МСТ включают еще и правила иной природы, которые здесь рассматриваться не будут:

— во-первых, правила, занимающиеся семантико-коммуникативной структурой, а именно строящие на основе исходной Сем-коммуникативной структуры соответствующую ГСинт-коммуникативную структуру;

— во-вторых, правила, проверяющие формальную правильность полученного ГСинт-дерева.

• **Правила глубинно-синтаксического перифразирования**

$\text{ГСинт}\Pi_m \equiv \text{ГСинт}\Pi_n$

Эти правила обеспечивают получение максимального множества ГСинт-перифраз, гарантируя, таким образом, множественный семантический синтез; именно поэтому они включаются в семантический модуль. Я ограничусь здесь двумя примерами, поскольку система ГСинт-перифразирования, предложенная в Жолковский & Мельчук 1967, была довольно подробно описана в Мельчук 1974: 141–176.

Система ГСинт-перифразирования в языковом отношении универсальна: она основана на лексических функциях, благодаря чему не зависит от конкретного языка. Нижеследующие примеры иллюстрируют ее применение для русского и английского языков. Необходимые сведения о лексических функциях содержатся в разделе 4.2, стр. 69 и сл.

**Семантическое правило
глубинно-синтаксического перифразирования $R_{\text{Sem } 5}$**

$L_{(V)} \circ \equiv \text{Oper}_1(S_0(L)) \circ \text{---} \Pi \rightarrow \circ S_0(L)$

Данное правило описывает универсальную семантическую эквивалентность между глаголом и коллокацией, база которой — имя действия [= S_0] от этого глагола, а коллокат — полувспомогательный глагол [= Oper_1], употребляемый при этом имени действия. Правила такого типа называются расщеплениями; например:

- (22) **a.** *X помогает Y-у.* \equiv *X приходит Y-у на помощь.*
X сопротивляется Y-у. \equiv *X оказывает Y-у сопротивление.*
X ошибается. \equiv *X совершает ошибку.*
X вздыхает. \equiv *X выпускает вздох.*
- b.** английский
X aids Y. \equiv *X comes to the aid of Y.*
X resists Y. \equiv *X puts up a resistance to Y.*
X blunders. \equiv *X commits a blunder.*
X sighs. \equiv *X heaves a sigh.*

**Семантическое правило
глубинно-синтаксического перифразирования $R_{Sem\ 6}$**

$$L_{1(V)} \circ \text{---} \Pi \longrightarrow \circ L_{2(V)} \quad \equiv \quad L_{2(V)} \circ \text{---} \text{ATTR} \longrightarrow \circ \text{Adv}_1(L_{1(V)})$$

Правило $R_{Sem\ 6}$ задает семантическую эквивалентность, опять-таки лингвистически универсальную, между двумя указанными ГСинт-конфигурациями; это обращение зависимости (лексема, которая была синтаксическим хозяином, становится зависимым, а та, что была зависимым, превращается в хозяина):

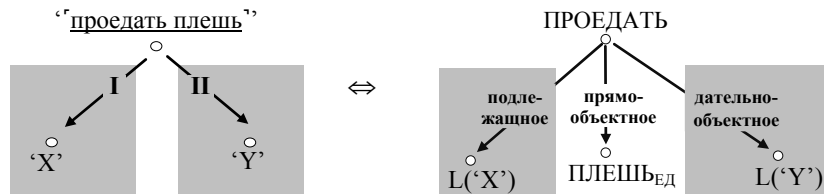
- (23) a. *X поспешил ретироваться.* \equiv *X поспешно ретировался.*
X привык пить кофе. \equiv *X пьет кофе по привычке.*
X продолжает пить кофе. \equiv *X по-прежнему пьет кофе.*
- b. английский
X hurried to leave. \equiv *X left in a hurry.*
X used to drink coffee. \equiv *X usually drank coffee.*
X continues to drink coffee. \equiv *X drinks coffee as before.*

Глубинно-синтаксический модуль

Логически говоря, правила этого модуля также должны объединяться в три группы: правила ГСинт-перифразирования, правила перехода ГСинтП \Leftrightarrow ПСинтП и правила ПСинт-перифразирования. Однако правила ГСинт-перифразирования уже были рассмотрены в предыдущем разделе, а правила ПСинт-перифразирования не представляют достаточного интереса. Таким образом, речь пойдет только о правилах перехода ГСинтП \Leftrightarrow ПСинтП. Эти правила устроены следующим образом.

Левая часть ГСинт-правила содержит языковую единицу одного из трех типов: глубинную ЛЕ, глубинную (т. е. семантическую) граммему или глубинное СинтО (являющееся элементом глубинной структуры). Соответственно, мы имеем ГСинт-правила трех типов: лексические, флективные и структурные.

Лексическое глубинно-синтаксическое правило $R_{DSynt\ 1}$

Лексическое (более точно, идиомное) ГСинт-правило $R_{DSynt} 1$ разворачивает узел идиомы 'ПРОЕДАТЬ ПЛЕШЬ' [N_{DAT}] в полное ПСинт-поддерево.

Все лексические ГСинт-правила выписываются на самом деле не для конкретных ЛЕ, как в наших примерах, а для семейств однотипных ЛЕ, т. е. в виде схем правил. Я, однако, избегаю здесь обобщенных схем правил ради большей наглядности и понятности.

Лексические глубинно-синтаксические правила $R_{DSynt} 2$ и 3

$Oper_1 \leftarrow \Pi \rightarrow \text{ПОМОЩЬ}_{ED}$ \Leftrightarrow $ОКАЗАТЬ \leftarrow \Pi \rightarrow \text{ПОМОЩЬ}_{ED}$
 $Magn \leftarrow \text{ATTR} \rightarrow \text{ДУРАК}$ \Leftrightarrow $КРУГЛЫЙ \leftarrow \text{ATTR} \rightarrow \text{ДУРАК}$

Такие лексические (точнее, лексико-функциональные) ГСинт-правила «вычисляют» значения ЛФ по словарной статье ключевой лексемы, т. е. базы соответствующей коллокации.

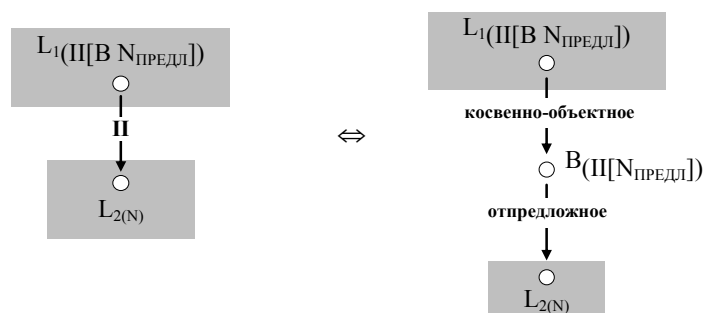
Правила типа $R_{DSynt} 1-3$ описывают синтез фразем — некомпозиционных (= идиом) и композиционных (= коллокаций и клише). Как известно, лексема, входящая во фразему, может иметь свойства, которыми она вне этой фраземы не обладает. Например, в идиоме 'По ко́ням!' ударение в словоформе ко́ням падает на первый слог, хотя «нормальная» форма дательного падежа множественного числа этого существительного — коня́м. Другой пример: в коллокации *папа римский* согласуемое прилагательное *римский* должно следовать за существительным, тогда как в свободных выражениях одиночное прилагательное предшествует существительному. Подобные особенности лексем-компонентов фразем учитываются рассматриваемыми правилами: а именно при развертывании фраземы в синтактику соответствующей лексемы (в наших примерах — КОНЬ и РИМСКИЙ) помещается нужное указание, используемое затем ПСинт- и ПМорф-правилами.

Флективное глубинно-синтаксическое правило $R_{DSynt} 4$

$\text{НОЖНИЦЫ}_{(p!)ED}$ \Leftrightarrow $\text{НОЖНИЦЫ}_{(p!)MH}$

☛ Символ «!» здесь и ниже означает 'только'.

Семантическое единственное число ('одни ножницы' = 'одна пара ножниц') заменяется на формальное множественное в случае *plurale tantum*.

Структурное глубинно-синтаксическое правило $R_{D_{\text{Synt}}}$ 5

Это правило описывает предложное управление данной лексической единицы. Более конкретно, индекс « $(\Pi[V + N_{\text{предл}}])$ » при L_1 (= признак синтактики L_1 ; о синтактике языковых знаков см. 5.2.2, стр. 92 и сл.) указывает, что ее ГСинтА Π выражается посредством предлога V + имя в предложном падеже. Совокупность подобных указаний образует модель управления ЛЕ L .

Модель управления [= МУ] — это таблица, задающая способы выражения актантов ЛЕ L (см. Mel'čuk 2004). Так, по-русски *мы помогаем кому-либо*, а по-французски — *on aide qqn*, т. е. буквально *кого-либо*; *мы ждем кого-либо*, по-английски же *one waits for somebody*, т. е. \approx *за кем-либо*, а по-немецки и по-польски говорят *auf jemanden warten* и *czekać na kogoś*, т. е. *на кого-либо*; и т. д. Подобного рода информация и представлена в МУ в словарной статье данной ЛЕ. Правила глубинного и поверхностного синтаксиса обращаются к МУ рассматриваемой ЛЕ, чтобы определить нужный предлог или падеж соответствующего актанта; правило $R_{D_{\text{Synt}}}$ 5 делает это для ГСинтА таких лексем, как АКТИВНОСТЬ, АКТИВНЫЙ, ПРАКТИКОВАТЬСЯ, СОВЕРШЕНСТВОВАТЬСЯ, УБЕЖДЕННЫЙ, УВЕРЕННОСТЬ, УВЕРЕННЫЙ, УПРАЖНЯТЬСЯ, УСПЕХИ *в чем-либо*.

Поверхностно-синтаксический модуль

Правила ПСинт-модуля выполняют три основные лингвистические операции — линеаризацию, морфологизацию и просодизацию ПСинтС. Другими словами, лексемы фразы расставляются в правильном порядке, им приписываются все необходимые граммы (вдобавок к семантическим, которые они получили из СемП-а), и получающаяся цепочка словоформ разрезается на словосочетания,

каждое со своей специфической просодией (паузы, групповые и фразовые ударения, интонационный контур).

Я проиллюстрирую здесь правила, выполняющие две первые операции, тем более что в русском языке линеаризацию и морфологизацию удобно описывать в виде комбинированных правил.

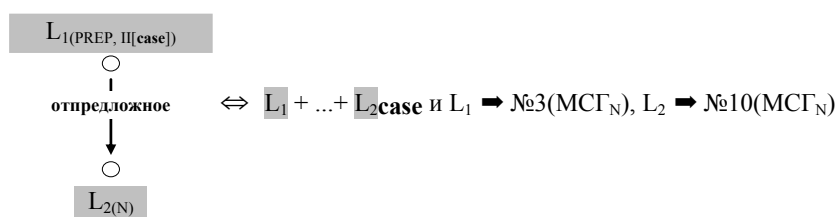
Поверхностно-синтаксическое правило $R_{SSynt} 1$

☛ Символ « ... » означает возможность вставки лексического материала между L_1 и L_2 .

ПСинт-правило $R_{SSynt} 1$ помещает предлог (точнее говоря, предлог с его зависимым существительным и всеми зависимыми этого последнего, т. е. предложную группу), управляемый глаголом или прилагательным, после его ПСинт-хозяина, но разрешает и позицию перед хозяином; это показано отсутствием в правой части правила символа « + », см. следующее правило. Окончательно позиция предлога вместе с его группой определяется глобальными правилами порядка слов, принимающими во внимание коммуникативную структуру фразы и другие факторы. (См. Mel'čuk 2011.)

Поверхностно-синтаксическое правило $R_{SSynt} 2$

ПСинт-правило $R_{SSynt} 2$ 1) ставит предлог перед существительным, 2) приписывает существительному падеж, которым данный предлог управляет, и 3) указывает позиции предлога и существительного в обойме минимальной синтаксической группы существительного [= MCG_N]. Вот эта обойма:

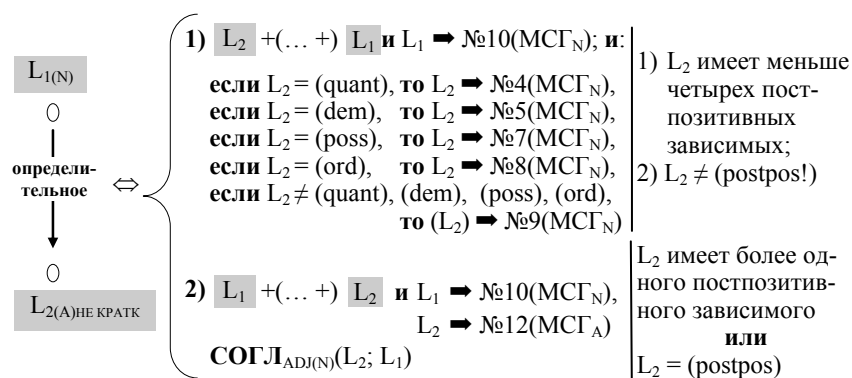
Обойма минимальной синтаксической группы существительного
(в широком смысле: включая предлог и/или союз)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
CONJ _{coord}	PARTICLE	PREP	ADJ _{quant}	ADJ _{dem}	NUM	ADJ _{poss}	ADJ _{ord}	ADJ	N	Ψ _{invar}	ADJ
но	лишь	для	всех	этих	пяти	наших	вторых	важных	чисел	λ _i	, интересных для...

☛ Ψ_{invar} представляет любое нерусское выражение: символ, число, иностранный текст и т. д.

Подобные обоймы необходимы также для глагола, прилагательного и наречия.

Поверхностно-синтаксическое правило R_{SSynt} 3

☛ Прилагательное L₂ не должно быть кратким.

Выражения (quant), (dem), (poss) и (ord) суть признаки синтактики (см. 5.2.2), а именно — синтаксические признаки, характеризующие количественные, указательные, притяжательные и порядковые местоименные прилагательные (как ВСЕ, ЭТОТ, МОЙ, ДЕСЯТЫЙ).

Выражения (postpos) и (postpos!), также признаки синтактики прилагательного, значат «постпозитивное» и «только постпозитивное».

СОГЛ_{ADJ(N)} обозначает оператор адъективного согласования — по роду, числу и падежу.

Это ПСинт-правило описывает линейризацию и морфологизацию ряда согласуемых, т. е. адъективных, зависимых существительного.

(Оно приведено здесь для того, чтобы показать читателю возможную сложность синтаксических правил.)

Правила R_{SSynt} 1-3 иллюстрируют лишь один тип ПСинт-правил — локальные правила порядка слов. В левой части такого правила — ровно одна ветвь ПСинт-дерева; взаимное упорядочение элементов правила выполняется с учетом минимального (= локального) контекста. ПСинт-модуль включает также правила более сложных типов: квазилокальные и глобальные, которые принимают во внимание коммуникативную информацию и широкий контекст — в пределах целой фразы; однако рассматривать эти правила здесь не представляется возможным.

Общее число ПСинт-правил — в пределах тысячи.

Глубинно-морфологический модуль

Данный модуль состоит из ГМорф-правил, которые сопоставляют граммемам и наборам граммем морфемы, т. е. множества элементарных сегментных знаков — морфов, а также все прочие «-эмы»: редупликациемы (множества синонимичных редупликаций), апофонемы (множества синонимичных апофоний) и конверсиемы (множества синонимичных конверсий). Иначе говоря, ГМорф-правило указывает, что данная грамма или данный набор граммем выражается одним знаком языка L (не уточняя, каким именно знаком).

Вот три ГМорф-правила (исключительно для морфем; о других «-эмах» я здесь говорить не буду):

R_{DMorph} 1	3, ЕД	↔	{3.ЕД}	[в личной форме глагола]
R_{DMorph} 2	ЕД, ПРЕДЛ	↔	{ЕД.ПРЕДЛ}	[в форме существительного]
R_{DMorph} 3	КР, ЕД, МУЖ	↔	{КР.ЕД.МУЖ}	[в форме краткого прилагательного]

Эти правила задают комбинации граммем, каждая из которых выражается в русском языке одной кумулятивной¹² морфемой.

Поверхностно-морфологический модуль

Этот модуль содержит правила двух типов: ПМорф-правила в узком смысле, или морфемные правила, и морфонологические правила.

Поверхностно-морфологические (= морфемные) правила

ПМорф-правила осуществляют выбор конкретных морфов для морфем, полученных на предыдущем этапе (и, разумеется, выбор конкретных представителей всех других «-эм»). В то же время они строят мегаморфы — неэлементарные сегментные знаки, выражающие сразу по несколько морфем; так, по правилу $R_{SMorph} 4$ получается нулевой мегаморф глагола БЫТЬ в настоящем времени во всех лицах (P) и числах (N).

$R_{SMorph} 1$	{3.ЕД}	⇔	-ет	V I-го спряжения...
		⇔	-ит	V II-го спряжения...
$R_{SMorph} 2$	{ЕД.ПРЕДЛ}	⇔	-е	N I-го склонения...
		⇔	-и	N ((муж. или ср. рода на -ij), или III-го склонения, или ПУТЬ
$R_{SMorph} 3$	{КР.ЕД.МУЖ}	⇔	-Ø_{МУЖ}	
$R_{SMorph} 4$	{БЫТЬ.НЕСОВ}, {ИНД.НАСТ}, {P.N}	⇔	Ø^{БЫТЬ}	

Формы английского глагола BE дают дополнительные примеры мегаморфов:

{BE}, {IND.PRES}, {1SG}	⇔	am
{BE}, {IND.PRES}, {3SG}	⇔	is
{BE}, {IND.PRES}, {PL}	⇔	are

Морфонологические правила

Они выполняют чередования фонем внутри означающих морфов, как, например, усечение беглого /e/:

$R_{Morphon} 1$	/C ² en/ ⇒ /Cn/ $R_{(ADJ)}$ и $_ /V/$
	<i>активен ⇒ активн-(ый), верен ⇒ верн-(ый), красен ⇒ красн-(ый)</i>

☛ /C/ и /V/ – согласный и гласный. Условие означает, что правило применяется к основе R прилагательного непосредственно перед гласным; оно касается адъективного суффикса **-(е)н**, который в очень многих случаях фразеологизовался.

Общее число морфологических и морфонологических правил всех типов варьирует в зависимости от языка — от десятка до нескольких сотен. (Более подробно об описании морфологии в рамках подхода Смысл-Текст см. Мельчук 1997–2006.)

Глава 4: Моделирование двух центральных языковых явлений: лексический выбор и лексическая сочетаемость

Рассмотрим в качестве развернутой иллюстрации применения подхода Смысл-Текст к описанию языка две взаимосвязанные проблемы общего характера. Первая относится к лексической семантике (= смысл слов), а вторая — к лексической сочетаемости (= комбинирование слов в тексте).

Как известно из работ Фердинанда де Соссюра, Луи Ельмслева и Романа Якобсона, языковая деятельность осуществляется на двух «перпендикулярных» осях:

- На парадигматической (= «вертикальной») оси говорящий выбирает среди языковых единиц, хранящихся в его мозгу, те, которые нужны ему в данном речевом акте. Эти единицы противопоставлены друг другу — либо X, либо Y, либо Z и т. д., и говорящий решает, какую именно он употребит.

- На синтагматической (= «горизонтальной») оси говорящий соединяет друг с другом выбранные единицы; т. е. говорящий решает, могут ли они комбинироваться, и если да, то как.

Рис. 4 схематически показывает, как происходит выбор и комбинирование лексических единиц для получения фраз *Отец вполне доволен*, *Папа совершенно счастлив*, *Предок абсолютно убит* и т. д.

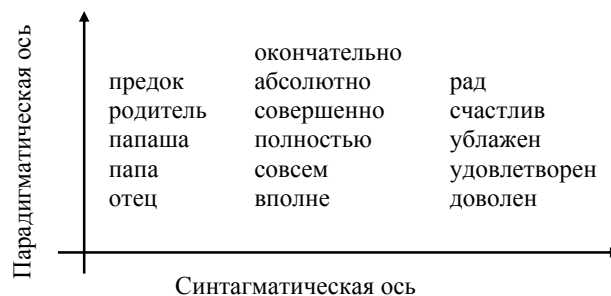

Рис. 4. Две оси речевой деятельности

Применительно к лексике речь идет о лексическом выборе (4.1) и лексической сочетаемости (4.2).

4.1 Моделирование лексического выбора (парадигматика): семантические разложения

Выражения *Оруэлл уверен, что P* и *Оруэлл не сомневается, что P* синонимичны:

- 1) они взаимно подставимы в тексте без изменения смысла — по-латыни это называется *salva significatione**;
- 2) их отрицания также почти синонимичны (хотя и не совсем, см. ниже: *Оруэлл не уверен, что P* \cong *Оруэлл сомневается, что P*);
- 3) оба выражения не фактивны, т. е. не предполагают истинности утверждения *P*, так что их можно продолжить, например, так: ... *а/но на самом деле, P не имеет места* и т. д.

Синонимия этих фраз обусловлена определенными соотношениями между смыслами лексемы УВЕРЕННЫЙ и лексемы СОМНЕВАТЬСЯ. Какая же именно информация об этих лексемах должна быть в мозгу каждого русскоговорящего, чтобы он был способен, не задумываясь, установить равенство ‘быть уверен’ = ‘не сомневаться’? Узнать ответ с помощью прямого наблюдения невозможно, ибо мы не умеем залезать в мозг говорящего и считывать электронные коды слов и их смыслов. Но мы можем предложить функциональную модель того, как это происходит.

Вслед за Александром Жолковским, Юрием Апресяном, Анджеем Богуславским и Анной Вежбицкой** я исхожу из гипотезы, что смысл слова может и должен быть описан с помощью более простых смыслов, т. е. разложен. Разложение смысла на смысловые компоненты аналогично разложению живой материи на клетки, любой материи — на молекулы, молекул — на атомы, атомов — на элементарные частицы, а элементарных частиц — на кварки. Идея семанти-

* Латинское выражение *salva significatione* буквально переводится как ‘с сохраненным значением’ и значит ‘так, что значение сохранено’; это так называемая абсолютная аблативная конструкция Adj_{ABL} + N_{ABL}, или *Ablativus Absolutus*.

** Я не могу входить в подробности лингвистических исследований, которые легли в основу подхода Смысл-Текст, и ограничусь именами лингвистов, приступивших к созданию современной семантики в конце 1950-х — начале 1960-х годов и оказавших на меня наибольшее влияние.

ческих разложений хорошо встраивается в общенаучную картину: в науке описание некоторой сущности предполагает выделение ее составных компонентов, а затем — установление связей между ними. (Вопрос о семантических разложениях рассматривается в разделе 5.3, стр. 104 и сл.)

Рассмотрим следующий набор фраз и семантических уравнений (запись «[#]X» означает прагматическую неприемлемость выражения X, а « $X \equiv / \cong Y$ » — точную/приблизительную семантическую эквивалентность выражений X и Y):

- (24) **a.** Я считаю, что Юра уже приехал, но я в этом не уверен.
b. Я уверен, что Юра уже приехал, [#]но я этого не считаю.
c. Я считаю, что Юра уже приехал, [#]но я в этом сомневаюсь.
d. (i) Я уверен, что Юра уже приехал. \equiv
(ii) Я не сомневаюсь, что Юра уже приехал.
e. (i) Я не уверен, что Юра уже приехал. \cong
(ii) Я сомневаюсь, что Юра уже приехал.

Чтобы говорящий (или компьютер) мог строить фразы, данные в (24), устанавливая при этом их приемлемость и их синонимию, достаточно представить смысл лексем УВЕРЕННЫЙ и СОМНЕВАТЬСЯ посредством следующих разложений, которые являются на самом деле их лексикографическими толкованиями:

- (25) **a.** X уверен, что P : «[[Считаю², что P имеет место,]
X не допускает, что P не имеет места’.
b. X сомневается, что P : «[[Не считаю², что P имеет место,]
X склонен допустить, что P не имеет
места’.

☛ Часть толкования, заключенная в специальные скобки «[[...]]», является пресуппозицией¹³.

Используя эти толкования, мы получаем для фраз в (24) следующие семантические разложения (противоречия выделены полужирным шрифтом):

- (26) **a.** ‘Я считаю², что Юра уже приехал, но [[считаю², что Юра уже приехал,]] я допускаю, что Юра не приехал’.
b. ‘[[Считаю², что Юра уже приехал,]] я не допускаю, что Юра не приехал, но [#]я не считаю², что Юра уже приехал’.
c. ‘Я считаю², что Юра уже приехал, но [#][[не считаю², что Юра уже приехал,]] я склонен допустить, что Юра не приехал’.

- d. «[[Считаю², что Юра уже приехал,]] я не допускаю, что Юра не приехал».
 = «[[Считаю², что Юра уже приехал,]]¹⁴ я не склонен допустить, что Юра не приехал».
- e. «[[Считаю², что Юра уже приехал,]] я допускаю, что Юра не приехал».
 ≈ «[[Не считаю², что Юра уже приехал,]] я склонен допустить, что Юра не приехал».

В примере (24е), фразы не вполне равнозначны: фраза с *я сомневаюсь* выражает большую степень неуверенности, нежели фраза с *я не уверен*. Эта интуиция отражена в разложениях, представленных в (26е). В самом деле, обе фразы утверждают, что я допускаю (\cong склонен допустить), что Юра не приехал; однако первая означает, что я все-таки считаю, что он приехал, а вторая такого значения не несет.

Таким образом, если согласиться с предложенным описанием смыслов лексем УВЕРЕННЫЙ и СОМНЕВАТЬСЯ, удастся описать все семантические факты, приведенные в (24), формально и последовательно. Подход Смысл-Текст позволяет формулировать строгие лексикографические толкования типа (25а-б), которые являются семантическими разложениями, т. е. «молекулярными структурными формулами» смысла; они конструируются исследователем по правилам и критериям, описанным в Mel'čuk *et al.* 1995: 78 и сл. По существу, если и не по форме, это семантические правила; они соответствуют лексемно-семантическим правилам семантического модуля МСТ (таким, как, например, правило $R_{Sem} 1$, стр. 55). Правил указанного типа — порядка 10^6 , т. е. около миллиона. Каждое подобное правило представляет собой центральную часть статьи *Толково-комбинаторного словаря* [= ТКС].

Однако помимо толкования заглавной лексемы L, словарная статья ТКС-а содержит очень большое количество другой лексикографической информации, в частности — подробное описание сочетаемостных свойств L, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем.

4.2 Моделирование лексической сочетаемости (синтагматика): лексические функции

Ограниченная лексическая сочетаемость, т. е. наличие прихотливых ограничений на возможные комбинации слов, создает известные

затруднения для словарного описания, а в результате и для лингвистики Смысл-Текст, которая полагает словарь важнейшим компонентом любой языковой модели. Все, хоть когда-либо имевшие дело с неродным языком, знают, насколько капризна и плохо предсказуема ограниченная лексическая сочетаемость. Так, говорят *ввергнуть в отчаяние*, но *привести в бешенство*; *привести в отчаяние* тоже возможно, но не **ввергнуть в бешенство*. Человек *впадает/входит в раж*, но только *впадает* (а не **входит*) *в панику/в отчаяние*. *Устать* можно *очень* или *сильно* < *безумно*, а *отдохнуть* — только *хорошо* < *полностью*. ‘Очень богат’ \Rightarrow *сказочно богат*, а ‘очень беден’ \Rightarrow *беден как церковная мышь* (<=*крыса*). По-русски, как и по-французски, *шаг делают/on fait un pas*, по-испански его *дают* (= *dar un paso*), а по-английски *шаг берут* (= *take a step*). *Сон* [= ‘то, что видят во сне’] французы *делают* (= *faire un rêve*), англичане имеют (= *have a dream*), а русские его *видят* или он им *снится*. *Университетский курс* по-французски *дается* (= *donner un cours*), по-английски *преподается* (= *teach a course*), а по-русски *читается*. Все эти бесконечные капризы узуса известны издавна: это коллокации — фразеологические выражения определенного типа. В рамках подхода Смысл-Текст для описания этого феномена предложен аппарат лексических функций.

Понятие лексической функции основывается на том факте, что лексические ограничения на сочетаемость в огромном большинстве случаев связаны с выражением небольшого числа очень абстрактных (= бедных, общих) смыслов. Стандартным примером является смысл ‘очень’ \approx ‘интенсивный’: его выражение зависит от лексемы, при которой он выражается. В самом деле:

‘очень’(СПАТЬ)	= <i>глубоко, как бревно, как убитый, ...</i>
‘очень’(РАНЕННЫЙ)	= <i>тяжело</i>
‘очень’(ДОЖДЬ)	= <i>сильный</i> < <i>проливной, как из ведра</i>
‘очень’(ХОЛОД)	= <i>сильный</i> < <i>собачий, ужасный</i>
‘очень’(ОТРИЦАТЬ)	= <i>упорно</i> < <i>категорически</i>
‘очень’(ПЬЯНЫЙ)	= <i>сильно</i> < <i>мертвецки, в доску, в дымяну, в дребадан</i>

Мы видим, что смысл интенсификации выражается при ЛЕ L_1 посредством множества достаточно синонимичных ЛЕ $\{L_{1-i}\}$, при L_2 — посредством множества $\{L_{2-j}\}$ и т. д., причем в типовом случае $\{L_{1-i}\} \neq \{L_{2-j}\}$; выбор между $\{L_{1-i}\}$ и $\{L_{2-j}\}$ не поддается описанию какими-либо общими правилами, но производится в зависимости от

L_1, L_2 и т. д. Указанное явление естественным образом описывается с помощью функции (в математическом смысле слова) f , которая соответствует интересующему нас смыслу ‘ σ ’ и сопоставляет любому x , при котором данный смысл может быть выражен, все возможные y_i , выражающие его: $f(x) = \{y_i\}$, или $f(L) = \{L_i\}$. Лексическая единица L , для которой задаются все ЛЕ, выражающие смысл ‘ σ ’ в зависимости от L , есть аргумент функции f , а множество $\{L_i\}$ — ее значение (value). Если функцию f обозначить как Magn (от лат. *magnus* ‘большой’), то можно использовать функциональную нотацию:

Magn(СПАТЬ) = *глубоко, как бревно, как убитый, ...*
 Magn(РАНЕНЬИЙ) = *тяжело*
 Magn(ДОЖДЬ) = *сильный < проливной, как из ведра*

Функции типа Magn называются лексическими, так как их аргументы и значения — исключительно лексические единицы. Чтобы избежать неудобной полисемии термина *аргумент* (аргумент предиката ~ аргумент функции), в смысле ‘аргумент ЛФ f ’ обычно употребляется термин *ключевое слово* (ЛФ f).

Выражение, описываемое лексической функцией рассматриваемого типа и состоящее из ключевого слова функции и элемента ее значения, есть не что иное, как коллокация ключевого слова. Рассматриваемое внутри коллокации, ключевое слово называется базой коллокации, а соответствующий элемент значения — коллокатом.

Множество коллокаций и множество выражений, описываемых в терминах ЛФ, не совпадают.

- С одной стороны, существуют коллокации, задаваемые не лексическими функциями, а моделью управления (см. 5.4.2, стр. 113 и сл.): например, в таких коллокациях, как *страхование ЗДОРОВЬЯ* (ср. фр. *assurance MALADIE* букв. ‘страхование болезни’), *приговорить К СМЕРТИ / К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ* или *ДЕКРЕТНЫЙ отпуск*, коллокаты, выделенные прописными буквами, соответствуют семантическим актантам базовой лексемы L и поэтому должны быть выписаны в модели управления этой L .
- С другой стороны, лексические функции задают не только коллокации, но и дериваты своего ключевого слова, см. непосредственно ниже.

Простые стандартные лексические функции обладают следующими тремя важными свойствами.

Во-первых, простые стандартные ЛФ *универсальны*: одни и те же ЛФ функционируют в самых разных языках (хотя, разумеется, употребительность той или иной ЛФ варьирует от языка к языку).

Во-вторых, простые стандартные ЛФ *малочисленны*: их около 60-ти. Тем не менее их (почти*) достаточно, чтобы систематически описать не только коллокации во всех языках, но и всю нерегулярную деривацию.

В-третьих, простые стандартные ЛФ *систематичны*: между ними имеются определенные семантико-синтаксические соотношения, их можно по правилам соединять в сложные функции и т. п.

Лексические функции были уже многократно описаны (см., например, Иорданская & Мельчук 2007: 247–279), поэтому здесь будет достаточно самого краткого очерка.

ЛФ характеризуются по трем параметрам:

— *Парадигматические vs. синтагматические ЛФ*. Элемент значения парадигматической ЛФ $f_{\text{парадигм}}(L) = \{L_i\}$ употребляется в тексте **вместо** ключевого слова, так сказать, замещая его; элемент значения синтагматической ЛФ $f_{\text{синтагм}}(L) = \{L_j\}$ употребляется в тексте **вместе с** ключевым словом, так сказать, дополняя его. Грубо говоря, парадигматические ЛФ моделируют (семантическую) деривацию, а синтагматические — коллокацию. Типовым примером парадигматической ЛФ может служить имя действия/состояния/свойства S_0 : $S_0(\text{обсуждать}) = \text{обсуждение}$, $S_0(\text{спать}) = \text{сон}$, $S_0(\text{больной}) = \text{болезнь}$ и т. д.; типовая синтагматическая ЛФ — введенная выше **Magn**.

— *Стандартные vs. нестандартные ЛФ*. Первые 1) образуют короткий список (как было сказано, простых стандартных ЛФ — между 50 и 60), имея каждая большое число ключевых слов и элементов значений, и 2) участвуют в ГСинт-перифразах; вторые 1) многочисленны (их невозможно теоретически предвидеть), но каждая имеет очень мало ключевых слов и элементов значения (в пределе — одно ключевое слово и один элемент значения), и 2) не участвуют в перифразировании. Вот три примера нестандартных ЛФ (набраны шрифтом Calibri):

имеющий 366 дней(<i>год</i>)	= <i>високосный</i>
без добавки молочного продукта(<i>кофе</i>)	= <i>черный</i>
посредством сильного выдоха очистить от слизи(<i>нос</i>)	= <i>высморгать</i> [~]

* Эта оговорка необходима потому, что целый ряд коллокаций нуждается в нестандартных ЛФ, см. непосредственно ниже.

Как видно из этих примеров, нестандартная ЛФ обычно выражает очень специфический смысл, что и не позволяет ей иметь большое число ключевых слов.

В дальнейшем иллюстрируются только стандартные ЛФ.

— Простые vs. сложные vs. конфигурации ЛФ. Простые стандартные ЛФ задаются списком; сложные строятся из простых, когда они синтаксически связаны, имеют общее ключевое слово и выражаются одной лексической единицей; наконец, конфигурации ЛФ отражают случаи, когда несколько ЛФ имеют общее ключевое слово и выражаются вместе одной лексической единицей, но сами синтаксически не связаны друг с другом. Например:

простые ЛФ: Anti (антоним), Magn, Incer (инцептив: ‘начинать’), Oper₁

сложные ЛФ: AntiMagn, IncerOper₁; ср.:

Magn(*рана*) = *тяжелая* vs. AntiMagn(*рана*) = *легкая*

Oper₁(*сила*) = *иметь* [~*y*] vs. IncerOper₁(*сила*) = *вступить* [в ~*y*] [о законе]

конфигурация ЛФ: [Magn + IncerOper₁](*аплодисменты*) = *разразиться* [~*ами*], т. е. ‘начать производить интенсивные аплодисменты’

Приводимый ниже список ЛФ является чисто иллюстративным: в нем дается примерно одна пятая часть известных ЛФ.

Я начну с **парадигматических** ЛФ, простых и сложных.

1-3. ЛФ 1-3 — Syn (синоним), Anti (антоним) и Conv (конверсив) — играют особую роль в системе ЛФ: они применяются не только к ЛЕ данного языка, но и ко всем остальным ЛФ. Другими словами, между ЛФ и комбинациями ЛФ устанавливаются отношения:

— синонимии, т. е. равенства, например,

$$V_0(L) = S_0(L) \leftarrow \Pi - \text{Oper}_1(S_0(L)),$$

— антонимии, например, Fin = **Anti**Incer и

— конверсии, например, Labor₁₂(L) = **Conv**₁₃₂Oper₁(L).

Синонимы и антонимы широко известны; остается сказать несколько слов о конверсивах.

ЛФ Conv_{ij} применима только к ЛЕ, выражающим предикатные смыслы, т. е. имеющим Сем- и ГСинт-актанты. Если Conv_{ij}(L₁) = L₂, это значит, что лексические единицы L₁ и L₂ имеют (примерно) одинаковый смысл, но ГСинт-актанты одной из них «смещены» по отношению к тем же Сем-актантам другой — так, как указано нижним циф-

ровым индексом. Например, если у L_1 актанты находятся в соотношении $'X' \Leftrightarrow I, 'Y' \Leftrightarrow II$, то у $L_2 = \text{Conv}_{21}(L_1)$ это соотношение будет обратным: $'X' \Leftrightarrow II, 'Y' \Leftrightarrow I$. Так, *составлять* = $\text{Conv}_{21}(\text{состоять})$, как, например, в *Группу составляли специалисты* \equiv *Группа состояла из специалистов*; аналогично, *выиграть* = $\text{Conv}_{321}(\text{проиграть})$: *Иван выиграл две партии у Петра* \equiv *Петр проиграл две партии Ивану*.

Данные примеры иллюстрируют лексическую конверсию, однако многие языки имеют и грамматическую конверсию: глагольные залогии. В самом деле, форма пассива является Conv_{21} от формы актива: *Иван $\cdot X' \Leftrightarrow I$ отремонтировал часы $\cdot Y' \Leftrightarrow II$* \equiv *Часы $\cdot Y' \Leftrightarrow I$ были отремонтированы Иваном $\cdot X' \Leftrightarrow II$* .

4. S_0 — имя действия, состояния, свойства и т. п.: $S_0(\text{изучать}) = \text{изучение}$, $S_0(\text{драться}) = \text{драка}$, $S_0(\text{усталый}) = \text{усталость}$, $S_0(\text{равный}) = \text{равенство}$
5. S_1 — имя агенса, т. е. сущности, которая производит действие: $S_1(\text{стрелять}) = \text{стрелок}$, $S_1(\text{драться}) = \text{драчун}$, $S_1(\text{влиять}) = \text{фактор}$
6. S_2 — имя пациенса, т. е. сущности, которая подвергается воздействию: $S_2(\text{стрелять}) = \text{цель}$, $S_2(\text{драться}) = \text{противник}$, $S_2(\text{премия}) = \text{лауреат}$
7. Able_1 — прилагательное возможности ('такой, который способен или склонен L-ить'): $\text{Able}_1(\text{смеяться}) = \text{смешливый}$, $\text{Able}_1(\text{раздражаться}) = \text{раздражительный}$, $\text{Able}_1(\text{растворяться}) = \text{растворимый}$; $S_1\text{Able}_1(\text{пугаться}) = \text{трус}$, $S_1\text{Able}_1(\text{насмехаться}) = \text{насмешник}$

А теперь — несколько **синтагматических** ЛФ, простых и сложных.

8. Прилагательное Bon [\approx 'хороший' = 'одобряемый говорящим'; клишированная похвала]:

$\text{Bon}(\text{совет})$	= <i>ценный</i>
$\text{AntiBon}(\text{победа})$	= <i>пиррова</i>
$\text{Bon}(\text{погода})$	= <i>хорошая < прекрасная, чудесная</i>
$\text{AntiBon}(\text{погода})$	= <i>плохая < дрянная < мерзкая, собачья</i>
$\text{Bon}(\text{выбор})$	= <i>правильный, удачный</i>
$\text{AntiBon}(\text{выбор})$	= <i>ошибочный</i>

9-11. Полувспомогательные глаголы *Oper*, *Func* и *Labor*; они семантически пусты — в том смысле, что выбираются и употребляются не в соответствии с их смыслом, а автоматически — при своих ключевых словах. Они различаются тем, какую ГСинт-роль выпол-

няют при них их ключевое слово L (при Oper само L — ГСинТА II, при Func — ГСинТА I, а при Labor — ГСинТА III):

Oper ₁ (приказ)	= отдавать [~]
Oper ₁ (помощь)	= оказывать [~]
Oper ₁ (ответственность)	= нести [~]
Oper ₂ (опасность)	= подвергаться [~и]
Oper ₃ (совет)	= получать [~]
Func ₀ (собрание)	= идет
Func ₁ (помощь)	= приходит [от N _У -РОД]
Func ₁ (ответственность)	= лежит [на N _Х -ПРЕДЛ]
Func ₂ (опасность)	= угрожает [N _У -ДАТ]
Func ₂ (совет)	= касается [N _У -РОД]
Labor ₁₂ (список)	= заносить [N _У -ВИН в ~]
Labor ₁₂ (аренда)	= сдавать [N _У -ВИН в ~у]
Labor ₃₂ (аренда)	= брать [N _У -ВИН в ~у]

12. Предлог Loc_{in} выражает стандартную локализацию, пространственную или временную:

Loc _{in} (вокзал)	= на [~е]	Loc _{in} (университет)	= в [~е]
Loc _{in} (улица)	= на [~е]	Loc _{in} (переулок)	= в [~е]
Loc _{in} ^{temp} (неделя)	= на [~е]	Loc _{in} ^{temp} (месяц)	= в [~е] (в следующем месяце)

Так как в русском значения ЛФ Loc_{in} не слишком богаты, приведем здесь сравнительную табличку возможных значений в других языках (из Bierwisch 2011: 353):

	английский	голландский	немецкий	корейский
в кастрюле	<i>in</i>	<i>in</i>	<i>in</i>	<i>nehta</i>
в футляре	<i>in</i>	<i>in</i>	<i>in</i>	<i>kkita</i>
на пальце	<i>on</i>	<i>om</i>	<i>an</i>	<i>kkita</i>
на кубике	<i>on</i>	<i>op</i>	<i>auf</i>	<i>kkita</i>
на столе	<i>on</i>	<i>op</i>	<i>auf</i>	<i>nohta</i>
на голове	<i>on</i>	<i>op</i>	<i>auf</i>	<i>ssuta</i>
на крючке	<i>on</i>	<i>aan</i>	<i>an</i>	<i>kelta</i>

Лексические функции составляют важную часть словарной статьи Толково-комбинаторного словаря [= ТКС], о котором уже шла речь; см. также 5.4, стр. 109 и сл. Для каждой заглавной ЛЕ L — лексемы или идиомы — дается список применимых к ней ЛФ с их зна-

чениями и условиями выбора элементов. Тем самым словарная статья ЛЕ L задает все коллокации, в которых L выступает как база.

Важной особенностью лексических функций является, как было сказано, их универсальность. Они позволяют описать ограниченную лексическую сочетаемость, т. е. коллокации, любых языков в терминах одних и тех же формальных средств. Это облегчает сопоставление языков и, в частности, перевод между ними; ЛФ выступают при этом как эффективный язык-посредник. В качестве иллюстрации я приведу значения двух ЛФ — Magn (интенсификатор) и Oper₁ (полувспомогательный глагол) для пяти языков разной структуры — русского, арабского, венгерского, китайского и немецкого. Ключевые слова (= аргументы ЛФ) семантически эквивалентны или, по крайней мере, очень близки.

Русский

Magn(дождь)	= <i>сильный</i> < <i>проливной</i>
Magn(довод)	= <i>веский, серьезный, убедительный</i> < <i>сокрушительный, неопровержимый</i>
Magn(аплодисменты)	= <i>бурные, громовые</i>
Oper ₁ (путешествие)	= <i>совершить</i> [~e]
Oper ₁ (соглашение)	= <i>прийти</i> [к ~ю]
Oper ₁ (сопротивление)	= <i>оказать</i> [~e]
Oper ₁ (извинения)	= <i>принести</i> [N _{У-ДАТ} (свои) ~я]

• В нижеследующих примерах русские переводы прилагательных даются в форме, согласующейся с русским переводом соответствующего существительного.

Арабский

Magn(<i>maṭar</i> ‘дождь’)	= <i>ḡazīr</i> ‘обильный’, <i>qawijj</i> ‘сильный’
Magn(<i>ḥuḏḏa</i> ‘довод’)	= <i>dāmiḡa</i> ‘разительный’, <i>qawijja</i> ‘сильный’
Magn(<i>taṣfīq</i> ‘аплодисменты’)	= <i>ḥarr</i> ‘горячие’
Oper ₁ (<i>safar</i> ‘путешествие’)	= <i>qāma</i> [bi ~] ‘вставать на’
Oper ₁ (<i>ṭittifāq</i> ‘соглашение’)	= <i>tawaṣṣala</i> [ṭila ~] ‘прибывать в’
Oper ₁ (<i>muqāwamat</i> ‘сопротивление’)	= <i>qāma</i> [bi ~] ‘вставать на’
Oper ₁ (<i>ṭiṣṭarāt</i> ‘извинения’)	= <i>qaddama</i> [ART ~] ‘выдвигать’

Венгерский (символ «'» означает долготу гласного; *ly* = /j/, *s* = /š/)

Magn(<i>eső</i> ‘дождь’)	= <i>zuhogó</i> ‘ливневый’
Magn(<i>érv</i> ‘довод’)	= <i>komoly</i> ‘серьезный’
Magn(<i>taps</i> ‘аплодисменты’)	= <i>viharos</i> ‘вихревые’, <i>vas-</i> ‘железные’
Oper ₁ (<i>utazás</i> ‘путешествие’)	= [~t] <i>tenni</i> ‘делать’
Oper ₁ (<i>megegyezés</i> ‘соглашение’)	= [~re] <i>jutni</i> ‘попадать, прибывать в’

Oper₁(*ellenállás* ‘сопротивление’) = [$\sim t$] *kifejteni* ‘развивать’,
tanúsítani ‘проявлять’

Oper₁(*bocsánat* ‘прощение’) = [N_{Y-ABL} $\sim ot$] *kérni* ‘просить у’

К и т а й с к и й (символы « $\bar{}$, ‘, ` , ˇ » означают тоны)

Magn(*yǔ* ‘дождь’) = *dà* ‘большой’

Magn(*lùnjù* ‘довод’) = *yǒulì-de* ‘сильный’

Magn(*zhǎngshēng* ‘аплодисменты’) = *léidòng* ‘громовые’

Oper₁(*lǚtú* ‘путешествие’) = *tàshang* [\sim] ‘идти в’

Oper₁(*xiéyì* ‘соглашение’) = *dáchéng* [\sim] ‘прибывать в’

Oper₁(*díkàng* ‘сопротивление’) = *shíshí* [\sim] ‘реализовать’

Oper₁(*qiànyì* ‘извинение’) = *biǎoshì* [\sim] ‘выражать’

Н е м е ц к и й

Magn(*Regen* ‘дождь’) = *starker* ‘сильный’, *Platz-* ‘лопа-
 ющийся’

Magn(*Argument* ‘довод’) = *gewichtiges* ‘веский’, *schlagen-*
des ‘разящий’, *unschlagbares* ‘не-
 победимый’, *unwiderlegbares*
 ‘неопровержимый’

Magn(*Beifall* ‘аплодисменты’) = *tosender* ‘ревущие’

Oper₁(*Reise* ‘путешествие’) = [ART \sim ACC] *machen* ‘делать’

Oper₁(*Übereinkunft* ‘соглашение’) = [*über* ART \sim ACC] *erzielen* ‘доби-
 ваться’

Oper₁(*Widerstand* ‘сопротивление’) = [N_{Y-DAT} ART \sim ACC] *leisten* ‘ока-
 зывать’

Oper₁(*Entschuldigung* ‘прощение’) = [N_{Y-ACC} *um* \sim ACC] *bitten* ‘просить’

Эти примеры еще раз показывают, до какой степени значения ЛФ различаются для семантически близких лексем от языка к языку: аплодисменты, *бурные* по-русски, по-арабски являются «горячими», по-венгерски «железными», по-китайски — «громовыми» (как и по-английски: *thunderous*), а по-немецки — «ревущими» (добавлю еще, что по-французски они «упитанные»: *nourris*). ЛФ обеспечивают однородное и систематическое описание подобных сочетаний в словаре каждого языка, и при этом независимо от других языков.

Благодаря универсальности ЛФ, с их помощью легко и компактно выражаются МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ соответствия между значениями соответствующих функций для семантически эквивалентных ключевых слов, что практически невозможно сделать как-либо иначе. В самом

деле, как указать в русско-английском словаре, что в некоторых контекстах *приобретать* может переводиться как *develop* ‘развивать’ или *form* ‘образовывать’? Или в англо-французском словаре, что *kick* ‘пнуть’ иногда соответствует *renoncer* ‘отказаться’? А это необходимо, ибо *приобретать привычку* \equiv *develop* \langle form \rangle *a habit* и *kick the habit* \equiv *renoncer à une habitude*. Если же значения одних и тех же ЛФ выписаны в словарных статьях лексем ПРИВЫЧКА, НАВИТ и HABITUDE, нужные соответствия устанавливаются, так сказать, сами собой.

Лексические функции хорошо демонстрируют универсальность языковых моделей Смысл-Текст. Эта универсальность проявляется и в других сферах языка. Так, различие глубинного и поверхностного уровня в синтаксисе позволяет достаточно однородно описывать синтаксические конструкции самых разных языков и построить универсальную систему перифразирования; последовательное разделение подуровней в морфологии — граммемный, морфемный, морфный и морфонологический — открывает дорогу к универсальным морфологическим моделям; и т. д. Здесь, однако, я ограничусь еще одним примером лексических функций¹⁵.

	ПРИВЫЧКА	англ. НАВИТ	фр. HABITUDE
InсerOper ₁ (\approx ‘начать иметь’)	<i>приобрести</i> [~y]	<i>acquire, develop, form</i> [ART ~], <i>get</i> [into ART ~], <i>take</i> [to ART ~]	<i>contracter, prendre</i> [ART ~]
FinOper ₁ (\approx ‘перестать иметь’)	<i>утратить</i> [~y]	<i>drop</i> [ART ~], <i>get out, get rid</i> [of ART ~]	<i>abandonner, perdre</i> [ART ~]
LiquOper ₁ (\approx ‘заставить перестать иметь’)	<i>отучить</i> [N _x -вин <i>от ~и</i>]	<i>break</i> [N _x of ART ~], <i>wean</i> [N _x] <i>away</i> [from ART ~]	<i>détacher, détourner</i> [N _x de ART ~]
Liqu ₁ Oper ₁ (\approx ‘заставить себя перестать иметь’)	<i>отказаться, отучиться</i> [от ~и]	<i>break off, kick, shake off, throw off</i> [ART ~]	<i>se débarrasser, se défaire</i> [de ART ~], <i>renoncer</i> [à ART ~], <i>rompre</i> [avec ART ~]
CausFunc ₁ (\approx ‘заставить быть у X-а’)	<i>привить</i> [N _x -дат ~y]	<i>instill</i> [ART ~ in(to) N _x]	<i>inculquer</i> [ART ~ à N _x]

Таблица 1. Некоторые ЛФ и их значения
для трех семантически эквивалентных лексических единиц

4.3 Соотношения между парадигматическим и синтагматическим аспектами поведения лексем

Между смыслом и сочетаемостью слов существуют глубокие связи; их наличие подкрепляет гипотезы о смысловом содержании слов, которые мы формулируем на основе учета их поведения в тексте. Чтобы продемонстрировать эти связи, я рассмотрю три примера.

Пример 1

(27) а. Я **очень* (<**сильно*>) *уверен*, что Юра уже приехал. ~
Я *совершенно* (<*абсолютно*>) *уверен*, что Юра уже приехал.

vs.

б. Я *очень* (<*сильно*>) *сомневаюсь*, что Юра уже приехал. ~
Я **совершенно* (<**абсолютно*>) *сомневаюсь*, что Юра уже приехал.

Почему УВЕРЕННЫЙ и СОМНЕВАТЬСЯ имеют противоположную сочетаемость с интенсификаторами (= значениями ЛФ Magn)? Семантические разложения, предложенные выше, в (25a-b), позволяют нам ответить на этот вопрос.

Центральный компонент в толковании прилагательного УВЕРЕННЫЙ — ‘не [допускает...]’; интенсифицировать же отрицаемое состояние невозможно, ибо оно не градуируемо: нельзя более или менее **не** допускать чего-либо, а потому ОЧЕНЬ или СИЛЬНО (или еще СЛЕГКА) здесь неуместны. Напротив, само отрицание усилить можно, если Говорящий желает на нем настоять: «Ни за что!» Поэтому СОВЕРШЕННО или АБСОЛЮТНО здесь вполне подходят, так как они легко употребляются при отрицании (хотя и не в любом контексте, но здесь это несущественно).

Глагол СОМНЕВАТЬСЯ дает другую картину. В его толковании центральным является компонент ‘склонный [к ...]’, а это состояние предполагает степени: человек всегда склонен более или менее; поэтому наречия ОЧЕНЬ и СИЛЬНО естественно употребляются при СОМНЕВАТЬСЯ.

В данном случае выбор значений ЛФ Magn семантически оправдан. Заметим еще, что можно быть и ‘не очень-то склонным’; соответственно, говорят *слегка* (<*немного*>) *сомневаться*. (Среди прочего, это показывает, что в качестве центрального компонента толкования глагола СОМНЕВАТЬСЯ смысл ‘склонный’ более уместен, чем, например, ‘готовый’: нельзя быть **слегка готовым*.) Тем самым подтверждается наша гипотеза о семантической структуре лексем УВЕРЕННЫЙ и СОМНЕВАТЬСЯ.

Пример 2

Существительное АПЛОДИСМЕНТЫ определяется в русских толковых словарях как ‘хлопки ладонями в знак одобрения или приветствия’, что на первый взгляд не вызывает возражений. Однако ведь говорят *бурные/жидкие аплодисменты*, характеризуя «степень» аплодисментов, тогда как в приведенном толковании смысла ‘аплодисменты’ нет компонента, в явной форме допускающего градацию. Сочетаемость лексемы АПЛОДИСМЕНТЫ с прилагательными БУРНЫЕ и ЖИДКИЕ требует ввести в ее лексикографическое определение компонент, относящийся к ‘хлопкам’: ‘определенной силы и частоты’; этот компонент и будет интенсифицироваться. Но как только мы добавим этот компонент, становится очевидным другой недостаток традиционного толкования: в нем не указано, что сила и частота хлопков пропорциональна степени одобрения/энтузиазма, а такое указание необходимо. В результате получается следующее толкование:

аплодисменты X-а по поводу Y-а: ‘хлопки X-а ладонями в знак одобрения/энтузиазма по поводу Y-а, определенной силы и частоты, которые пропорциональны степени одобрения/энтузиазма X-а по поводу Y-а’.

Пример 3 (Iordanskaja 2007)

(28) а. *Иван горячо уговаривал меня согласиться.*

vs.

б. *Иван *горячо уговорил меня согласиться.*

Как объяснить такую разную сочетаемость членов одной видовой пары УГОВАРИВАТЬ и УГОВОРИТЬ? Рассмотрим толкования этого глагола в обоих видах.

X уговаривает Y-а Z-ить:

‘[[X желая, чтобы Y Z-ил, чего Y не хочет,]]

X говорит Y-у α с целью, чтобы это скаузирovalo¹ Y-а согласиться Z-ить’.

X уговорил Y-а Z-ить:

‘[[X желая, чтобы Y Z-ил, чего Y не хочет, и говоря Y-у α с целью, чтобы это скаузирovalo¹ Y-а согласиться Z-ить,]]

X скаузирoval² Y-а согласиться Z-ить’.

Как легко видеть, смысл формы совершенного вида УГОВОРИТЬ включает в себя смысл формы несовершенного вида УГОВАРИВАТЬ; в самом деле, ‘уговорить’ — это, примерно, ‘скаузировать² путем уговаривания’, причем смысл ‘уговаривать’ является пресуппозицией внутри смысла ‘уговорить’*. Наречие ГОРЯЧО семантически должно быть связано со смыслом ‘говорить’ внутри обоих толкований, но в ‘уговорить’ это оказывается невозможным. Из чего Иорданская заключает:

Определение к глаголу не может быть семантически связано с компонентом толкования этого глагола, если рассматриваемый компонент входит в пресуппозицию.

Этот вывод красиво подтверждается еще и таким примером:

(29) а. *Ивану предъявили **тяжкое** обвинение.*

vs.

б. *Ивана ***тяжко** обвинили.*

Данный контраст объясняется именно вышеуказанным принципом. В самом деле:

X обвиняет Y-а в Z-е перед W:

‘[[X счита²я, что Z дурно,]]

X говорит W-у, что Y ответственен за Z’.

Смысл поясняющего слова ТЯЖКИЙ должен усиливать смысл ‘дурно’, а этот последний находится внутри пресуппозиции, в силу чего фраза (29b) неграмматична. Что же касается лексемы ОБВИНЕНИЕ, то, поскольку существительное не может выражать утверждение, его толкование не делится на ассерцию и пресуппозицию, так что употребление прилагательного ТЯЖКИЙ в (29a) вполне естественно.

Таким образом, ограниченная сочетаемость лексической единицы L в принципе связана с ее смыслом: наличие некоторого семантического компонента в толковании L может обуславливать само существование значения ЛФ f для L и — по крайней мере в некоторых случаях и до известной степени — возможность тех или иных конкретных элементов значения этой ЛФ.

Хотя здесь были приведены примеры исключительно на соотношения между смыслом лексической единицы L и ее ограниченной

* Этот последний факт отмечен Апресяном (1980 [1995: 59–60]).

сочетаемостью (т. е. соотношения между семантизмом L и ее коллокациями), точно такие же — и даже более очевидные — соотношения существуют между смыслом и свободной сочетаемостью L. Так, сочетаемость/несочетаемость с числительным и возможность/невозможность образования множественного числа позволяет выделить у существительного КАРТОШКА значение, т. е. лексему, ‘один клубень’, которого нет у существительного КАРТОФЕЛЬ (*три печеных картошки* ~ **три печеных картофеля*); аналогичным образом устанавливается семантическое различие между английским ONION и русским ЛУК: *three onions* ~ **три лука*.

Так как лексическая сочетаемость наблюдаема, она помогает исследователю устанавливать и обосновывать компоненты толкований лексических единиц, недоступные для прямого наблюдения; в этом лишний раз проявляется принцип функционального моделирования.

Глава 5: Лингвистика Смысл-Текст

Теперь настала пора поговорить о содержательных характеристиках подхода Смысл-Текст (его формальные черты были описаны в 2.3.3). Пять пунктов представляются наиболее важными в данном отношении:

- Акцент на **переходе** от смысла к тексту (5.1).
- Особое внимание к используемым **понятиям** и соответствующим терминам (5.2).
- Формализация описания **смысла** (5.3).
- Центральное место, отводимое **словарю** (5.4).
- Использование **зависимостей** (а не составляющих) для представления синтаксических структур (5.5).

При изложении соответствующих сюжетов невозможно избежать технических построений; я, однако, надеюсь, что частные объяснения и примеры помогут читателю разобраться в них (а кроме того, напомню, что к услугам читателя имеется Предметный указатель, стр. 162–174).

5.1 Лингвистика Смысл-Текст и ориентация лингвистического описания

Подход «Смысл-Текст» требует от лингвиста описывать наблюдаемые языковые явления не просто как таковые, т. е. в **одном плане**, а только в рамках их построения исходя из их смысла, т. е., так сказать, **двупланово**. Иначе говоря, правильной перспективой для описания языкового выражения (или класса выражений) X объявляется описание соответствия «смысл X -а $\Leftrightarrow X$ »; таким образом, принцип «Смысл-Текст» применяется совершенно буквально. Два примера — один из испанской фонологии (5.1.1), а другой из русского синтаксиса (5.1.2) — покажут, насколько могут содержательно различаться результаты однопланового и двупланового исследования.

5.1.1 Испанские полугласные

Состав фонем (о фонеме см. примечание 4, стр. 148) испанского языка устанавливается без проблем, за исключением так называемых

двух полугласных, [i] и [ɨ], наблюдаемых, например, в словах [bién] *bien* ‘хорошо’, [buéno] *bueno* ‘хороший’, [réine] *peine* ‘гребенка’ и [neumático] *neumático* ‘пневматический’*. Они считаются вариантами гласных фонем /i/ и /u/, ибо фонемы [i] ~ [ɨ] и [u] ~ [ɨ] находятся в строго дополнительном распределении: первый (= гласный) — под ударением **или не** в контакте с другим гласным, второй (= полугласный) — **не** под ударением **и** в контакте с другим гласным. Если ограничиться рассмотрением испанских звуков в готовом тексте, то все в порядке. Но если мы хотим создать модель построения испанских словоформ, т. е. создать морфологический модуль МСТ для испанского, то ситуация меняется.

В самом деле, рассмотрим испанские глагольные формы. Ударение в них подвижное, но его постановка задается четкими и достаточно простыми правилами, не знающими исключений. В частности, в настоящем времени индикатива ударение падает всегда на последний гласный основы. Возьмем, например, глаголы *bail+ar* ‘танцевать’ и *ahil+ar* ‘идти цепочкой’. Спрашивается: какая у них основа? В словаре основы должны, разумеется, записываться в фонемной транскрипции. При «монофонемном» взгляде на пары фонем [i] ~ [ɨ] и [u] ~ [ɨ] исход обеих основ выглядят одинаково: /bail-/ и /ail-, т. е. последний гласный и там и там — фонема /i/. Оказывается, однако, что с точки зрения постановки ударения формы 1ЕД у них разные: [báil+o], но [áil+o] — а не *[baíl+o] и *[áił+o]. При одинаковом фонемном исходе данных основ по стандартному правилу постановки ударения должно быть *[baíl+o] и [áił+o]; если изменить это правило так, чтобы получалась правильная форма [báil+o], будет автоматически получаться неправильная форма *[áił+o]. Подобных пар глаголов в испанском немало, например:

<i>agriar</i>	‘скисать’	[áγrijo]	~	<i>aliar</i>	‘объединять’	[alío]
<i>anestesiар</i>	‘анестезировать’	[anéstésjo]	~	<i>amnistiar</i>	‘амнистировать’	[amnistío]
<i>anunciar</i>	‘объявлять’	[anúnθjo]	~	<i>rociar</i>	‘обрызгивать’	[roθío]
<i>arraigar</i>	‘укореняться’	[ařáijjo]	~	<i>ahijar</i>	‘усыновлять’	[aíxjo]
<i>cambiar</i>	‘менять’	[kámbjo]	~	<i>enviar</i>	‘посылать’	[embío]
<i>envidiar</i>	‘завидовать’	[embíðjo]	~	<i>confiar</i>	‘доверять’	[komfío]
<i>pairar</i>	‘дрейфовать’	[ráijjo]	~	<i>ahincar</i>	‘настаивать’	[aíŋko]
<i>peinar</i>	‘причесывать’	[réino]	~	<i>prohibir</i>	‘запрещать’	[proiβjo]
<i>reinar</i>	‘царить’	[féino]	~	<i>rehilar</i>	‘дрожать’	[feilo]

* Ради упрощения я отвлекаюсь от того факта, что в зависимости от положения перед гласным или после него рассматриваемые полугласные имеют по два варианта: более согласный [j]/[w] ~ менее согласный [ɨ]/[ɨ].

В точности такова же ситуация с полугласным [ɨ]: в таких глаголах, как *atestiguar* ‘свидетельствовать’ и *evacuar* ‘эвакуировать’, при «монофонемной» трактовке [u] и [ɨ] исход основы будет одинаковым — /atestigu-/ и /ebaku-/; однако формы 1ЕД у них опять-таки разные — [atestíγɔ] vs. [eβakúo] (а не *[atestíγúo] и *[eβákɔo]). Подобных пар глаголов в испанском тоже достаточно:

<i>averiguar</i>	‘проверять’	[aβeríγɔ]	~	<i>evaluar</i>	‘оценивать’	[eβalúo]
<i>defraudar</i>	‘обманывать’	[defráɥðo]	~	<i>acentuar</i>	‘акцентуировать’	[aθentúo]
<i>fraguar</i>	‘ковать’	[fráγɔ]	~	<i>graduar</i>	‘градуировать’	[graðúo]
<i>incautar</i>	‘брать в залог’	[iŋkáɥto]	~	<i>actuar</i>	‘действовать’	[aktúo]
<i>menguar</i>	‘уменьшать’	[ménγɔ]	~	<i>continuar</i>	‘продолжать’	[kontinúo]
<i>paular</i>	‘разговаривать’	[páɥlo]	~	<i>aullar</i>	‘выть’	[aúllo]
<i>pausar</i>	‘замедлять’	[páɥso]	~	<i>ahumar</i>	‘коптить’	[aúmo]
<i>restaurar</i>	‘реставрировать’	[restáɥro]	~	<i>aupar</i>	‘поднимать’	[aúpo]

Поэтому, исходя из описания **построения** испанских словоформ, мы должны заключить, что [i] ~ [í] и [u] ~ [ɨ] принадлежат, соответственно, к двум разным фонемам. Изучение контекстов, в которых выступают фонемы [í] и [ɨ], показывает, что с фонологической точки зрения эти фонемы не являются ни гласными, ни согласными: это так называемые глайды. В результате мы имеем следующие четыре фонемы: гласные /i/ ~ /u/ и глайды /j/ ~ /w/. Это, однако, уже другая история. (См. Мельчук 1997–2006: том V, стр. 188 и сл.)

5.1.2 Русские биноминативные предложения

Какое существительное, **СТОЛИЦА** или **ПАРИЖ**, является подлежащим в предложениях (30a-b)?

(30) **a.** *Столица Франции — Париж.*

b. *Париж — столица Франции.*

Оба существительных стоят в именительном падеже, и поэтому предложения такого типа называются биноминативными. Заданный выше вопрос обсуждается уже в течение многих десятилетий, и был выдвинут ряд критериев для выявления подлежащего в биноминативных предложениях:

1) преобразование в прошедшее время (подлежащее остается в именительном падеже, а второй элемент — именная часть сказуемого — получает творительный);

2) согласование связки (связка согласуется с подлежащим, если оно — не ЭТО);

3) бóльшая референционность и информативность (характеризуют подлежащее; Падучева & Успенский 1979); и т. д.

Применительно к предложениям (30) все эти критерии работают хорошо (*Столиц+ей Франции был Париж. ~ *Столица Франции была Париж+ем*). Существуют, однако, предложения, в которых ни один из известных критериев не помогает; например, где подлежащее в предложениях (31)?

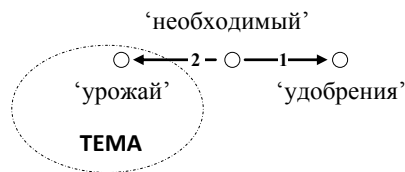
(31) а. *Хороший урожай — это удобрения.*

б. *Удобрения — это хороший урожай.*

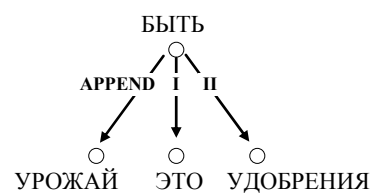
В таких случаях обычно предлагается считать, что здесь имеет место синтаксическая неопределенность: попросту нельзя узнать, что именно является подлежащим. При рассмотрении готовых фраз это допустить можно (хотя и неприятно, как всякое поражение). Но если мы строим фразу по ее семантической структуре, такое решение неприемлемо: ведь Говорящий точно знает, кто есть кто в его замысле, а выходная фраза должна иметь полную правильную синтаксическую структуру, чтобы МСТ могла ее произвести и успешно реализовать. Поэтому необходимо искать другие способы определения подлежащего — опираясь на описание перехода от смысла этой фразы, т. е. от ее СемС к ее синтаксической структуре.

Наметим в общих чертах, как происходит построение фраз (31a-b).

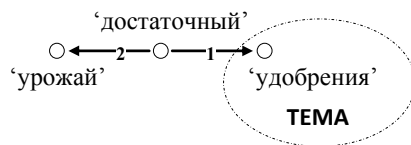
(32) а. СемС фразы (31a)

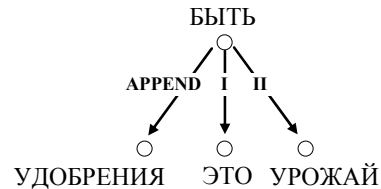
б. ГСинтС фразы (31a)

(33) а. СемС фразы (31b)

б. ГСинтС фразы (31b)

Это значит, что во фразах (31a-b) первое существительное — синтаксический пролепсис, выражающий (фокализованную) тему, а второе — именная часть сказуемого; подлежащим же является местоимение ЭТО*. При переводе данных фраз в прошедшее время получается (34), где поведение связки ясно показывает, что подлежащее здесь — ЭТО:

(34) **a.** *В те годы хороший урожай — это были исключительно удобрения.*

b. *В те годы правильные удобрения — это обязательно был хороший урожай.*

Заметим в заключение, что если в структурах (32a)-(33a) заменить ‘урожай’ и ‘удобрения’ переменными X и Y, то мы получим семантические правила перехода СемС \Leftrightarrow ГСинтС для смыслов ‘необходимый’ и ‘достаточный’. В самом деле, *Для поездки необходимо много денег.* \equiv *Поездка — это много денег.* и *Участие Лени достаточно для успеха.* \equiv *Участие Лени — это успех.*

5.2 Лингвистика Смысл-Текст и система понятий для науки о языке

5.2.1 Вводные замечания

В отличие от всех других наук, лингвистика имеет следующее свойство:

|| Предмет лингвистики и ее инструмент совпадают.

Лингвисты пользуются естественным языком, чтобы говорить о естественном языке, что неминуемо ведет к смешению понятий и к логическим несуразицам. Поэтому создание достаточно формализованного концептуального аппарата и разработка соответствующей терминологии имеет для лингвистики бóльшую важность, чем для любой другой науки, где объект изучения и язык описания совершенно различны. Подход Смысл-Текст придает особое значение точно определенным понятиям и удачным терминам, выражающим эти понятия; создание и употребление специального лингвистического метаязыка должно обеспечить лингвистам единую перспективу, ведущую к совместимым и легко переводимым друг в друга описаниям.

* Данная трактовка заимствована из Иомдин 2010: 125–126.

С самого начала это направление моих исследований методологически опиралось на известный многотомный труд группы французских математиков, объединившихся в 1935-ом году под псевдонимом Николя Бурбаки, см. Halmos 1957 et Queneau 1963, а также http://ru.wikipedia.org/wiki/Николя_Бурбаки и <http://www.ega-math.narod.ru/Bbaki/Bourb1.htm>. Бурбаки попытались создать единый формальный аппарат и единый формальный метаязык для всей современной математики. Вдохновившись идеями умеренного бурбакизма (формализмы — как и девы — хороши, но до известного предела, см. И. Бродский), я начал разработку системы строгих лингвистических понятий: Мельчук 1975 и 1978. В результате примерно двадцати лет работы оказалось возможным предложить дедуктивную систему понятий и соответствующую терминологию для лингвистической морфологии (Mel'čuk 1993–2000, в переводе на русский — Мельчук 1997–2006). На основе ограниченного числа неопределяемых понятий (заимствованных из логики и математики, а также из других областей лингвистики) строятся строгие определения таких морфологических понятий, как *языковой знак*, *представимость знаков в терминах других знаков*, *элементарный знак*, *словоформа*, *лексема*, *корень vs. аффикс*, *словоизменительная категория* и *граммема*, *падеж*, *злог*, *морф vs. морфема*, *супплетивизм*, *редупликация*, *чередование*, *апофония* и т. д. — всего 249 понятий.

Эти понятия строятся с соблюдением трех следующих содержательных правил:

— каждое понятие должно определяться строго дедуктивно, т. е. быть максимально общим на своем уровне;

— набор определяющих свойств должен быть минимальным, что обеспечивает минимальные различия между понятиями;

— понятие должно ориентироваться на прототипические случаи.

Разумеется, предлагаемые определения должны удовлетворять всем стандартным требованиям, предъявляемым к любым научным определениям: определения должны быть формальными (= применяться автоматически), строгими (= содержать лишь уже определенные или неопределяемые термины), необходимыми и достаточными (= указывать все определяющие свойства и не указывать никаких лишних свойств) и универсальными (= покрывать все явления, которые интуитивно соответствуют определяемому понятию). Подробнее см. Mel'čuk 2006b.

В качестве наглядных примеров я рассмотрю понятие языкового знака (5.2.2), понятие слова (5.2.3) и тесно связанные понятия падежа (противопоставление «номинатив ~ аккузатив»), эргативной конструкции и залога (5.2.4).

5.2.2 Языковой знак

Понятие языкового знака, лежащее в основе предлагаемой концептуальной системы, восходит к общеизвестному определению Ф. де Соссюра (Saussure 1916 [1962: 99]): «Языковой знак — это психическая двусторонняя сущность “Концепт ~ Акустический образ”»; на той же странице «Концепт» заменяется на «означающее», а «Акустический образ» — на «означающее»: в силу своей общности это более удобные термины. Таким образом, мы имеем следующее соссюрское определение знака:

|| Языковой знак — это пара ⟨означающее, означающее⟩.

В настоящее время двусторонний характер языкового знака признан повсеместно. Однако до Соссюра (а во многих случаях — еще довольно долго и после него) языковой знак понимался как односторонняя сущность: знак отождествляли с тем, что Соссюр назвал означающим. (Это, по всей видимости, объясняется просто смыслом слов *знак, sign, signe, Zeichen*, ... в естественных языках: прекрасная иллюстрация мысли о том, что лингвистике необходим свой, хорошо определенный метаязык, отличный от естественного языка. См. ниже сходную ситуацию со словом *слово*.) Понимание языкового знака как пары ⟨означающее, означающее⟩ сыграло в лингвистике такую же роль, какую понятие множества, введенное Г. Кантором в 1883, сыграло в современной математике.

Однако соссюрское понятие, совершенно необходимое, оказалось недостаточным. В самом деле, пара ⟨означающее, означающее⟩ не задает полностью соответствующий знак. Возьмем, например, следующую русскую пару ⟨означающее, означающее⟩:

⟨‘страна X совершает незаконное военное вторжение
на территорию страны Y’; /agrés/⟩

Этот знак задает русское слово АГРЕССИЯ, но не указывает, что это существительное женского рода, I-го склонения, что у него нет соответствующего глагола (*АГРЕССИРОВАТЬ), что оно управляет предлогом ПРОТИВ [N_У-вин] и требует полувспомогательных глаго-

лов (= Oper₁) СОВЕРШАТЬ и ОСУЩЕСТВЛЯТЬ (*Россия совершила преступную агрессию против Грузии*). Другая русская пара (означаемое, означающее):

⟨‘страна X совершает незаконное военное вторжение на территорию страны Y’; /napad’én’i/⟩ –

указывает на слово НАПАДЕНИЕ — тоже существительное, но среднего рода и II-го склонения, которое имеет соответствующий глагол, управляет предлогом НА [N_Y-вин] и принимает те же полувспомогательные глаголы СОВЕРШАТЬ и ОСУЩЕСТВЛЯТЬ (*Россия совершила нападение на Грузию ~ Россия напала на Грузию*). Без информации такого рода приведенные описания слов АГРЕССИЯ и НАПАДЕНИЕ не позволяют правильно употреблять их.

Все эти данные составляют третий необходимый компонент языкового знака, который я назвал синтактикой (Mel’čuk 1982: 26–28).

Теперь я могу сформулировать полное, т. е. необходимое и достаточное, определение языкового знака (Mel’čuk 1982: 40–41):

Определение 2: языковой знак

|| Языковой знак есть упорядоченная тройка
 $s = \langle \text{означаемое, означающее, синтактика} \rangle$.

Обозначения: ‘означаемое’, /означающее/, Σ = синтактика.

Означаемое. В большинстве случаев означаемое — это «кусочек» смысла: ‘книга’, ‘замечательный’, ‘вокруг нас’, ‘страна X совершает незаконное военное вторжение на территорию страны Y’ и т. д. Это, однако, не обязательно; означаемое может также представлять собой:

- граммему (или комбинацию граммем): ЕД, ПРОШ, МУЖ.ЕД.ДАТ и т. д.;

- синтаксическое отношение: L_1 –прямо-объектное $\rightarrow L_2$,

L_1 –определяющее $\rightarrow L_2$ и т. д.

Означающее. В большинстве случаев означающее — это цепочка фонем, или сегмент; соответствующие знаки называются сегментными. Имеются, однако, и несегментные знаки: супрафикс, у которого означающим является просодема; редупликация, апофония и конверсия, у которых в качестве означающего выступает соответствующая морфологическая операция; синтаксическая конструкция, означающее которой — конфигурация символов частей речи с нужными синтаксическими признаками и граммемами (а означаемое — синтаксическое отношение). Примеры:

• Супрафикс [= **Supr**]:

(35) чинантек

Верхние индексы обозначают тоны: ^B — высокий, ^C — средний,
^H — низкий; символ ' маркирует короткий интенсивный слог.

- a. $Tá^{CH}$ 'Я рублю' vs. $Tá^{BH}$ 'Я буду рубить'
 b. Ta^C 'Мы прибываем' vs. Ta^B 'Прибудем ли мы?'

В (35a) выступают два супрафикса:

Supr_{PRES, DECLAR, ISG} = ⟨PRES, DECL, ISG; ^{CH}; Σ = супрафикс, с глаголами типа $TÁ$, ...⟩

Supr_{FUT, DECLAR, ISG} = ⟨FUT, DECL, ISG; ^{BH}; Σ = супрафикс, с глаголами типа $TÁ$, ...⟩.

• Редупликация [= **Red**]:

(36) дьирбал (R означает 'корень')

'смеяться' $miyanday$ ~ **$miyamiyanday$** 'слишком много смеяться'
 'ждать' $miḡul$ ~ **$miḡumiḡul$** 'слишком много ждать'
 'раскраситься' $gulḡiribil$ ~ **$gulḡigulḡiribil$** 'слишком много раскраситься'

Red_{TOO-MUCH} = ⟨'слишком много'; $\overbrace{/C^1V^1C^2(C^3)V^2\Phi/}^R$ ⇒
 ⇒ $/C^1V^1C^2(C^3)V^2R/$; Σ = редупликация, частичная,
 левая, применяется к глаголам, ...⟩

☛ Символ Φ обозначает любую цепочку фонем.

• Апофония [= **A**], или значащее чередование

(37) идиш

	ЕД	МН		ЕД	МН		ЕД	МН
'банк'	$bank$	~ $benk$	'шея'	$haldz$	~ $heldz$	'гость'	$gast$	~ $gest$
'день'	tog	~ teg	'голова'	kop	~ kep	'птица'	$foygl$	~ $feygl$
'брат'	$bruder$	~ $brider$	'сын'	zun	~ zin	'корова'	ku	~ ki

A_{PL}^{a/o⇒e} = ⟨PL; {/a/, /o/} ⇒ /e/; Σ = апофония, применяется к существительным $A^{a/o⇒e}$, ...⟩

A_{PL}^{u⇒i} = ⟨PL; /u/ ⇒ /i/; Σ = апофония, применяется к существительным типа ...⟩

• Конверсия [= **Conv**]

(38) испанский

'яблоко' $manzana$ ~ 'яблоня' $manzano$
 'слива' $ciruela$ ~ 'сливовое дерево' $ciruelo$

‘черешня’ <i>cereza</i>	~	‘черешневое дерево’	<i>cerezo</i>
‘апельсин’ <i>naranja</i>	~	‘апельсиновое дерево’	<i>naranjo</i>
Conv_{TREE} = ⟨‘дерево, приносящее плоды Y’; fem ⇒ masc ; Σ = конверсия, применяется к N _{(‘плод’, fem), ...} ⟩			

Показателем смысла ‘дерево, приносящее плоды Y’ является именно подстановка “fem ⇒ masc”, обеспечивающая автоматическую замену родового суффикса **-a** на **-o**.

- Синтаксическая конструкция

(39) русский

Конструкция “NUM + ... + N | AGREE_(Num, N)” (“...” показывает возможность вставления других лексем, например, прилагательных; AGREE_(Num, N) — это набор правил, описывающих согласование числительного с существительным). Эта конструкция выражает ПСинТО L_1 -количественное → L_2 :

$$\text{ПСинТО}_{\text{колич}} = \langle L_1\text{-количеств} \rightarrow L_2 ; \text{NUM} + \dots + \text{N} | \text{AGREE}_{(\text{Num}, \text{N})} ; \Sigma = \dots \rangle$$

Синтактика. Синтактика языкового знака содержит всю ту и только ту информацию о данном знаке, которая 1) необходима для его правильного употребления и 2) не может быть выведена по общим правилам из его означаемого или означающего (т. е. является, строго говоря, произвольной). Так, невозможность выражения **дуть на радость* вытекает из смыслов соответствующих слов и не должна отражаться в их синтактике.

Формально говоря, синтактика — это множество признаков, каждый из которых характеризуется определенным набором значений; например:

для любого знака

1) морфологический тип: {словоформа, морф, морфологическая операция, супраморф...};

для морфа

2) морфологический статус: {корень; аффикс: префикс, суффикс, инфикс, трансфикс, интерфикс};

для корня¹⁶

3) часть речи: {глагол, существительное, прилагательное, наречие, клаузатив¹⁷},

4) склонение/спряжение,

5) модель управления,

- 6) лексические функции,
 8) возможные чередования,
 9) стилистическая помета: {формальный, неформ., разговорный, сленг, ...};
 для корня существительного
 11) род или именной класс,
 12) счетность: {счетное, несчетное};
 для аффикса
 13) часть речи «принимающего» корня,
 14) линейная позиция по отношению к «принимающему» корню,
 15) чередования, вызываемые в «принимающем» корне.

Заметим, что синтактику имеют только знаки естественного языка. Знаки формальных языков науки синтактики не имеют; они употребляются, т. е. соединяются с другими знаками, в соответствии с их смыслом, т. е. означаемым. В естественном же языке сочетаемость знаков достаточно произвольна: ее невозможно задать общими правилами (хотя во многих случаях сочетаемость знака мотивируется — по крайней мере частично — его означаемым или означающим). Хороший пример такой произвольности дает распределение существительных по грамматическим родам (ДИВАН vs. КРОВАТЬ vs. ЛОЖЕ и т. п.). Ничего подобного в формальных языках нет. Конечно, для многих символов существуют сложные правила употребления, но эти правила касаются либо смысла, либо формы знака. Рассмотрим, например, математический символ суммирования $\sum_{i=1}^n$. Запишем его в стандартной форме знака:

$$\text{суммирование} = \langle \text{'сумма } i \text{ последовательных целых чисел от } l \text{ до } n \text{' ; } \sum_{i=1}^n \rangle$$

Как легко видеть, никакой синтактики этому символу не нужно.

|| Естественный язык — единственная семиотическая система, знаки которой включают синтактику как неотъемлемый компонент.

Эту формулировку можно считать еще одним определением естественного языка.

Синтактика — единственный компонент языкового знака, который не может быть пустым. В самом деле:

Означаемое бывает пустым (пустые знаки)

(40) а. Пустой аффикс

Русские тематические элементы:

пис+а+л ~ люб+и+л ~ вел+е+л ~ сох+ну+л ~ мол+о+л

Тем. Эл = $\langle \Lambda ; /a/ ; \Sigma = \text{суффикс, с глаголами типа «V-а», ...} \rangle$

б. Пустой корень

Эскимосский корень **pi-**:

pi- = $\langle \Lambda ; /pi/ ; \Sigma = \text{корень, ...} \rangle$

В эскимосском языке ряд глагольных смыслов передается только суффиксами (префиксов в эскимосском нет); чтобы выразить такой смысл «в чистом виде», используют пустой корень **pi-**, к которому прибавляют нужный суффикс. Так, ‘купить’ выражается суффиксом **-si**, а ‘изготовить’ — суффиксом **-lior** и т. д. Смысл ‘купить палатку’ выражается глаголом *tupisi-* ‘купить палатку’, где *tupi-* ‘палатка’, а ‘изготовить палатку’ будет *tupilior-*. Чтобы назвать деятельность купли и изготовления как таковую, по-эскимосски говорят *pisi-* и *pilior-*.

Означающее тоже бывает пустым (нулевые знаки)

(41) а. Нулевой аффикс

Русские падежно-числовые нулевые суффиксы:

ЕД.НОМ <i>ног+á</i>	МН.ГЕН <i>ног+Ø</i>
ЕД.НОМ <i>рог+Ø</i>	МН.ГЕН <i>рог+óв</i>

ЕД.НОМ = $\langle \text{ЕД.НОМ} ; \Lambda ; \Sigma = \text{суффикс, при N мужского рода II-го склонения, ...} \rangle$

МН.ГЕН = $\langle \text{МН.ГЕН} ; \Lambda ; \Sigma = \text{суффикс, при N I-го склонения, ...} \rangle$

б. Нулевой корень

Нулевой корень указательного местоимения в кирунди:

именной класс	➔	I	II	III	IV	V	VI
‘этот — близкий к тебе’		<i>uw+o</i>	<i>ab+o</i>	<i>uw+o</i>	<i>iy+o</i>	<i>iry+o</i>	<i>ay+o</i>
‘этот — близкий к нему’		<i>u+rya</i>	<i>ba+rya</i>	<i>u+rya</i>	<i>i+rya</i>	<i>ri+rya</i>	<i>a+rya</i>
‘тот — далекий от нас’		<i>u+rüya</i>	<i>ba+rüya</i>	<i>u+rüya</i>	<i>i+rüya</i>	<i>ri+rüya</i>	<i>a+rüya</i>

Форма указательного местоимения состоит из корня (**-o**, **-rya** и **-rüya**¹⁸) и префикса. Но как тогда описать формы указательного местоимения со смыслом ‘этот — близкий ко мне’: *uwu*, *aba*, *uwu*, *iyi*, *iri*, *aya* и т. д.? Они состоят из классного префикса, за которым — в пределах словоформы — физически ровно ничего не следует. Од-

нако префикс должен предшествовать корню; следовательно, в этих формах — нулевой корень:

$$\emptyset_{1SG}^{указат} = \langle \text{'этот — близкий ко мне'}; \Lambda; \Sigma = \text{корень, местоименное прилагательное, указательное, ...} \rangle$$

Означаемое и означающее одновременно могут быть пустыми (пустые нулевые знаки)

Даже такие парадоксальные знаки возможны! Примером могут служить нулевые эксплетивные и метеорологические местоимения в языках Pro-Drop¹⁹.

(42) испанский

Se vive bien aquí букв. 'Живется хорошо здесь'. ~ *Llueve* букв. 'Дождит'.

В подобных фразах глагол-сказуемое — в 3-ем лице единственного числа. Граммемы лица и числа навязываются испанскому глаголу согласованием с подлежащим; в данном случае имеет место согласование с пустым нулевым подлежащим \emptyset_{3SG} , которое соответствует англ. IT, фр. IL и нем. ES:

$$\emptyset_{3SG} = \langle \Lambda; \Lambda; \Sigma = \text{словоформа, местоимение, 3, ЕД, ...} \rangle$$

Этот знак-«инвалид» существует исключительно благодаря своей синтактике.

У огромного большинства языковых знаков означаемое, являющееся смысловой конфигурацией, задает бесконечное множество сущностей или фактов, которое называется денотатом знака. Так, денотатом знака ЭКРАН является множество всех мыслимых экранов, даже тех, которые уже или еще не существуют. Когда же слово ЭКРАН употребляется в конкретной фразе, оно может задавать конкретный элемент денотата; во фразе (43) имеется в виду однозначно идентифицируемый экран — тот, на который мы смотрели в описываемый момент:

(43) *Мы не отрывали глаз от экрана.*

Подобный элемент называется референтом знака. Таким образом, денотат знака есть множество всех его возможных референтов. (Исключительно важное различие между языковым знаком, с одной стороны, и его денотатом/референтом было установлено Г. Фреге: Frege 1892.) Выше уже шла речь о важности референциального статуса знаков для описания функционирования языка.

Понятие языкового знака лежит в основе всех морфологических понятий, таких как морф (= элементарный сегментный знак), корень (= морф, главная часть синтактики которого является межлексемной, т. е. касается сочетаемости словоформ во фразе), аффикс (= морф, не являющийся корнем), словоформа (\approx достаточно автономный минимальный знак); см. Mel'čuk 1982 и Мельчук 1997–2006. Центральные понятия синтаксиса (такие, как словосочетание, предложение, фраза) формулируются в терминах словоформ и отношений зависимости между ними; тем самым, понятие знака не менее важно и в синтаксисе. Семантика и лексикология сосредоточены на понятии семантемы, а семантема — это означаемое лексической единицы, в частности лексемы; лексема же есть множество словоформ и словосочетаний (= аналитических форм), обладающих специальными свойствами — они различаются только словоизменительными (= флективными) значениями. Словоформы и аналитические формы суть не что иное, как знаки. Более того, главная языковая операция — языковое объединение \oplus — определена на множестве знаков: $s_1 \oplus s_2 = s_3$; например: нос- \oplus -ы = носы или в английском sing- \oplus A_{PAST}^{/t/⇒/æ/} = sang. Операция $X \oplus Y$ означает «автоматическое» объединение единиц X и Y по общим правилам языка L с учетом свойств X-а и Y-а.

Именно в терминах знаков формулируется понятие композиционности, столь важное для лингвистики, в частности — для фразеологии.

Определение 3: композиционность (языкового знака)

Сложный знак XY называется композиционным, если и только если XY может быть записан в виде $X \oplus Y$, что означает, что все три компонента знака XY тоже композиционны: 'XY' = 'X' \oplus 'Y', $/XY/ = /X/ \oplus /Y/$ и $\Sigma_{XY} = \Sigma_X \oplus \Sigma_Y$.

Одним словом, знаки, знаки, кругом одни лишь знаки!

5.2.3 Слово

Несмотря на исключительную важность понятия слова для изучения языка, лингвистика — насколько мне известно — до сих пор не располагает его строгим, формальным и повсеместно принятым определением. Одна из возможных причин — та же, что и в случае со знаком: многозначность и расплывчатость смысла слова СЛОВО в естественном языке. Уточнение этого понятия возможно лишь в

рамках достаточно формализованного понятийного аппарата; здесь будут приведены определения «слова» в разных его аспектах. Определения эти даются в упрощенном виде (полные версии см. в Мельчук 1997–2006: т. I, 175–246).

Прежде всего необходимо провести различие, с одной стороны, между словоформой и лексемой (нетерминологически обе сущности называют *словом*), а с другой — между речевой словоформой и языковой словоформой.

Неформально говоря, словоформа — это слово, взятое в одном конкретном значении и в одной конкретной форме. Например, НОСИ ‘элемент человеческого лица ...’ ~ НОСИ ‘передняя часть корабля ...’ — это две разные русские лексемы; **носомI**, **носахI**, ... — это русские словоформы. Формально же говоря, словоформа — это языковой знак, в русском языке — по большей части сложный. Словоформа определяется двумя свойствами — автономностью и минимальностью.

Определение 4: автономность (языкового знака)

Языковой знак *X* называется автономным, если и только если:

- либо имеет место **сильная автономия**: *X* может появляться между двумя полными паузами;
- либо имеет место **слабая автономия**: *X* не может появляться между двумя полными паузами, но может образовывать сильно автономное выражение *X₁Y* вместе с другим сильно автономным выражением *Y*, причем *X* должен удовлетворять одному из трех дополнительных условий слабой автономности.

Дополнительные условия слабой автономности знака иерархически упорядочены:

- **Отделимость**: слабо автономный знак *X* может быть линейно отделен от *Y*-а сильно автономным выражением *Z*. Так, *корове* [= *Y*] — сильно автономное выражение, *к корове* [= *X₁Y*] — тоже сильно автономное выражение, и возможно выражение *к нашей/этой* [= *Z*] *корове*, где знак *Z* опять-таки сильно автономен; следовательно, *к* [= *X*] — слабо автономный знак.

- **Неселективность**: если слабо автономный знак *X* неотделим от *Y*-а, то *X* должен быть неселективным, т. е. его употребление не должно быть ограничено сочетаемостью с *Y*-ом (или со всеми знаками этого типа). Например, частица **же** неотделима от слова, к ко-

торому относится, но может присоединяться к любому слову: это слабо автономный знак.

• **Переместимость:** если слабо автономный знак X неотделим от Y-а и селективен, то X должен быть по крайней мере переместимым, т. е. в определенных контекстах он размещается относительно Y-а как-то по-другому. Испанские приглагольные местоименные клитики слабо автономны, хотя они неотделимы от глагола и очень селективны: они перемещаются от своего глагола в другие позиции, ср.:

- (44) a. *¡Dámelo!* ‘Дай.мне.это!’ ~ *¡No me lo des!* ‘Не давай мне этого!’
 b. *Quisiera poder dárme lo* ‘[Он] хотел.бы мочь дать.мне.это’. ~
Me lo quisiera poder dar ‘[Он] мне это хотел.бы мочь дать’.

Определение 5: минимальность (языкового знака)

Языковой знак X называется минимальным, если и только если он не может быть представлен как состоящий из двух или большего числа знаков того же типа, что и он сам.

Примеры. Знаки *ракета* и *носитель* минимальны, а знак *ракета-носитель* — нет, поскольку состоит из двух знаков того же типа, что и он сам: *ракета-носитель* — словосочетание, но словоформы *ракета* и *носитель* — тоже словосочетания (хотя и единичные). Знак же *ракетоноситель*, напротив, минимален, ибо он не состоит из двух словоформ и, следовательно, может считаться словоформой.

Определение 6: словоформа

Языковой знак X является словоформой, если и только если он автономен и минимален.

Требование автономности отграничивает словоформу от частей словоформ — морфов; требование минимальности отграничивает ее от групп словоформ, т. е. от словосочетаний.

От словоформы требуется также, чтобы она удовлетворяла общим свойствам словоформ в данном языке — семантическим, синтаксическим, морфологическим и фонологическим. Чтобы не усложнять изложение, от этого факта придется полностью отвлечься.

Определения 7/8: языковая/речевая словоформа

1. Словоформа является языковой, если и только если она возможна в любом контексте или, по крайней мере, в большинстве контекстов.
2. Словоформа является речевой, если и только если она возможна в некоторых определенных контекстах, где она создается синтаксическими правилами — в результате либо расщепления некоторой языковой словоформы, либо слияния некоторых языковых словоформ.

Примеры. Все случаи, рассмотренные в примерах к Определению 4, являются словоформами: эти знаки автономны (хотя и слабо) и минимальны. Это языковые словоформы. А вот примеры речевых словоформ:

(45) а. немецкий

Глагол ZUMACHEN ‘закрыть’:

Er machte die Tür zu ‘Он закрыл дверь’. ~

Ich weiß, daß er die Tür zumachte ‘Я знаю, что он закрыл дверь’.

Глагольный префикс **zu-** «отрывается» от своего глагола и помещается в самый конец предложения («приставка ‘цу’ ставится на концу»); в этой позиции **zu-** имеет все свойства немецкой словоформы. Поэтому его приходится признать словоформой, но словоформой «на час» — лишь в особом контексте.

б. французский

*à le Canada ‘в Канаде’ ⇒ *au* /o/ *Canada*

Предлог *à* ‘в’, оказавшись перед артиклем единственного числа, «сливается» с ним, если этот последний — мужского рода (LE) и стоит перед согласным; получается знак **au**. В других контекстах слияния *à* с артиклем единственного числа не происходит: *à l’Ontario* ‘в Онтарио’, *à la maison* ‘в доме’. Опять-таки **au** имеет все свойства французских словоформ и тем самым является словоформой, но только речевой.

Языковые словоформы распределены по лексемам, или, иначе говоря, объединяются в лексемы. Речевая же словоформа ни к какой лексеме не принадлежит.

Определение 9: лексема

Лексема есть множество всех таких словоформ и словосочетаний, различия между которыми являются словоизменительными (= флективными).

Пример. Русская лексема ЧИТАТЬ включает в себя

- словоформы: *читаю, читаешь, ..., читал, читала, ..., читать, читая, читающий, читанный, прочитаю/прочту, прочитаешь/прочтешь, ..., прочитал/прочел, прочитать, прочитав(ши), прочитавший, прочитанный, ... читаться, ..., читающийся, ...*
- словосочетания: *буду читать, будешь читать, ..., читал бы, читала бы, ..., был прочитан, будет прочитана, будучи прочитаны, ..., быть прочитаны, ...*

Лексема является словарной (= лексикографической) единицей.

NB: Подчеркнем, что понятие словоизменительной категории и ее значений (= граммем) определяется до и независимо от понятия лексемы. См. Мельчук 1997–2006, т. 1: 248–267.

5.2.4 Падежи, эргативная конструкция, залого

Приведем, наконец, еще один пример того, как именно введенные понятия работают в лингвистическом описании и насколько важна строгая терминология для лингвистики. Этот пример довольно сложен технически, но усилия читателя, я надеюсь, будут вознаграждены. Речь пойдет об одном африканском языке — масаи, принадлежащем к восточно-нилотским языкам Кении и Танзании (кроме масаи, к ним относятся еще туркана, тесо, нгаса, ланго и ряд других, более мелких языков).

В восточно-нилотских языках имеются два падежа, традиционно называемые номинативом и аккузативом. Уже более полувека утверждается, что эти падежи обладают удивительными свойствами, которые противопоставляют восточно-нилотские языки и, в частности, масаи всем другим известным языкам. Откроем единственную полную грамматику масаи, доступную сегодня: Tucker & Mraauei 1955 (= T&M; в целом это замечательное описание языка, точное и ясное). Вот что там говорится по поводу падежей:

- Аккузатив является исходной (= словарной) формой имени.
- Номинатив формально образуется от аккузатива (посредством тональной апофонии).
- Номинатив управляется предлогами, а аккузатив нет.
- Аккузатив употребляется, в частности, как показатель:
 - темы, вынесенной в начало предложения (т. е. пролепсиса);
 - обращения (если это последнее не вводится частицей, которая управляет номинативом);

- присвяточного дополнения при глаголе RÁ ‘быть’, выраженно-го прилагательным или числительным;
- обладателя (в «генитивной конструкции»): *alčoré lš layíoni*_{АКК} ‘друг мальчика’ (*lš* — связующая частица).
- Номинатив маркирует любое подлежащее (кроме подлежащего пассивной формы), а также косвенные дополнения, включая те, которые вводятся предлогом (как указано выше).
- Аккузатив маркирует прямое дополнение.

За исключением последнего свойства, приведенная характеристика двух основных грамматических падежей предельно экзотична: мне неизвестен хотя бы один подобный пример вне восточно-нилотских языков. Более того, такая трактовка падежей ведет к еще более удивительному описанию пассива в масаи: подлежащее пассивного глагола оказывается в аккузативе, тогда как агентивное дополнение выступает в номинативе! Вот как Т&М описывают, например, такие фразы, как (46a-b), где символ «´» означает высокий тон, а «^» — восходяще-нисходящий:

- (46) a. *É* + *rik* + *i* *nkíshú* *aainei Imórrân*
 ЗМН_{СВБ}-ЗМН_{ОБ} вести ПАСС корова-МН.АКК мой (молодые)воины-НОМ
 букв. ‘Мои коровы ведомы молодыми воинами’ (Т&М: 81, 94).
- b. *É* + *irɔrɔkɔ* + *kí* *yíóók*
 ЗМН_{СВБ}-1МН_{ОБ} приветствовать-ПРОШ ПАСС мы-АКК
iltɔɔaná
 человек-МН.НОМ
 букв. ‘Мы были приветствуемы людьми’ (Т&М: 132, 172).

Как видно в (46b), у Т&М получается, что глагол-сказуемое субъектно (= ЗМН) согласуется не с подлежащим, а с агентивным дополнением, а объектно (= 1МН) — как раз с гипотетическим подлежащим; однако в масаи личный глагол вообще-то субъектно согласуется с подлежащим, а объектно — с прямым дополнением. Эта несуразность будет разобрана ниже.

Основываясь на выше приведенных данных, Э. Кинен (Keenan 1976: 326–328) даже предложил целую новую теорию залогов. Однако странное положение падежей и залоговых форм в масаи объясняется просто терминологической путаницей.

Падежи. Африканисты назвали *номинативом* ту форму имени, которая выступает в качестве подлежащего, *аккузативом* — форму, выполняющую роль прямого дополнения; иначе говоря, они действовали в соответствии с латинской грамматикой! Однако называть

падежи по маркируемой ими синтаксической роли логически некорректно: в принципе, существительное в одном и тот же падеже может выступать в разных синтаксических ролях, а одна и та же синтаксическая роль может маркироваться разными падежами; иначе просто не было бы необходимости различать синтаксические роли и маркирующие их морфологические падежи. Номинатив следует определять в любом языке, где есть падежи, как **падеж именованья** (в соответствии с его латинской этимологией); это, по определению, основной падеж, т. е. падеж лексикографической формы имени. Если принять такое определение и «перевернуть» названия падежей в нилотских языках, получается самая обычная картина: исходным падежом является номинатив (который ошибочно называли аккузативом); от него — посредством тональных апофоний — образуется обликвус (который T&M ошибочно называли номинативом). Падеж, управляемый предлогом, — обликвус; падеж обладателя — обликвус; падеж агентивного дополнения — обликвус. Все это типологически вполне обычно, ср. старофранцузский, курдские и памирские языки, где наблюдается именно такое распределение и употребление падежей. Что может показаться в масаи необычным (но только на первый взгляд), так это употребление номинатива в качестве прямого дополнения, а обликвуса — в роли подлежащего. Это, однако, тоже типологически совершенно обычно: классический случай эргативной конструкции (Мельчук 1991 и Mel'čuk 1997a)²⁰. При этом эргативная конструкция в масаи охватывает все глаголы, включая непереходные, что известно и в других языках, например в мегрельском и ваппо:

(47) а. мегрельский

- (i) *K'oc+k kumortu* 'Человек пришел' (номинатив *k'oc+i*).
- (ii) *K'oc+k gaagibu c'q'ar+i* 'Человек нагрел воду'.
- (iii) *Muš+ep+k karxana+Ø geiašenes* 'Рабочие завод построили'. ~
Karxana+k išenu mušep+iše 'Завод был построен рабочими'.

Эргативный падеж на **-k** (отличный от номинатива на **-i/-Ø**) маркирует подлежащее при всех глаголах в аористе; прямое дополнение переходного глагола стоит в номинативе.

б. ваппо (Thompson *et al.* 2006: 10–12; *ɬ* обозначает альвеолярное /ɬ/, фонологически противопоставленное зубному /t/):

- (i) *K'ew+i čica+Ø ɬ'ata?* 'Человек медведя убил'.
- (ii) *K'ew+Ø čic+i ɬ'ata?* 'Человека медведь убил'.
- (iii) *Čic+i ɬ'olk^he?* 'Медведь был пойман'.

как перевод для *You are called*». Авторы чувствовали истину, но не могли ее выразить — у них не было нужных понятий и терминов²¹.

Подобных примеров можно привести еще немало, но и без них ясно, насколько необходима лингвистике унифицированная система строгих понятий и стандартизованная терминология. В их отсутствие лингвистические дискуссии превращаются в диалоги глухих, и взаимопонимание между лингвистами практически невозможно. Хотелось бы надеяться, что подход Смысл-Текст внесет свою понятийно-терминологическую лепту в общелингвистическую казну.

5.3 Лингвистика Смысл-Текст и описание смысла

Впервые идея формального описания смысла — такого же, как описание строения словоформ и описание синтаксической структуры фразы, — была эксплицитно высказана в СССР, насколько мне известно, в статье Жолковский *и др.* 1961; необходимая для этого техника семантических разложений была продемонстрирована в Жолковский 1964a, b, c — статьи, которые появились в МПиПЛ 8, наряду с другими исследованиями на ту же тему. Эти публикации сыграли в моей жизни роль Большого Взрыва, ибо именно с этого момента началось мое движение в сторону модели Смысл-Текст; я и сейчас храню старый экземпляр МПиПЛ 8, как иные сберегают семейную библию. Почти сразу же в игру включились Ю. Д. Апресян (1969a, b, 1974) и Анна Вежбицкая (Wierzbicka 1969, 1972, 1980, 1996). Проблема формального описания языковых смыслов очень многогранна, но здесь я коснусь лишь одного ее аспекта — семантических разложений, о которых уже говорилось выше, в разделе 4.1, стр. 67 и сл.

Семантические разложения выполняются в терминах семантем, т. е. смыслов, являющихся означаемыми лексических единиц данного языка, в соответствии с четырьмя следующими правилами.

Правило 1: строгое развертывание семантем

Любая разложимая семантема 'σ' должна представляться в терминах семантем 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n' таких, что 1) $n \geq 2$ и 2) каждая 'σ_i' семантически проще, чем 'σ'.

☛ Символ « ⊕ », который мы уже не раз видели, обозначает операцию языкового объединения.

Суть Правила 1 в том, что при разложении каждый смысл представляется через минимум два других более простых смысла. Выра-

жение «более простой» употреблено здесь как технический термин: смысл 'σ₁' проще, чем смысл 'σ₂', если и только если 'σ₁' может участвовать в разложении смысла 'σ₂', но не наоборот. Который из двух сравниваемых смыслов проще, не всегда очевидно; однако последовательные разложения обязательно показывают правильное соотношение. Возьмем, например, смыслы 'фашизм' и 'фашист'; какой из них проще? Оба следующие высказывания верны: *Фашизм — это учение, исповедуемое фашистами* и *Фашист — это человек, исповедующий фашизм*; значит ли это, что 'фашизм' можно определять через 'фашист', а можно и наоборот — определять 'фашист' через 'фашизм'? Вовсе нет. В самом деле, допустим, что смысл 'фашист' проще. Тогда мы имеем: 'фашизм' = 'учение, исповедуемое фашистами'; на следующем шаге следует разложить сам смысл 'фашист': 'фашист' = 'человек, исповедующий учение, состоящее в α', где «α» — сокращенное обозначение совокупности определяющих черт фашизма. Однако 'учение, состоящее в α' = 'фашизм', и тем самым получается, что 'фашист' = 'человек, исповедующий фашизм'; таким образом, смысл 'фашизм' проще смысла 'фашист', и «обратное» определение невозможно.

Неукоснительное соблюдение Правила 1 влечет два важных следствия: отсутствие логических кругов и выделение семантических примитивов.

Отсутствие логических кругов. Круги в системе лексикографических определений — одно из главных бедствий толковых словарей. Возьмем, например, словарь Ожегова:

СПОСОБСТВОВАТЬ	: оказывать помощь, содействовать
СОДЕЙСТВОВАТЬ	: оказывать содействие, способствовать
СОДЕЙСТВИЕ	: помощь, поддержка
ПОДДЕРЖАТЬ	: оказать помощь, содействие
ПОМОЧЬ	: оказать помощь
ПОМОЩЬ	: содействие, участие

(В четырехтомном Академическом словаре, 1981–1984, все эти толкования воспроизведены дословно.)

Число подобных примеров можно умножать бесконечно, обращаясь к толковым словарям самых разных языков, но в этом нет необходимости: ясно, что подобные «толкования» неприемлемы, и не менее ясно, что следование Правилу строгого развертывания семантем гарантирует отсутствие логических кругов.

Семантические примитивы. Последовательное разложение смыслов в терминах семантем данного языка приводит, раньше или позже, к неразложимым смыслам — к таким семантемам, что в данном языке уже нет более простых семантем. Это и будут семантические примитивы²². Серьезный поиск семантических примитивов был начат Анной Вежицкой и успешно продолжается уже полвека (Wierzbicka 1972, 1980, 1987, 1991 и 1996, Goddard & Wierzbicka (eds.) 2002, Вежицкая 1996, 1999 и 2011); пока что выделено чуть более 60 примитивов. Имеется, однако, следующее различие между установками Вежицкой и трактовкой семантических примитивов в подходе Смысл-Текст. Вежицкая стремится выделить универсальные примитивы, имеющиеся во всех языках, — универсальный словарь человеческого мышления. Лингвистика же Смысл-Текст нацелена на обнаружение семантических примитивов отдельных языков, т. е. тех смыслов, которые, так сказать, сами «выпадут в осадок» в результате последовательных разложений конкретных семантем данного языка. Вполне возможно, что национальные семантические примитивы разных языков окажутся (почти?) во взаимно-однозначном соответствии и тем самым как бы совпадут с примитивами Вежицкой. *Qui vivra verra!* (См. Mel'čuk 1989.) В настоящее время наши главные усилия сосредоточены на семантических разложениях в рамках лексики нескольких языков.

На сегодняшний день лингвистика Смысл-Текст не имеет списка семантических примитивов. Я могу тем не менее указать несколько хороших русских кандидатов на эту роль:

‘ничто’	‘сущность’
‘более.чем’	‘факт’
‘нет’	‘место’
‘и’ [= логическая конъюнкция]	‘время’
‘или’ [=логическая дизъюнкция]	‘говорить’
‘множество’ [в математическом смысле]	‘этот.речевой.акт’

Правило 2: стандартизация семантем

Чтобы обеспечить возможность формальных манипуляций с семантическими разложениями, все они должны записываться на стандартизованном «семантическом метаязыке». Практически это означает следующее:

Все используемые семантемы должны быть четко определены (никакой двусмысленности в семантемах!), а интуитивно одинаковые смыслы должны быть выражены одинаковыми семантемами (никакой синонимии семантем!).

Для соблюдения первого требования необходимо различить значения всех многозначных слов языка L и снабдить полученные таким образом лексемы лексикографическими номерами; эти же номера будут служить различителями семантем.

В приводимых примерах, однако, лексикографические номера не используются — ради большей наглядности (тем более что примеры подбирались так, чтобы неоднозначность элементов толкования не мешала пониманию).

Второе ограничение соблюсти гораздо труднее. Рассмотрим, например, распространенные словарные определения названий различных устройств, инструментов и приспособлений:

ЗАДВИЖКА — ‘приспособление, посредством которого запирают дверь...’
 ЛОЖКА — ‘столовый прибор, с помощью которого подносят ко рту жидкую пищу...’
 МОЛОТОК — ‘инструмент, служащий для нанесения ударов...’
 НОЖ — ‘инструмент для резания...’
 ЧАСЫ — ‘прибор, позволяющий определять время...’

Выделенные разрядкой семантемы эквивалентны, и, стало быть, требуется выбрать такую единую формулировку, которая могла бы заменить их все. Не вдаваясь в подробности (весьма интересные), скажу, что в данном случае следует предпочесть семантему ‘предназначенный для того, чтобы X...’:

ЗАДВИЖКА — ‘приспособление, предназначенное для того, чтобы X запирает дверь...’
 ЛОЖКА — ‘столовый прибор, предназначенный для того, чтобы X подносил ко рту жидкую пищу...’
 МОЛОТОК — ‘инструмент, предназначенный для того, чтобы X наносил удары...’
 НОЖ — ‘инструмент, предназначенный для того, чтобы X резал...’
 ЧАСЫ — ‘прибор, предназначенный для того, чтобы X определял время...’

Правило 3: адекватность разложения

Разложение смысла 'σ' в виде конфигурации семантем 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n' всегда соответствует языковой интуиции исследователя. Этого, однако, недостаточно: необходима формальная подпорка. Такой подпоркой является требование абсолютной взаимной подставимости 'σ' и 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n':

Разложение 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n' семантемы 'σ' должно быть подставимо вместо 'σ' и наоборот в любом контексте *salva significatione*.

В частности, это означает, что каждый элемент разложения необходим, а все они, взятые вместе, достаточны, чтобы задавать смысл 'σ' и только его.

Правило 4: использование максимальных семантических блоков

Если разложение семантемы 'σ' языка L содержит конфигурацию семантем 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n' такую, что она равна семантеме 'σ'' этого языка, т. е. 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n' = 'σ'', то не эта конфигурация, а семантема 'σ'' должна использоваться в разложении.

Семантема 'σ'' называется максимальным блоком (по отношению к конфигурации семантем 'σ₁' ⊕ 'σ₂' ⊕ ... ⊕ 'σ_n').

Правило 4 (сформулированное в Апресян 1969а: 14, 1969b: 421; см. также Апресян 1974: 95) требует «ступенчатого» разложения смыслов — так, чтобы на каждом шаге разложение было минимальным, т. е. наименее глубоким. Максимальные блоки делают разложения более обозримыми и в явной форме демонстрируют связи между родственными смыслами. В отличие от Правил 1–3, Правило 4 не является логически необходимым: разложение некоторого смысла с соблюдением этого правила эквивалентно разложению того же смысла без его соблюдения. Однако Правило 4 очень важно методологически.

Важно подчеркнуть, что следование Правилам 1–4 обеспечивает единственность семантических разложений (с точностью до эквивалентности, разумеется). Другими словами, разные исследователи неминуемо получают для данного смысла одинаковые разложения.

5.4 Лингвистика Смысл-Текст и словарь: Толково-Комбинаторный словарь [= ТКС]

Подход Смысл-Текст решительно ставит во главу угла словарь; грамматика рассматривается как «производный» компонент языка — система правил, представляющих собой обобщение наблюдаемых словарных свойств лексических единиц. Первый образец словаря типа Смысл-Текст для русского языка (250 вокабул) появился в 1984 году (Mel'čuk & Zholkovsky 1984). Речь идет о «Толково-комбинаторном словаре современного русского языка», сокращенно — ТКС.

Работа над русским ТКС-ом была начата в середине 1960-х годов в Москве — Александром Жолковским и мною. Словарь был задуман нами как важнейшая часть лингвистической модели, или научного описания, естественного языка, в данном случае — русского. Наш подход стал известен как теория лингвистических моделей типа Смысл-Текст, или, сокращенно, теория Смысл-Текст [= ТСТ] (см. Мельчук 1974); исследования самых разных языков в рамках этой теории продолжаются и по сей день. Вскоре, как уже говорилось, к нам присоединились другие коллеги, в первую очередь — Юрий Апресян, участие которого было особенно ценным. В целом над ТКС-ом трудились в течение 10 лет свыше 20 человек (на добровольных началах и с разной степенью участия; официально ТКС не был включен в план работы никакого учреждения). По ходу дела мы опубликовали большое количество статей и препринтов, так что ТКС стал известен и за пределами нашего научного круга. Появились любопытные опыты применения тех же идей к другим языкам — к английскому, польскому, татарскому, японскому, немецкому и т. д. Работа была высоко оценена многими другими лингвистами, в частности Лексикографической комиссией при Президиуме АН СССР (председатель — академик С. Г. Бархударов). Известный специалист по русскому литературному языку, Виктор Давыдович Левин, даже сказал как-то: «Да это **самый** толковый словарь русского языка!» Но, несмотря на это, издать ТКС в СССР не удалось: технические трудности, непривычная теоретическая ориентация, а главное, политическая неблагонадежность ведущих авторов отпугивали единственного возможного издателя, т. е. издательство «Советская энциклопедия». И хотя у нас даже был договор с этим издательством, ТКС так и не был напечатан... В 1976 году я был изгнан из Института языкознания АН СССР по политическим мотивам (за выступление в защиту Андрея Сахарова и Сергея Ковалева) и в конце концов был вынужден эмигрировать. Вскоре за границей оказался и Жолковский. После этого никаких надежд на публикацию ТКС-а в СССР не осталось.

Но, как известно, рукописи не горят. С огромным трудом (= с помощью двух американских коллег) материалы ТКС-а были вызволены из СССР. Ка-

надский Совет по научным исследованиям (Canada Research Council) великодушно согласился субсидировать издание — и вот, наконец, в 1984 году, благодаря издательству Wiener Slawistischer Almanach и его редактору Тильману Ройтеру, русский ТКС увидел свет.

5.4.1 Главные особенности ТКС

ТКС — одноязычный (= русско-русский) словарь; он принадлежит к тому же классу, что и обычные толковые словари. Однако две важные черты отличают ТКС — его активный характер и его формализованность.

Активный характер. Обычные толковые словари — это словари анализа; они ориентированы на слушающего (или читающего), которому они должны помочь понять текст. ТКС же — это словарь синтеза, ориентированный на потребности говорящего (или пишущего): его назначение — помочь построить текст, т. е., во-первых, дать пользователю возможность найти все средства выражения нужного ему смысла и отобрать среди них те, которые наилучшим образом подходят к данному контексту (парадигматический аспект), а во-вторых, указать правильный способ комбинирования выбранных средств во фразе (синтагматический аспект). Разумеется, ТКС можно использовать и в обратном направлении, т. е. от текста к смыслу, но его пафос, его организующий принцип — движение от смысла к тексту.

Формализованность. ТКС принципиально исключает всякое обращение к интуиции пользователя, к его способности догадываться о чем-либо по примерам, заключать по аналогии и т. п. Все, что сообщается в ТКС-е, сообщается в явной форме и только с помощью заранее зафиксированных средств. Строго говоря, ТКС-ом может пользоваться человек, не знающий русского языка, — или даже компьютер. При этом ТКС рассчитан вовсе не на компьютер: просто он ставит своей целью дать явное и исчерпывающее описание всей той информации, которой располагает средний носитель русского языка относительно отдельно взятого русского слова. Короче говоря, ТКС претендует на чисто научное описание русской лексики, не делая никаких уступок педагогическим, типографским или коммерческим соображениям. В результате он отнюдь не прост для пользования: чтобы успешно обращаться к нему, необходимо сначала овладеть формализмом описания, а на это могут потребоваться дни. Впрочем, это вовсе не слишком много для научного описания: в самом деле, кто может с легкостью читать даже школьные учебники по матема-

тике и физике? Нет никаких оснований полагать, что описание лексики естественного языка должно непременно быть очень простым.

Из двух названных общих особенностей ТКС-а — его активности и формальности — вытекает целый ряд частных особенностей; я отмечу здесь две следующих.

Прежде всего, в отличие от прочих известных словарей, в ТКС-е единицей описания является не просто слово, а слово, взятое в одном значении, — лексема; именно отдельная лексема и снабжается словарной статьёй, и каждая словарная статья описывает ровно одну лексему. (Все лексемы, имеющие тождественные означающие и родственные значения, объединяются в вокабулу, каковая соответствует многозначному слову традиционных словарей.)

Словарная статья ТКС-а имеет четко выраженное стандартное строение; о нем мы сейчас и поговорим, сосредоточившись на двух наиболее важных зонах словарной статьи — семантической и сочетаемостной, или комбинаторной. Именно по этим зонам словарь и называется «толково-комбинаторным» (т. е. «семантико-сочетаемостным»). При этом сочетаемостная зона подразделяется на зону синтаксической сочетаемости и зону лексической сочетаемости; таким образом, будут рассмотрены три зоны словарной статьи ТКС-а: семантическая, синтаксическо-сочетаемостная и лексическо-сочетаемостная.

5.4.2 Словарная статья ТКС: три основные зоны

В примерах, заимствованных из опубликованного русского ТКС, сделаны изменения и поправки, которые были сочтены необходимыми в свете новоприобретенных знаний.

Зона семантики в словарной статье ТКС

Семантическая зона словарной статьи лексической единицы [= ЛЕ] L содержит толкование, или лексикографическое определение, L. Толкование ТКС-а имеет ряд особенностей по сравнению с традиционными словарями:

- Толкование, как правило, дается не просто для заглавной ЛЕ L, а для ее пропозициональной формы. Пропозициональная форма ЛЕ L есть выражение, состоящее из L и переменных, которые представляют ее семантические актаны. Так, толкуется не просто глагол ВОСХИЩАТЬСЯ, а выражение *X восхищается Y-ом*; не просто АВТОРИТЕТ, а *авторитет X-а среди Y-ов в области Z*; не просто ДОСТАТОЧНЫЙ, а *[X,] достаточный Z-у для Y-а*; и т. д.

• Толкование представляет собой строгое минимальное семантическое разложение толкуемой ЛЕ — такое, которое позволяет избежать порочных (= логических) кругов в толкованиях*. В ТКС-е последовательные разложения лексических смыслов должны привести, в конце концов, к семантическим атомам — элементарным смыслам, далее не разложимым и задаваемым списком. (Другое их известное название — семантические примитивы: о них уже шла речь в подразделе 3.2.2, стр. 40, и в подразделе 5.3, стр. 106.)

• Толкование должно описывать смысл толкуемой лексемы во всех без исключения ее употреблениях, что в обычных словарях почти никогда не имеет места. Так, в словаре Ожегова лексема СТЫД определена как ‘чувство сильного смущения от сознания предосудительного поступка’, а СТЫДИТЬСЯ — как ‘испытывать стыд за кого-что-н.’, т. е. ‘испытывать чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка за кого-что-н.’; это толкование, даже если исправить его нелепую формулировку, очевидным образом не годится для фраз типа *Он стыдится своей бедности (своего низкого происхождения, своих неграмотных родителей)*, где речь идет вовсе не о поступках. Подобные противоречащие примеры нетрудно привести для многих толкований практически любого одноязычного словаря.

Однако в ТКС-е — в силу соблюдения формальных правил семантического разложения, см. 5.3 — все толкования должны быть адекватны и точны. (Увы, к сожалению, на практике это далеко не всегда имеет место: авторы ТКС-а всего лишь люди, а человеку свойственно ошибаться; зато формальная правильность толкований существенно облегчает поиск адекватности и точности, а также обнаружение ошибок.) В результате получаемые толкования не всегда легки для непосредственного восприятия — такова обычно цена, которую приходится платить за точность. Вот толкования лексем СТЫДИТЬСЯ и СТЫД, как они должны выглядеть в ТКС-е:

X стыдится Y-а перед Z-ом ≡ ‘X испытывает стыд за Y перед Z-ом’.

стыд X-а за Y перед Z-ом ≡

‘пассивно-отрицательное чувство X-а, каузированное¹ тем, что:

- 1) X считает², что Y¹ — действие или свойство X-а или сущности Y², принадлежащей к личной сфере X-а, — очень плохое;
- 2) X неприятен самому себе из-за Y-а;

* В прочих словарях порочные круги в толкованиях встречаются весьма часто: см. выше, 5.3, стр. 105.

- 3) X считает², что лицо Z, восприняв Y¹, будет считать², что Y¹ — очень плохое, и X будет неприятен Z-у из-за Y¹-а;
 4) X-у хочется поступить так, чтобы скрыть Y от Z-а;
 это чувство таково, какое обычно бывает в подобной ситуации⁷.

Семантическая зона словарной статьи ТКС-а включает также лексические коннотации заглавного слова L — такие смыслы, которые данный язык ассоциирует с референтом ЛЕ L, но которые не входят в толкование самой L; например, у слова ВОДА есть коннотация «отсутствие серьезного содержания» (*Не статья, а одна вода!*), у слова ВЕТЕР — коннотации «свобода» (*вольный как ветер*), «быстрота перемещения» (*мчался как ветер*), «легкомысленность» (*в голове ветер гуляет*), «переменчивость» (*держат нос по ветру*) и т. д. (Iordanskaja & Mel'čuk 2009).

Зона синтаксической сочетаемости в словарной статье ТКС

Зона синтаксической сочетаемости словарной статьи ТКС-а содержит модель управления [= МУ] — таблицу, где для каждого семантического актанта заглавного слова указаны все возможные способы его выражения (МУ уже упоминалась выше, раздел 3.3, стр. 61). Так, для глагола ВОСХИЩАТЬСЯ, т. е. для X *восхищается* Y-ом, указано, что X — всегда существительное в именительном падеже, а Y — либо существительное в творительном падеже (*Иван_X восхищался Марией_Y*), либо придаточное типа *тем, что* или *тем*, СОЮЗ(ное слово) + ПРЕДЛ(ожение) (... *тем, что* <как> *она мастерски лжет*; ... *тем, куда он забрался*). Для существительного ВОСХИЩЕНИЕ (*восхищение X-а перед Y-ом*), помимо этих двух возможностей (*восхищение способностями ребенка* или *восхищение тем, насколько ребенок способный*), имеется еще одна: предлог *перед* + существительное в творительном падеже (*восхищение перед этой удивительной способностью*); у соответствующего глагола подобная возможность отсутствует: **восхищаться перед способностью*. Заметим, что, например, в словаре Ожегова для лексемы ВОСХИЩЕНИЕ управление вообще не указано.

Далее, при МУ даются также все ограничения, касающиеся совместной встречаемости синтаксических актантов заглавной лексемы. Так, при глаголе СТЫДИТЬСЯ возможно либо [*стыдиться*] *своей неловкости*_{Y⇒II}, либо [*стыдиться*] *соседей*_{Z⇒III}, но не оба дополнения вместе: **стыдиться соседей своей неловкости*; надо сказать

стыдиться своей неловкости перед соседями. Этот факт указывается посредством специального правила, сопровождающего модель управления, в этом случае — посредством Правила 3 (отмечено штриховкой):

СТЫДИТЬСЯ (*X стыдится Y-а перед Z-ом*)

Модель управления

X ↔ I [кто стыдится]	Y ↔ II [чего стыдится]	Z ↔ III [перед кем стыдится]
1. S _{ИМ}	1. S _{РОД} 2. <i>того, что</i> ПРЕДЛ 3. <i>того, СОЮЗ</i> (ное слово) ПРЕДЛ 4. <i>за</i> S _{ВИН} 5. V _{ИНФ}	1. S _{РОД} 2. <i>перед</i> S _{ТВОР}

- 1) C_{II.4} S — лицо или поступок
 2) C_{II.5} D_{II} = D_I
 3) **Невозможно:** D_{II} + D_{III.1}

☛ Выражение вида C_{X.Y} задает конкретное языковое средство выражения актанта: «С» означает ‘столбец’, X указывает номер столбца, а Y — номер строки; «D_{X.Y}» означает ‘актант, оформленный способом Y’.

Таким образом, МУ в ТКС-е задает все возможные при данной лексеме комбинации ее синтаксических актантов, причем с учетом их поверхностного оформления.

Зона лексической сочетаемости в словарной статье ТКС

Самые значительные новшества ТКС-а по сравнению с известными словарями предлагает зона лексической сочетаемости словарной статьи, или зона лексических функций. Как правило, в стандартных случаях сочетаемость/несочетаемость лексем друг с другом определяется их смыслом. Так, *доска черного цвета* или *картон черного цвета* — совершенно обычные, тривиальные выражения, а вот *восхищение черного цвета* звучит более чем странно; однако причина этого — сугубо смысловая: непонятно, как восхищение, т. е. нематериальная эмоция, может иметь какой-либо цвет. Никакой ошибки против правил русского языка, против его специфических норм в выражении *восхищение черного цвета* нет. Подобная несочета-

емость лексем в словаре особо оговариваться не должна: она вытекает из несочетаемости их смыслов. Точно так же слова со значением ‘черного цвета’ и ‘восхищение’ не будут сочетаться друг с другом ни в одном языке: это ясно априори.

Совсем по-другому, однако, воспринимаются такие выражения, как **сделать путешествие*, **сделать преступление*, **сделать посадку*, — по смыслу здесь все в порядке, тем не менее приведенные выражения неправильны, ибо в них нарушены чисто языковые нормы сочетаемости: вместо *сделать* во всех трех случаях надо употребить глагол *совершить*. В принципе такие сочетания могут быть возможны в каком-то другом языке, — говорят же, например, по-французски *faire un voyage* букв. ‘сделать путешествие’.

При этом *ошибку* можно и *сделать*, и *совершить* (еще и *допустить*), но лишь если рассматривать слово ОШИБКА в разных значениях; *комплимент* же можно только *сделать*, но не *совершить*: *сделал* (**совершил*) *ей изысканный комплимент*. *Меры* и *душ* только *принимают*, *лекцию* — *читают*, но не **делают*, а *доклад* — и *читают*, и *делают*. *Наступление* — *ведут*, а *в наступление* — *идут* или *переходят*, однако *отступление* нельзя *вести* (**вести отступление*) и *в отступление* нельзя ни *идти*, ни *переходить* (**идти/переходить в отступление*). *Жалобу* и *заявление* — *подают*, *предложение* — *делают* или *вносят* (в зависимости от значения существительного ПРЕДЛОЖЕНИЕ), а *приговор* — *выносят*; и т. д., и т. п. Из этих примеров видно, что именно имеется в виду: в некоторых случаях сочетаемость/несочетаемость двух лексем во фразе вовсе не диктуется их смыслами, а более или менее произвольно навязывается данным языком; такая сочетаемость должна эксплицитно задаваться в словаре. Для описания подобной ограниченной, или несвободной, лексической сочетаемости и были в свое время введены лексические функции.

Напомним (см. выше, 4.2. стр. 69 и сл.), что лексическая функция [= ЛФ] — это, грубо говоря, весьма общий и достаточно абстрактный смысл ‘f’, который выражается особой лексемой *y* в зависимости от лексемы *x*, при которой он выражается: $f(x) = y$. Так, при $x =$ ПРЕСТУПЛЕНИЕ смысл ‘f’ = ‘делать’ выражается посредством $y =$ СОВЕРШАТЬ, а при $x =$ ЛЕКЦИЯ тот же самый смысл выражается как $y =$ ЧИТАТЬ. Это пример ЛФ Op_{er_1} (\approx ‘делать’). Другая ЛФ, Magn , соответствует идее интенсификации (‘очень’/‘большой’):

$\text{Magn}(\text{болезнь}) = \text{тяжелая}$
 $\text{Magn}(\text{аплодисменты}) = \text{бурные}$

Мaгн(сон)	= <i>глубокий</i>
Мaгн(дождь)	= <i>проливной</i>
Мaгн(белый)	= <i>как снег</i>
Мaгн(мчаться)	= <i>сломя голову</i>
Мaгн(вопить)	= <i>как резаный</i>
Мaгн(беречь)	= <i>как зеницу ока</i>
Мaгн(пьян)	= <i>в доску, в стельку, в дребедан</i>
Мaгн(отличник)	= <i>круглый</i>

Как уже говорилось в 4.2, для ТКС-а необходимо и достаточно иметь от 50 до 60 подобных ЛФ. Для каждой лексемы ее стандартная словарная статья задает значения всех приложимых к ней функций и тем самым представляет ее несвободную лексическую сочетаемость формально и систематически — чего не делает ни один известный словарь. Возьмем, для примера, лексику ОШИБКА1 (*орфографическая ошибка*) и следующие лексические функции: ‘делать’ (= Oper₁), ‘начинать(ся)’ (= Incer), ‘иметь место’ (= Func₀), ‘ликвидировать’ = ‘делать так, чтобы не ...’ (= Ligu) и ‘очень’/ ‘большой’ (= Магн). В соответствующей словарной статье мы найдем:

ОШИБКА1

Oper ₁	: <i>допустить, сделать</i> [~у]
IncerFunc ₀	: —
LiguFunc ₀	: <i>исправить, устранить</i> [~у]
Магн	: <i>грубая</i>

Для ОШИБКА2 [промах в поведении] значения тех же ЛФ будут иными:

ОШИБКА2

Oper ₁	: <i>допустить, сделать, совершить</i> [~у]
IncerFunc ₀	: <i>вышла, произошла</i>
LiguFunc ₀	: <i>исправить</i> [~у]
Магн	: <i>грубая, серьезная</i> < <i>непоправимая, трагическая</i>

Разные языковые выражения, составляющие значение некоторой ЛФ от данного аргумента, не обязаны быть абсолютно синонимичными: так, ‘серьезная ошибка’ ≠ ‘непоправимая ошибка’. В подобных случаях семантическое различие соответствующих выражений должно быть отмечено при них (в словарной статье ОШИБКА2; знак «<» означает, что *непоправимая ошибка* — это «больше», чем *грубая* или *серьезная ошибка*).

При каждом выражении, принадлежащем к значению некоторой ЛФ, задается — везде, где это необходимо, — и его собственная модель управления.

Тут, однако, следует остановить наше затянувшееся изложение и перейти к наглядному примеру. Ниже приводятся две словарные статьи из ТКС-а, которые должны дать читателю представление о том, как устроен этот словарь. Опубликованный фрагмент русского ТКС-а включает около 750 лексем, объединенных в 250 вокабул. Если учесть, что число лексем в русском языке — около 500 000, то приходится признать, что этот труд охватывает всего малую долю процента русской лексики. Тем не менее первый — и наиболее трудный — шаг был сделан; и дело ТКС-а не умерло. В частности, лексикографический коллектив во главе с Ю. Д. Апресяном развивает и воплощает соответствующие идеи: Апресян *и др.* 2004 и Апресян (ред.) 2010.

ТКС интересен не только (или даже не столько) сам по себе — он представляет развернутый образец для создания подобных словарей, как толковых, так и двуязычных, для русского и для других языков: см., например, Mel'čuk *et al.* 1984—1999 и Mel'čuk & Polguère 2007 для французского или Alonso Ramos 2005, 2006 и Vincze *et al.* 2011 для испанского. ТКС напрямую связан с лингвистической теорией: он воплощает в себе новейшие результаты современной семантики и синтаксиса, одновременно позволяя экспериментально проверить теоретические положения. В то же время ТКС может иметь широкое практическое применение: как пособие при изучении языка, как справочник для переводчиков и журналистов, как база данных для автоматической обработки текстов и т. д. При первом знакомстве с ТКС-ом он может показаться весьма сложным и даже отпугнуть читателя своим формализмом. Пугаться, однако, нечего: владение формализмом ТКС-а — это всего лишь вопрос привычки. А самое главное, ТКС-ом можно пользоваться, полностью игнорируя формальную сторону! Для человека, в той или иной степени владеющего русским языком, вполне достаточно, например, просто читать списки словосочетаний (= значений лексических функций), не разбирая сложных формальных выражений в левом столбце: сам смысл приведенных словосочетаний уже позволяет понять, как их надлежит употреблять. Таким образом, несмотря на всю очевидную сложность, ТКС может служить далеко не только специалистам или людям с особым вкусом к формальному изложению: содержащаяся в нем информация непосредственно доступна, хотя бы частично, для кого угодно.

5.4.3 Образцы словарных статей ТКС

Вот, в качестве примера, две полные словарные статьи из русского ТКС-а: глагол ВОСХИЩАТЬСЯ и существительное ВОСХИЩЕНИЕ (статьи приводятся с исправлениями, которые теперь, почти через 30 лет после публикации словаря, кажутся необходимыми).

ВОСХИЩА́ТЬСЯ, ~юсь, ~ется, **несов.**

Толкование

X восхищается Y-ом : «[[Воспринимая Y,] X испытывает восхищение перед Y-ом (и X произносит высказывания, выражающие его восхищение)».

- ☛ Символы «[]» означают пресуппозицию: см. примечание 13, стр. 151–152. В круглые скобки заключается факультативный компонент толкования.

Ср. ЛЮБОВАТЬСЯ; ЛЮБИТЬ²

Модель управления

X ↔ I [кто восхищается]	Y ↔ II [чем восхищается]
1. S _{ИМ}	1. S _{ТВОР} 2. <i>тем, что</i> ПРЕДЛ 3. <i>тем, СОЮЗН</i> (ое слово) ПРЕДЛ желательно

Мы все восхищаемся вашей новой книгой. | Мать восхищалась тем, что ребенок уже говорил (тем, какой малыши сообразительный).

- ☛ Помета «желательно» означает, что выражение ГСинтА II во фразе желательно.

Лексические функции

Conv ₂₁	: <i>восхищать</i>
S ₀	: <i>восхищение</i>
Sing	: // <i>восхититься</i>
MagnAble ₁	: <i>восторженный</i>
Pred.слишком.Able ₁	: // <i>восхищаться по i-тому (j-тому) поводу</i> i = 'всякий', j = <i>мелкий, ничтожный</i>
Able ₂	: <i>восхитительный</i>
S ₁ PredAble ₂	: <i>прелесть, разг. восторг³</i>
S _{1-usual}	: <i>поклонник</i>
Magn	: // <i>восторгаться</i> < 'быть без памяти'
Ver ₁	: <i>искренне</i>

[AntiVer + слишком.Magn] : *неумеренно*

Говорящий сигнализирует,

что он В.

: // *Ах!, О!, Ух ты!, разг. (Как) здорово!, разг. Вот это да!*

Говорящий сигнализирует,

что он В. людьми Y

: // **прост.** *Во <Ну> дает <дают>!*

- ☛ Символ « // » означает так называемое склеивание (значения ЛФ с ее ключевым словом): единое выражение смысла сочетания «ЛФ + ее ключевое слово», в котором, однако, само ключевое слово не присутствует.

Примеры

Гости почитали обязанностью восхищаться псарней Кирила Петровича — один Дубровский молчал и хмурился [А. С. Пушкин]. | Я искренне восхищался его талантом. | Рита громко восхищалась картиной. | «Какие у вас все имена удивительные», — восхитился Авросимов, готовый восхищаться всем [Б. Окуджава]. | Нам не предписывалось восхищаться в искусстве тем или другим; мы сами делали свой выбор.

ВОСХИЩЭНИ|Е <ВОСХИЩЭНЬ|Е>, ~я, мн нет; ср. род

Толкование

Восхищение X-а перед Y-ом : ‘Достаточно интенсивное положительное чувство X-а, каузированное¹ тем, что X, воспринимая Y, считает² Y очень хорошим, — такое, какое обычно бывает в подобной ситуации’ [= S₀(восхищаться)].

Ср. ЛЮБОВАНИЕ; ЛЮБОВЬ²; УДОВОЛЬСТВИЕ

Модель управления

X ⇔ I [чье восхищение]	Y ⇔ П [восхищение чем]
1. S _{РОД} 2. A _(притяж.) (S)	1. S _{ТВОР} 2. <i>перед</i> S _{ТВОР} 3. <i>тем, что</i> ПРЕДЛ 4. <i>тем, СОЮЗН</i> (ое слово) ПРЕДЛ

восхищение Пети <публики>; мое <Петино> восхищение; восхищение мамы учеником <его способностями>; восхищение публики перед красотой зрелища <перед особой короля>; мое восхищение тем, что у них столько хороших книг <тем, сколько у них хороших книг>

Лексические функции

Syn ₀	: <i>восторг1, энтузиазм</i>
Anti ₀	: <i>отвращение</i>
Gener	: <i>чувство1.1a [~я]; эмоция</i>
V ₀	: <i>восхищаться</i>
S _{1-usual}	: <i>поклонник</i>
S ₂	: книжн. <i>объект, предмет [~я]</i>
A ₁	: <i>исполненный, полный [~я] // восхищенный1</i>
[Magn + A ₁]	: <i>преисполненный [~я (<~ем>)]</i>
Able ₂	: <i>достойный (всяческого) [~я] // восхитительный</i>
PredAble ₂	: <i>быть достойным, заслуживать (всяческого) [~я]</i>
Magn	: <i>глубокое G(B.) ≠ IncepOper₁ < полное, совершенное G(B.) = IncepOper₁ или IncepLabor₂₁</i>
Magn ₁ ^{quant}	: <i>всеобщее D_I(B.) = Λ</i>
Ver ₁	: <i>искреннее, неподдельное</i>
AntiVer ₁	: <i>деланное, преувеличенное, притворное</i>
Adv ₁	: <i>в [~и] D_I(B.) = Λ [Он застыл в восхищении]; с [~ем] G = Y_{псих.} обработка информации', D_{II}(B.) = Λ, при B. нет Magn [Он прочел это с (*полным) восхищением.]</i>
Adv ₂	: <i>к [~ю] D_I(B.) ≠ Λ, если при B. нет Magn₁</i>
Oper ₁	: <i>испытывать [перед S_{ТВОР} ~е], быть [от S_{РОД} в ~и]</i>
IncepOper ₁	: <i>приходить [от S_{РОД} в ~е]</i>
Caus ₂ Oper ₁	: <i>приводить [S_{ВИН} в ~е]</i>
Oper ₂	: <i>внушать [S_{ДАТ} ~е] нет сов. вида; вызывать [(у S_{РОД}) ~е]</i>
FinFunc ₀	: <i>проходить</i>
Labor ₁₂	: <i>относиться [к S_{ДАТ} с ~ем]</i>
Labor ₂₁	: <i>приводить [S_{ВИН} в ~е]</i>
Conv ₂₁ Manif→Z	: <i>[S_{ИМ-Z}] дышать [~ем] D_{II}(B.) = Λ, Z = сообщение X-а [Его письмо дышало восхищением.]</i>
A ₂ Manif	: <i>исполненный, полный [~я] G = взгляд, улыбка, жест, письмо, ... ; D_{II}(B.) = Λ</i>
SingS ₀ NonMagnManif	: <i>нотка [~я]</i>
A ₂ .обычно.Manif	: <i>// восхищенный2</i>
Adv ₁ Caus ₁ Manif	: <i>с [~ем] D_{II}(B.) = Λ // восхищенно</i>
Perm ₁ Manif	: <i>не скрывать [(своего) ~я]</i>
A ₂ Perm ₁ Manif	: <i>нескрываемое</i>

NonPermManifNonAble1	: не в силах скрыть [свое $\sim e$]
Degrad ^{motor} (тело)—Sympt ₂₃	: <i>замирать</i> [от $\sim я$ ($\langle в \sim и \rangle$)] D _{II} (B.) = Λ
Excess ^{fulg} (глаза)—Sympt ₁₂₃	: [у S _{РОД} (от $\sim я$)] <i>светиться, сиять</i> D _I (B.) = человек, D _{II} (B.) = Λ [*У толпы глаза сияли от восхищения.]
восклицать—Sympt ₂₃	: <i>ахать</i> [от $\sim я$ ($\langle в \sim и \rangle$)]

- 1. Символ «» означает 'с пересечением', т. е. неточный S_{INTI}.
- 2. Символ «» означает 'хозяин X-а' (Governor); если X явно не указан, имеется в виду выражение, в условии к которому употреблен символ G.
- 3. Символ «D_i(X)» означает 'i-тый актант X-а'.
- 4. Запись «D_I(B.) = Λ » означает, что первый ГСинт-актант D_I лексемы ВОСХИЩЕНИЕ не может быть выражен, т. е. должен быть пустым, например, при наличии определения *всеобщий*: **ко всеобщему восхищению детей*; это объясняется тем, что прилагательное ВСЕОБЩИЙ в данном контексте обозначает именно D_I (\approx 'все восхищены').
- 5. Запись «G = Y» означает, что ГСинт-хозяин [= G] выражения *с восхищением* в данной коллокации является объектом восхищения [= Y]: фраза *Он с восхищением узнал, что дом куплен* значит, что его восхищение вызвано знанием «дом куплен»; *Он с восхищением читал истории путешествий* значит, что он восхищался историей путешествий; и т. д. Запись «Y^{психическая обработка информации}» означает, что коллокация *с восхищением* в смысле 'восхищаясь' сочетается в основном с глаголами, обозначающими переработку информации в психике (СЛУШАТЬ, ДУМАТЬ, ВСПОМИНАТЬ, РАССКАЗЫВАТЬ и т. п.).

Примеры

Но их восхищение длилось недолго. | Ваш поступок заслуживает всяческого восхищения. | Вдохновенная игра пианиста привела в восхищение весь зал. | Письмо его дышало глубоким восхищением и любовью. | Он с нескрываемым восхищением ($\langle = Adv_1 Caus_1 Manif = восхищенно \rangle$) смотрел на учителя. | Дети с восхищением ($\langle = Adv_1 \neq восхищенно \rangle$) узнали о приезде цирка. | Кроме ружья, я дал ему нож, от которого он пришел в полное восхищение. | Тщательность его анализа не может не вызывать восхищения. | Увидев елку, девочка замерла в глубоком восхищении; глаза у нее засияли.

5.5 Лингвистика Смысл-Текст и зависимости в языке

Основным формализмом, используемым в рамках подхода Смысл-Текст для построения семантических и синтаксических представлений, являются языковые зависимости.

Зависимость есть бинарное отношение, являющееся антирефлексивным, антисимметричным и нетранзитивным; оно обозначается буквой D (dependency) и изображается стрелкой: $X \rightarrow Y$ означает 'Y зависит от X-а'; X называется хозяином, а Y — зависимым. Зависимости связывают между собой семантемы и лексические единицы внутри соответствующих структур.

5.5.1 Три типа языковых зависимостей

В естественных языках различаются семантические, синтаксические и морфологические зависимости.

Сем-D имеет место между семантемами, т. е. означаемыми лексем; ' L_1 -сем \rightarrow L₂' значит ' $L_1(L_2)$ ', т. е. «семантема ' L_2 ' является аргументом предикатной семантемы ' L_1 '». Так, во фразе (50)

(50) *Редает облаков летучая гряда.*

мы имеем:

'редает-сем \rightarrow гряда', 'летучая-сем \rightarrow гряда' и 'гряда-сем \rightarrow облаков'.

Синт-D имеет место между лексемами как таковыми; запись L_1 -синт \rightarrow L₂ означает, что именно L_1 определяет поведение (= сочетаемость) выражения L_1 -синт \rightarrow L₂ во фразах языка (точнее, в Синт-структурах фраз), т. е. его пассивную синтаксическую валентность. В то же время линейная позиция лексемы L_2 в предложении определяется относительно лексемы L_1 : L_2 либо предшествует L_1 , либо следует за ней, либо может предшествовать или следовать в зависимости от языка и дополнительных контекстных условий. В той же фразе (50) лексемы синтаксически связаны так:

$$\begin{array}{l} \text{РЕДЕТЬ}_{\text{НАСТ-синт}} \rightarrow \text{ГРЯДА}_{\text{ЕД}}, \text{ГРЯДА}_{\text{ЕД-синт}} \rightarrow \text{ОБЛАКО}_{\text{МН}}, \\ \text{ГРЯДА}_{\text{ЕД-синт}} \rightarrow \text{ЛЕТУЧИЙ} \end{array}$$

Морф-D имеет место между граммемами и/или синтаксическими признаками²³ лексем: L_1 -морф \rightarrow L₂ означает, что граммема или синтаксический признак лексемы L_1 определяет некоторые граммы лексемы L_2 . В словосочетании *редает* \leftarrow морф-*гряда* граммема ЕД существительного *гряда* определяет грамму ЕД у глагола, а синтаксические признаки «N, неместоименное» — грамму 3 [лицо] у глагола; в словосочетании *летучая* \leftarrow морф-*гряда* граммы ЕД и ИМ существительного навязывают аналогичные граммы прилагательному, а его женский род (синтаксический признак) — грамму ЖЕН.

Сем-D и Синт-D универсальны, т. е. имеются во всех языках и присутствуют в каждой фразе любого языка; они образуют связные структуры и эксплицитно отражены в формальных представлениях фраз — семантических сетях и синтаксических деревьях. Напротив, Морф-D не универсальны: они есть далеко не в каждом языке, присутствуют не в каждой фразе и не образуют связную структуру даже в тех фразах, где они имеют место. Поэтому Морф-D не имеют эксплицитного отражения в формальных языковых представлениях, а используются лишь в синтаксических правилах, которые обеспечивают морфологизацию синтаксической структуры.

Взаимная автономность указанных трех типов зависимости проявляется в том, что они сочетаются друг с другом: две лексемы L_1 и L_2 одного предложения могут быть связаны любой комбинацией зависимостей из логически возможных 14 комбинаций, например:

$L_1 \xrightarrow{\text{sem}} L_2$: *Маши* _{L_2} и *спать* _{L_1} во фразе *Машиа хочет спать*; прямой синтаксической и морфологической связи между *Машиа* и *спать* нет.

$L_1 \xrightarrow[\text{morph}]{\text{synt}} L_2$: словоформы *in* _{L_1} и *res* _{L_2} в латинском словосочетании *in medias res* букв. ‘в средние вещи’ = ‘в середину вещей’, где предлог синтаксически и морфологически подчиняет существительное RES, не будучи с ним семантически связан; семантически же мы имеем ‘*in-sem-medias*’.

$L_1 \xrightarrow[\text{morph}]{\text{synt}} L_2$: в языке курманджи словоформы *mirov*^{+ê} _{L_1} и *nû* _{L_2} в словосочетании *mirovê nû* букв. ‘человек новый’; прилагательное, синтаксически зависящее от N, семантически подчиняет его, как и всякое прилагательное, но сверх того навязывает ему граммему изафета -ê (= показатель того, что это N имеет зависимый).

В Приложении III предлагается полный список возможных комбинаций типов зависимостей.

5.5.2 Критерии синтаксической зависимости

Сем-D воспринимаются разумом, а Морф-D (согласование, включающее конгруэнцию, и управление) — чувствами; однако посредничающие между ними Синт-D — это абстрактные сущности, непосредственно не воспринимаемые ни разумом, ни органами чувств. Поэтому при выявлении Синт-D данного языка необходимы формальные критерии. Более точно, для установления набора поверхно-

стно-синтаксических отношений [= ПСинтО] языка L требуются критерии трех типов:

А. Критерий наличия синтаксической связи между двумя лексемами L_1 и L_2 .

В1-3. Критерии направления синтаксической связи между L_1 и L_2 .

С1-3. Критерии типа синтаксической связи между L_1 и L_2 .

Ниже эти критерии характеризуются приблизительно — с целью дать читателю самую общую идею; более подробное изложение см. в Mel'čuk 2009 и Мельчук 2012.

• Наличие синтаксической связи: критерий А

Просодия и линейный порядок: потенциальное просодическое единство и взаимное расположение лексем в предложении

Две лексемы L_1 и L_2 данного предложения непосредственно связаны некоторым синтаксическим отношением ($= L_1\text{-синт-}L_2$), если и только если:

1. Они могут образовывать автономное высказывание языка L, т. е. просодическую группу, возможную в L, например: *к стулу; плещет волна; светлое будущее; или Иван.*
2. Линейная позиция одной из лексем L_1 и L_2 в предложении определяется по отношению к другой.

• Направление синтаксической связи: критерии В1-3

Критерий В1 (синтаксический): пассивная валентность словосочетания

В словосочетании $L_1\text{-синт-}L_2$, лексема L_1 является синтаксическим хозяином, если пассивная валентность всего сочетания в большей степени определяется пассивной валентностью лексемы L_1 , чем пассивной валентностью лексемы L_2 .

Так, пассивная валентность словосочетания *на годы* полностью определяется предлогом; отсюда $на\text{-синт}\rightarrow\text{годы}$.

Если лексемы L_1 и L_2 имеют одинаковые пассивные валентности, критерий В1 не может выделить одну лексему как хозяина; тогда следует применять критерий В2.

Критерий В2 (морфологический): морфологические связи между словосочетанием и его внешним контекстом

В словосочетании $L_1\text{-синт-}L_2$ лексема L_1 является хозяином, если L_1 определяет граммы лексем, внешних по отношению к данно-

му сочетанию, или если эти внешние лексемы определяют грам-
мемы лексемы L_1 .

L_1 называется морфологической контактной точкой словосочета-
ния L_1 -синт \rightarrow L_2 . Этот критерий годится, разумеется, только для язы-
ков с флективной морфологией.

В словосочетании *диван-кровать* критерий В1 не дает ответа (оба
компонента — существительные, имеющие одинаковую пассивную вал-
ентность); однако критерий В2 выделяет в качестве хозяина лексему
ДИВАН_(муж): ср. *эт+от* [ЕД.МУЖ] *диван-кровать был+Ø* [ЕД.МУЖ]...,
где внешний элемент согласуется с ДИВАН_(муж), а не с КРОВАТЬ_(жен)
(**эт+а диван-кровать был+а...*); отсюда ДИВАН-синт \rightarrow КРОВАТЬ.

Если и критерий В2 не работает (поскольку L_1 и L_2 имеют одина-
ковые морфологические свойства или же в данном языке нет ни со-
гласования, ни управления), надо применить критерий В3.

Критерий В3 (семантический): денотат словосочетания

В словосочетании L_1 -синт \rightarrow L_2 , лексема L_1 является хозяином, если
денотат этого словосочетания есть вид денотата лексемы L_1 , а не
денотата лексемы L_2 .

В словосочетании англ. *noun suffix* хозяином является лексема
SUFFIX, так как *noun suffix* обозначает определенный вид суффикса
(*suffix*), а не вид существительного (*noun*).

• **Типы поверхностно-синтаксических отношений: критерии С1-3**

Для каждой конфигурации L_1 -г[?] \rightarrow L_2 надо определить, каким
именно типом г[?] ПСинтО связаны соответствующие лексемы. Если
хотя бы одно из условий, сформулированных в данных ниже крите-
риях, не выполнено, гипотетическое ПСинтО г[?] должно быть рас-
щеплено на два (или больше) ПСинтО.

Критерий С1 (минимальная пара): наличие семантического контраста

Если конфигурация L_1 -г[?] \rightarrow L_2 может быть реализована двумя се-
мантически противопоставленными словосочетаниями (которые фор-
мальным образом различаются лишь синтаксическими средствами выражения,
т. е. порядком слов, синтаксической просодией или синтаксически-
ми граммемами), отношение г[?] должно быть расщеплено на два.

В русском языке конфигурация ДЕСЯТЬ \leftarrow г[?]-КИЛО имеет две по-
верхностные реализации с разными смыслами: *десять кило* vs. *кило*
десять. При этом формальное различие между ними чисто синтак-

сическое: порядок слов; поэтому гипотетическое ПСинтО $r[?]$ должно быть расщеплено на два разных: ДЕСЯТЬ \leftarrow количественное–КИЛО \Leftrightarrow *десять кило* и ДЕСЯТЬ \leftarrow аппроксимативно-количественное–КИЛО \Leftrightarrow *кило десять*.

Критерий С2 (подставимость в контексте): синтаксическая подставимость

- Символ $\Delta_{(X)}$ означает «ПСинт-поддерево, вершина которого — лексема синтаксического класса X».

Любое ПСинтО r языка L должно обладать следующим свойством (= «квазисвойство Кунце»): в L имеется такой синтаксический класс X , отличный от местоимений-заменителей, что для любой конфигурации $L-r \rightarrow \Delta_{(Y)}$ в любой ПСинтС замена $\Delta_{(Y)}$ на $\Delta_{(X)}$ (но не обязательно наоборот) не приводит к нарушению правильности этой структуры.

Иначе говоря, для каждого ПСинтО должен иметься прототипический зависимый, возможный при любом хозяине. Так, в английских конфигурациях $have-r[?]$ \rightarrow *been* и $be-r[?]$ \rightarrow *going* гипотетическое ПСинтО $r[?]$ не обладает указанным свойством: $*have-r[?]$ \rightarrow *going* и $*be-r[?]$ \rightarrow *been*, и нет возможного прототипического зависимого, который годился бы в обоих случаях; поэтому мы имеем здесь два разных ПСинтО:

HAVE–perfect-analytical \rightarrow BE и BE–progressive-analytical \rightarrow GO.

Критерий С3 (повторимость): повторимость при одном хозяине

ПСинтО r должно быть либо неповторимым (в соответствующем поддереве только одна стрелка типа r может выходить из вершины этого поддерева), либо неограниченно повторимым (из вершины соответствующего поддерева может выходить любое количество стрелок r).

- (51) В персидском языке крайне распространены выражения следующего типа:

Mān name+ ha+ra post kārđ +ām

я письмо МН ПрямДоп отправление сделал 1ЕД

букв. ‘Я письма отправление сделал’. = ‘Я отправил письма’.

Эти выражения включают глагольные коллокации типа *post kārđ* ‘отправление сделал’ = ‘отправил’ (или *dārs dād* букв. ‘урок дал’ = ‘научил’, *dāst zād* букв. ‘руку ударил’ = ‘потрогал’, *tābrik goft* букв. ‘поздравление сказал’ = ‘поздравил’, и т. п.), в которых именной компонент (POST, DĀRS, DĀST, TĀBRİK) похож на прямое дополнение.

Однако глагол, имея это дополнение, остается переходным и управляет «настоящим» прямым дополнением (НАМЕНА ‘письма’), имеющим суффикс **-ra** — показатель прямого дополнения*. Гипотетическое ПСинтО $r[?]$ (= гипотетическое прямое дополнение) в таких выражениях могло бы появиться только два раза, т. е. это отношение было бы ограниченно повторимым. Поэтому для рассмотренных случаев вводятся два разных ПСинтО: НАМЕНА←dir-obj(ectival)–KÄRD–quasi-dir-obj→POST; именной компонент (= база) в данных коллокациях является квазипрямым дополнением.

Любопытное исключение из критерия СЗ представляет так называемая местоименная реприза, широко представленная в балканских языках²⁴, а также в испанском:

- (52) а. албанский ($th = /θ/, \ddot{e} = /ə/$)
- (i) *Barin e thanë në furrë* ‘Траву высушили в печи’.
 траву ее высушили в печи
- (ii) *Mos i thuaj njeriu!* ‘Не говори никому!’
 не ему говори никому
- б. испанский ($z = /θ/, j = /χ/$)
- Al azúcar Julio le tiene una viva aversión*
 букв. ‘К сахару Хулио к нему испытывает сильное отвращение’.

В случаях местоименной репризы соответствующему ПСинтО разрешается повторяться ровно два раза, что логически объяснимо: местоименная реприза не выражает какой-либо отдельный актанта, а просто повторно маркирует тот же самый.

Используя сформулированные критерии (а также во многих случаях действуя по аналогии), мы можем получить для данного языка полный список характерных для него ПСинтО — аналогично тому, как устанавливается состав падежей или фонем; такой пробный список ПСинтО для русского языка предложен в Приложении II, стр. 135–144.

5.5.3 Синтаксические зависимости vs. синтаксические составляющие

Прежде чем расстаться с синтаксическими зависимостями, необходимо сказать несколько слов об альтернативном представлении

* Персидский суффикс **-ra** — показатель определенного прямого дополнения — этимологически родственен русскому предлогу РАДИ.

синтаксических структур в терминах составляющих (= constituents); представление фраз в терминах составляющих известно как структура составляющих (= phrase structure). Такое представление широко используется в лингвистике уже почти 100 лет. В свое время доказывались теоремы об эквивалентности структур составляющих и структур зависимостей; по все еще распространенному убеждению, составляющие и зависимости — просто два разных способа изображать одни и те же факты. Однако составляющие, как бы ни трактовалось это понятие, использоваться как формальное средство записи синтаксических структур не могут в силу двух соображений — теоретического и практического.

- Теоретически, составляющая — это некоторая группировка слов во фразе; а группировки слов, расставленных в определенном порядке и снабженных соответствующей просодией (там, где это требуется, еще и морфологическими показателями), используются языком как средство выражения синтаксической структуры. Следовательно, в самой структуре составляющие фигурировать никак не могут.

- Практически, «чистые» составляющие недостаточны для выражения синтаксических связей: например, составляющая [ВЕРНЫЙ ДРУГ] задает словосочетания *верный друг* и *верный другу*, которые она не может различить. Поэтому внутри составляющих надо указывать «вершины», т. е., по существу, хозяев и зависимых. Более того, в общем случае необходимо указывать еще и тип отношения между компонентами, как, например, в составляющей [КНИГА ДРУГ], где указано, что вершина — существительное КНИГА: *книга друга* vs. *книга «Друг»* vs. *книга-друг*. (Аналогичный пример: [иметь] *жену-врача* vs. [иметь] *жену врача*.) А как только указана вершина каждой составляющей и отношения между ее компонентами, мы получаем в действительности структуру зависимостей, но только в странном маскарадном наряде составляющих.

Подчеркнем, что в терминах составляющих оказываются просто невыразимы многие языковые явления; так, используя составляющие, невозможно естественным образом описать ни лексические функции, ни глагольные залогов, ни многие идиомы типа *выкручивать кому руки*, *с кем каши не сварить*, *иметь зуб на кого* (где выделенный полужирным шрифтом актант, с одной стороны, должен быть внутри составляющей, которая образует идиому, но, с другой стороны, поскольку он переменный, не может быть внутри нее).

Более того, составляющие — в смысле иерархически организованных группировок слов и словосочетаний, последовательно вкладывающихся друг в друга, — вообще не существуют ни в синтаксической, ни в морфологической структуре фразы. Что есть в морфологической структуре фразы, так это просодические группы; но они соответствуют составляющим лишь очень приблизительно, ибо не образуют иерархии с последовательными вложениями. Нечто, формально похожее на составляющие, имеется в семантико-коммуникативной структуре, где возможны рекурсивно вкладывающиеся друг в друга ремотематические зоны*.

* Например, рассмотрим фразу (i):

(i) *То, что письмо было получено директором, наши планы не меняет.*

Ее СемС разделена на рему R_1 = 'не менять-[наши]-2→планы' и T_1 = 'директор←-1-получить-2→письмо'; R_1 , в свою очередь, разделена на $T_1(R_1)$ = 'наши планы' и $R_1(R_1)$ = 'не меняет'; наконец, T_1 разделена на $T_1(T_1)$ = 'письмо', и $R_1(T_1)$ = 'получить-1→директор'.

Глава 6: Роль лингвистики Смысл-Текст в жизни человеческого сообщества

Обычно называют две области, в которых лингвистика взаимодействует с обществом: все виды прикладной лингвистики и изучение Человека. И в той и в другой области подход Смысл-Текст занимает важное место.

6.1 Подход Смысл-Текст и прикладная лингвистика

Подход Смысл-Текст особенно удобен и плодотворен в трех областях возможных практических приложений лингвистики.

- Прежде всего, это различные типы автоматической обработки текстов, включая машинный перевод и информационные системы. Поскольку модель Смысл-Текст органически связана с переходом от смысла к тексту, она особенно удобна в данной области; см. в этой связи, например, Kittredge 2000. Укажем два современных исследовательских центра, где МСТ нашла свое применение.

С одной стороны, это Институт проблем передачи информации РАН в Москве, где уже более двадцати лет активно разрабатываются системы автоматической обработки текстов для русского и английского языков (включая системы машинного перевода ЭТАП 1, 2, 3), конструируемые в рамках подхода Смысл-Текст: Апресян *и др.* 1989, 1992 и 2010; в настоящее время создается семантический компонент для автоматического семантического анализа. На той же теоретической основе строится аннотированный корпус русского языка: Апресян *и др.* 2005.

С другой стороны, это Группа по обработке естественных языков университета им. Помпеу Фабра в Барселоне: теоретические разработки в области машинного перевода (Mel'čuk & Wanner 2001, 2006 и 2008), ряд общеевропейских проектов по порождению текста и извлечению информации и синтактико-коммуникативное аннотирование больших корпусов.

- Затем следует упомянуть обучение языку, как родному, так и иностранному. Когда человек обучается некоторому языку, в чем со-

стоит его цель? Опять-таки в выражении своих мыслей на этом языке и понимании соответствующих текстов. А ведь это есть не что иное, как переход от смысла к тексту и обратно. В данной связи в фокусе внимания исследователей в настоящее время находится преподавание лексики и лексической сочетаемости в перспективе подхода Смысл-Текст. Насколько мне известно, соответствующие работы ведутся в Обсерватории лингвистики Смысл-Текст Монреальского университета (<http://olst.ling.umontreal.ca>) и в Лаборатории лингвистики и дидактики иностранных и родных языков Гренобльского университета (<http://w3.u-grenoble3.fr/lidilem/labo/web/presentation.php>). Кроме того, создаются учебные словари французского (DiCo: <http://idefix.ling.umontreal.ca/dicouebe/main.php?>, DA: <http://web5.uottawa.ca/direautrement> и LAF: Mel'čuk & Polguère 2007), испанского (DiCE: Alonso 2004, 2005; см. также <http://www.dicesp.com/paginas>) и русского языков (ср. компьютерный учебник русской лексики, описанный в Апресян *и др.* 2007).

• И, наконец, создание словарей языка. Словари типа ТКС самым естественным образом вписываются в создание лексикографических баз данных, где каждая лексическая единица получает систематическое, исчерпывающее и формальное описание. В данной связи наиболее перспективен проект RELIEF (= Réseau Lexical du Français), осуществляемый научным центром ATILF* Государственного Совета по научным исследованиям Франции при Лотарингском университете, Нанси; этим центром руководит А. Польгер (Lux-Pogodalla & Polguère 2011). Цель проекта — создать на базе лексикографического подхода Смысл-Текст компьютерную модель французской лексики. Это будет гигантская база данных — лексическая сеть, где лексемы связаны между собой посредством лексических функций (Polguère 2009); сеть строится с помощью специального лексикографического редактора Dicet. Таким образом, создается виртуальная лексикография: любой конкретный словарь, задуманный исследователем, может быть автоматически «извлечен» из подобной сети.

6.2 Подход Смысл-Текст и изучение Человека

В развитии Человека и Человечества наука и техника сыграли очевидным образом решающую роль. Но вот что интересно: в течение последних нескольких тысячелетий наука и техника занимались

* ATILF: Analyse et Traitement Informatique de la Langue Française.

в основном внешним миром — массой и энергией. Открытие рычага и колеса, приручение лошади и верблюда, огонь и кузнечное дело, паровая машина, электричество, моторы всех типов, авиация, ракеты, ядерный реактор, наконец, атомная бомба — это все усиление человеческих мускулов: больше поднять, быстрее и дальше двигаться, сильнее ударить. Это, грубо говоря, физика. Следующая ступень — начиная где-то со Средних Веков — характеризуется стремлением к усилению человеческих органов восприятия, более точно — зрения и слуха: телескоп и микроскоп, телефон, радио и телевидение, вплоть до интернета; здесь физика встречается с человеческой физиологией и психикой. Наконец, немногим более полувека тому назад началось прямое наступление науки и техники на последнюю границу: человечество занялось исследованием и моделированием переработки информации в человеческом мозгу. Это, естественно, означает изучение и моделирование человеческого интеллекта; компьютер и информатика открыли новую эпоху в нашей истории.

Уже давно стало очевидно, что в настоящее время Человек все больше и все острее нуждается в усилении своих мыслительных способностей. Развитие технологии — и мирной, и военной — обращает Человека в слабое звено внутри компьютеризованных сетей. Поэтому на очереди — создание настоящего электронного мозга, который поможет нам управляться со все более ускоряющимся процессом развертывания новых и новых возможностей, выборов, принятия решений и исполнения их.

Однако единственный эффективный доступ к человеческому мышлению дается естественным языком. Мышление и язык, эти два неразрывно связанных человеческих феномена, не существуют один без другого: язык необходим мышлению, дабы фиксировать и передавать другим содержание мысли; мышление же, хотя до какой-то степени и в какие-то моменты оно протекает без языка, не может успешно функционировать в человеческом сообществе, если его результаты не экстерииорируются с помощью языка и тем самым делаются доступными в принципе для всех. Поэтому необходимым предварительным условием познания и моделирования мышления является познание и моделирование функционирования естественного языка.

Содержание настоящей книжки как раз и призвано показать читателю, насколько естественно подход «Смысл-Текст» позволяет работать над решением этой последней задачи.

Любезный читатель! Вместе с Козьмой Петровичем Прутковым лелею я в сердце своем надежду, что слова мои, на многих страницах с превеликим огнем произнесенные, возымеют на тебя желаемое действие.

Приложения

I Фонетическая таблица

- С' палатализованный (= мягкий) согласный С (рус. *бь* в *бьет*, *рь* в *Игорь* и т. д.)
- С^l глоттализованный (= ларингализованный) согласный С
- С^h придыхательный согласный С
- С^w лабиализованный согласный С
- С̣ фарингализованный (= эмфатический) согласный С
- Ṽ долгий гласный V
- Ṽ носовой гласный V
- ʌ задний средний открытый неогубленный гласный [англ. *u* в *duck*]
- æ передний низкий неогубленный гласный [англ. *a* в *back*]
- β звонкий билабиальный щелевой согласный
- с глухая альвеолярная аффриката [рус. *ц*]
- č глухая палато-альвеолярная аффриката [рус. *ч*]
- ć глухая альвео-палатальная аффриката [польское мягкое *ч*]
- ð звонкий межзубный щелевой согласный [англ. *th* в *the*]
- e передний средний закрытый неогубленный гласный [фр. *é*]
- ε передний средний открытый неогубленный гласный [фр. *è*]
- ə центральный средний неогубленный гласный [так называемый «шва»]
- ġ звонкий увулярный щелевой согласный
- ɣ звонкий велярный щелевой согласный [звонко произнесенное русское *х*, которое слышится в *Сдох бы он скорее!*; украинское *г*]
- h глухой гортанный щелевой согласный [англ. *h*]
- ħ глухой зевный щелевой согласный
- j звонкий палатальный щелевой согласный [рус. *й*] / в испанском: палатальный глайд [исп. *i* в *pie*]
- λ звонкий палатальный боковой плавный [исп. *ll*, ит. *gl*]
- ŋ звонкий велярный носовой согласный [англ. *ng*]
- ɲ звонкий палатальный носовой согласный [фр., ит. *gn*]
- o задний средний закрытый огубленный гласный [фр. *eau*]

ɔ	задний средний открытый огубленный гласный [фр. <i>o</i> в <i>comme</i>]
q	глухой увулярный взрывной согласный
ɾ	звонкий сильный альвеолярный вибрант [раскатистое <i>r</i>]
ʂ	глухой пост-альвеолярный щелевой согласный [рус. <i>ш</i>]
θ	глухой межзубный щелевой согласный [англ. <i>th</i> в <i>think</i>]
u	задний высокий огубленный напряженный гласный [англ. <i>oo</i> в <i>fool</i> , рус. <i>у</i>]
ʊ	задний высокий огубленный ненапряженный гласный [англ. <i>u</i> в <i>full</i>]
w	звонкий билабиальный щелевой согласный [англ. <i>w</i>] / в испанском: лабиовелярный глайд [исп. <i>u</i> в <i>puerta</i>]
x	глухой велярный щелевой согласный [рус. <i>x</i>]
χ	глухой увулярный щелевой согласный [исп. <i>j</i>]
ʒ	звонкий пост-альвеолярный щелевой согласный [рус. <i>ж</i>]
ʝ	звонкая палато-альвеолярная аффриката [англ. <i>j</i>]
ʔ	глухой ларингальный [= гортанный] взрывной согласный [= гортанная смычка]
ʕ	звонкий фарингальный [= зевный] взрывной согласный [арабский «айн»]
ˈ	восходящий/высокий тон
ˋ	нисходящий/низкий тон
ˆ	восходяще-нисходящий тон
ˋˆ	нисходяще-восходящий тон
-	ровный тон

II Поверхностно-синтаксические отношения русского языка

Данный список составлен на основе публикаций Мельчук 1974: 231–235 и Иомдин 2010; в нем, однако, сделан ряд необходимых поправок и дополнений. При этом он остается заведомо неполным и неокончательным: трактовка многих конструкций точно не установлена. Приводимые ПСинтО расположены в соответствии с их содержательными свойствами, но без учета их стилистической окрашенности: ПСинтО, характерные для устной разговорной речи, и ПСинтО, встречающиеся главным образом в литературных текстах, даются вперемежку. Наконец, в список включены и некоторые ПСинтО, необходимые только для описания определенных фразем.

- ☛ Фрагмент примера, который должен игнорироваться при рассмотрении стрелки ПСинтО, заключается в квадратные скобки; символ «|» служит для разграничения фраз.

I. Подчинительные ПСинтО

Комплементация

Валентные ПСинтО*

Актантные ПСинтО

1. подлежащее**:

Я←подл→стал старым. | Белеет←подл→**нарус** одинокий. |
Он←подл→**О**^{БЫТЬ} еще молод. | **Он**←подл→**О**^{БЫТЬ} [сейчас за границей]. |
Гулять←подл→считалось полезным. |
 Было←подл→[очевидно,]→**что** он виноват. |
 [Там не] было←подл→**никого**. |
О^{БЕЗЛИЧ}←подл→начинало [светать]. |
 А **пряников**←подл→[сладких тогда б не]←хватило на всех [Б. Окуджава].

2. условно-подлежащее:

Узнай←усл-подл→**я** об этом вовремя, все было бы в порядке. |
 Не встань←усл-подл→**Маша** раньше, она бы меня не встретила.

3. направительно-подлежащее:

А **ты**←направ-подл→куда? | **Я**←направ-подл→домой. |
 Иван←направ-подл→с вами. |
 Откуда←направ-подл→ты, прелестное дитя? [А. С. Пушкин].

4. инфинитивно-подлежащее

А **Маша**←инф-подл→[ну]←вопить. |
Маша←инф-подл→[же давай]←хватать одежду.

5. прямо-объектное:

резать←прямо-объект→**хлеб**; слушаться←прямо-объект→**Машу**;
 видно←прямо-объект→**реку**; не заметил←прямо-объект→**каменя**;
 Дай←[мне]←прямо-объект→**сыра!** | Я хочу←прямо-объект→**уйти**. |
 Иван потребовал←прямо-объект→вернуть книгу.
 Ваня знал,←прямо-объект→**что Маша здесь**. |
 Ваня хотел,←прямо-объект→**чтобы Маша была здесь**.

* Валентными называются ПСинтО, задаваемые в модели управления соответствующей лексемы, т. е. соответствующие ее активным валентностям; им соответствуют подлежащее, дополнения и «дополнениеобразные» члены предложения.

** Раньше это ПСинтО называлось предикативным. Изменение названия объясняется стремлением обозначать каждое ПСинтО по имени его зависимого члена.

6. дательно-объектное:

подарить—дат-объект→**Маше, Ване**←дат-объект—*было жарко*. |
мне←дат-объект—*лень*; *Любовь нужна*—дат-объект→**всем**.

7. косвенно-объектное:

занялся—косв-объект→**языками**;
Маша погрозила—[*Ване*]—косв-объект→**пальчиком**.
лишить—[*нас*]—косв-объект→**права на протест**;
зависеть—косв-объект→**от него**; *переводить*—косв-объект→**с японского**;
перевод—косв-объект→**на японский**; *дискуссия*—косв-объект→**о правах человека**; *возражения*—косв-объект→**со стороны отца**

Синонимичное словосочетания *возражения отца* описывается иначе:

возражения—агент→**отца**.

8. инфинитивно-объектное:

мочь—инф-объект→**уйти**; *возможность*—инф-объект→**уйти**

9. субъектно-присвязочное:

быть—суб-присвяз→**легким**; *быть*—суб-присвяз→**учителем**;
оказаться—суб-присвяз→**без штанов**

10. объектно-присвязочное:

сделать—[*машину*]—об-присвяз→**легкой**;
вообразить—[*Ивана*]—об-присвяз→ **учителем**;
оставить—[*Ивана*]—об-присвяз→**без штанов**;
считать—[*ее*]—об-присвяз→**счастливой**;
найти—[*задачу*]—об-присвяз→**невыполнимой**

11. генитивно-присвязочное:

быть—[*маленького*]—ген-присвяз→**роста**; *оказаться*—ген-присвяз→**типа XZ**

12. агентивное:

пишется—агент→**им**; *приезд*—агент→**отца**;
расстрел—[*толпы*]—агент→ **полицией**

13. пациентивное:

перевод—пациент→**Сервантеса**; *расстрел*—пациент→**толпы**

1. Словосочетания сходного смысла, но с притяжательным местоимением имеют другую структуру:

наш←опред—*приезд* или *его*←опред—*высылка*.

2. Словосочетание типа *перевод Сервантеса* может выражать и другое ПСинтО, агентивное — для смысла ‘Сервантес сам перевел нечто’:
комедия в переводе—агент→Сервантеса.

Сравнительные ПСинтО

14. сравнительное:

старше—сравн→Ивана; более—сравн—[образован,]→чем Иван

15–19. подлежащно-сравнительное, прямо-объектно-сравнительное, датель-но-объектно-сравнительное, косвенно-объектно-сравнительное, обстоятель-ственно-сравнительное:

Он любит ее сильнее,—подл-сравн→чем Иван. |

Он любит ее сильнее,—прямо-об-сравн→чем Ивана. |

Ему досталось больше,—дат-об-сравн→нежели Ивану. |

Я тебе верю,—дат-об-сравн→как Ивану. |

Он привязан к Маше больше,—предл-об-сравн→чем к Ивану. |

Теперь они живут лучше,—обстоят-сравн→чем в Казани.

Элективное ПСинтО

20. элективное:

любой—элект→из них; многие—элект→среди студентов

1. Словосочетания типа *десятки людей из нашего города* описываются иначе:

десятки людей—атр→из нашего города.

2. Словосочетания типа *лучший в Англии журнал* и *самый высокий дом в мире* не являются элективными: прилагательное в них не становится эквивалентом существительного. В этих словосочетаниях синтаксический зависимый прилагательного в синтетической превосходной степени или прилагательного САМЫЙ — его актант; в ПСинтС это косвенное дополнение:

лучший—косв-объект→в Англии;

самый—[высокий дом]—косв-объект→в мире

Отпредложное ПСинтО

21. отпредложное:

из—отпредл→них; с—[тех]—отпредл→пор

*Отсоюзное ПСинтО*22. отсоюзное:*Рассказывали, что—[Иван давно]—отсоюзн→уехал. |**Если—[Иван]—отсоюзн→уехал, мы не сумеем сделать это. |**Прежде чем—отсоюзн→рассматривать это предложение, следует... |**Если—отсоюзн→недорого, я согласен.**Иван и—отсоюзн→Маша; чем—отсоюзн→Маша/Машу/Маше;**как—отсоюзн→с Машей*

Морфологические различия между возможными зависимыми сравнительного союза задаются специальными сравнительными ПСинтО № 15–19.

*Невалентные ПСинтО**Актантное ПСинтО*23. адресатное:*Мне←адр—порвали штаны. | Иван сломал—адрес→себе ногу. |**Мир—адрес→хижинам!**залезть—адрес→к медведю в берлогу**«Модальные» ПСинтО*24. инфинитивно-модальное:*Мне←инф-мод—остаться? | Тебе←инф-мод—[этого не]—понять. |**Ему←инф-мод—[бы]—обратиться к врачу. |**Ну, быть—инф-мод→скандалу!*25. направительно-модальное:*Мне←инф-мод—куда? | Ребенку←инф-мод—[бы]—в постель. |**Эх, мне←инф-мод—[бы]—с вами!**Копредикативные ПСинтО*26. субъектно-копредикативное:*Она вернулась—суб-копред→простуженной. |**Иван пришел—суб-копред→сам <один>. |**Иван приехал—суб-копред→миллионером.*27. объектно-копредикативное:*Я привез—[ее домой совершенно]—суб-копред→простуженной. |**Машу отпустили—[в сад]—суб-копред→одну.*

Модификация*Модификативные ПСинтО*28. определительное:

старший←опред-сын; *свежие*←опред-розы; *ваше*←опред-решение;
каждая←опред-буква; *на шестой*←опред-день;
Мишины←опред-игрушки; *гамильтоновы*←опред-ряды;
 участок,←опред→*находящийся* рядом с домом, ...
самому←опред-большому; *такая*←опред-замечательная

29. аппозитивно-определяющее:

раздел←аппоз-опред→*шестой*; *Петр*←аппоз-опред→*I*

30. обстоятельство-определяющее:

Ален шел←[*мне навстречу*];←обст-опред→*элегантный*, как всегда.

31. количественное:

двадцать две←колич-тетради; *сто*←колич-тетрадей;
оба←колич-подхода;
немного←колич-вина; *230*←колич-кг

Словосочетания типа *десятки людей*, *сотня тетрадей*,
куча фруктов и т. п. имеют другую ПСинтС:
десятки←атр→*людей*, *сотня*←атр→*тетрадей*,
куча←атр→*тетрадей*.

32. аппроксимативно-количественное:

тетрадей←аппрокс-колич→*двадцать*; *человек*←[*на*]←аппрокс-колич→*пятьдесят*

33. аппроксимативно-порядковое:

день←[*на*]←аппрокс-порядк→*шестой*; *раза*←[*так с*]←аппрокс-порядк→*пятого*

34. атрибутивное:

юноша←[*высокого*]←атриб→*роста*; *корабль*←атриб→*весом в 5 000 тонн*;
толпа←атриб→*студентов*; *пирог*←атриб→*с яблоками*;
дети←атриб→*до трех лет*;
дети←атриб→*моложе трех лет*; *сосед*←атриб→*снизу*

35. релятивное:

Профессор←[, к которому я]←релят→*хожу* на лекции, заболел. |
Это предусмотрено на случай←[, если денег не]←релят→*хватит*.

Относительное придаточное с ЕСЛИ выражает семантический акт лексемы СЛУЧАЙ.

Мэра–[, чьи дети]–релят→**торгуют** наркотиками, не отпустили в отставку.

Аппозитивные ПСинтО

36. эквативно-аппозитивное:

профессор–экв-аппоз→**педофил**; *корабль*–экв-аппоз→**призрак**;

знак–экв-аппоз→**минус**; *человек*–экв-аппоз→**оркестр**;

бегемот,–экв-аппоз→**или гиппотам**;

Префикс,–экв-аппоз→**т. е. аффикс**, предшествующий корню, бывает однофонемным.

37. номинативно-аппозитивное:

профессор–ном-аппоз→**МакКормик**; *корабль*–ном-аппоз→**«Стерегущий»**;

кафе–ном-аппоз→**«Улыбка»**;

озеро–ном-аппоз→**Байкал**; *матч*–ном-аппоз→**Фишер-Спасский**

38. нумеративно-аппозитивное:

глава–нум-аппоз→**II**; *палата*–нум-аппоз→**номер**–[–компл-аппоз→**шесть**]

39. комплетивно-аппозитивное:

весом–[одна]–компл-аппоз→**тонна**; *весом*–компл-аппоз→**в две тонны**;

по цене–[три]–компл-аппоз→**рубля**–компл-аппоз→**штука**

40. кратное:

ракета «земля–кратн→**воздух»**; *матч Фишер*–кратн→**Спасский**;

поезд Москва–кратн→**Киев**; *система вопрос*–кратн→**ответ**;

счет II–[:]-кратн→**0**

Обстоятельственные ПСинтО

41. обстоятельствоное:

шел–обст→**быстро**; *нырять*–обст→**глубоко**; *Он работает*–обст→**там**. |

Он живет–обст→**в Москве**. | *Он работал*–[три]–обст→**дня**. |

Он приехал–обст→**шестого мая**. |

Он приехал–[поздним]–обст→**вечером**. |

Если←обст–[погода будет плохая, мы]–останемся дома. |

У←обст–[Маши]–была большая семья. |

Пятак падал,–обст→**звеня и подпрыгивая**. |

Я не могу–[: с детьми]–обст→**0**^{БЫТЬ} *некого оставить*.

42. аппозитивно-обстоятельствоное:

Хороший инженер,←аппоз-обст–[Иван сразу]–нашел работу.

43. целевое:

Вышел—[зайчик]—цель→*погулять*. | *Иди*—[чай]—цель→*пить*.

44. уступительное:

Уметь←уступ—*умею*, да *нельзя*. |

Гулять←уступ—[*то он*]*гулял*, и что из этого?

Ограничительное ПСинтО

45. ограничительное:

только←огран—для членов профсоюза; *не*←огран—*поедет*;

еще←огран—*громче*;

Вот←огран—*кто виноват* | *Иван*—огран→*же опоздал*.

«Внеструктурные» ПСинтО

46. вводное:

Он, как←вводн—[говорится,]—*полез в бутылку*. |

Иван—([про него это]—вводн→*было* известно) *терпеть не мог рыбу*. |

После нас, *разумеется*,←вводн— \emptyset ^{БЫТЬ} *не потоп, но и не засуха*

[И. Бродский].

47. пролептическое:

Денежки,←прол—[они счет]*любят*. |

Денежки,←прол—[им счет]*знать надо*. |

Леня,←прол—[вот кто наверняка]*прочтет эту статью*. |

Леня←прол—[— вот для кого мы]*готовим эту статью*. |

Ну, *Леня*,←прол—[ему все это]*было ничем*.

Конструкции, в которых зависимое существительное N склоняется в соответствии с управлением глагола-хозяйина, описываются иначе: N считается дополнением или обстоятельством, которое «дублируется» местоимением:

(i) *Детям*,←дат-объект—[*Катя*]*позволяла*—дат-объект→*им* все.

(ii) *С*←косв-объект—[*ним мы* \emptyset ^{БЫТЬ}]*знакомы*,—косв-объект→*С* *Леней-то*.

См. выше, 5.1.2, критерий С3.

48. адьюнктное:

Ваня,←адьюнкт—*иди сюда*. |

Эх,←адьюнкт—*шла*—[бы ты домой,]*Пенелопа!* |

Да,←адьюнкт—[*Иван*]*был там*.

49. презентативное:*Это*←през-[там Ваня]–бушует. |*Это*←през-[просто дождь]–стучит по крыше.*Вот*←през-[тебе моя]–рука. | *Вот*←през-[ты]–какой! |*Вон*←през-[Лёня куда]–забрался!

Вспомогательные ПСинтО

50. числительно-вспомогательное:*сто*←числ-вспом–три;*шесть тысяч*←числ-вспом–*пятьсот* ←числ-вспом–одна;*сто*←числ-вспом–третий;*шесть тысяч*←числ-вспом–*пятьсот*←числ-вспом–первая51. соотносительно-вспомогательное:*Если...*–соотн-вспом→*то...*;*Как*←соотн-вспом–[Иван,]–так и Маша сдала экзамен. |*либо...*←соотн-вспом–*либо...*; *от*–[двух]–соотн-вспом→*до пяти*52. местоименно-вспомогательное:*черт знает*←мест-вспом–[с]–кем;*Дьявол его разберет*←мест-вспом–куда он делся.53. словесно-вспомогательное:*так*–слов-вспом→*как*; *несмотря*–слов-вспом→*на*;*один*–слов-вспом→*и*–слов-вспом→*тот*–слов-вспом→*же*;*само*–слов-вспом→*собой*; *себе*–слов-вспом→*самому*;*самому*←слов-вспом–себе; *Да*←слов-вспом–скроется тьма!54. аналитическое:*будет*–аналит→*исключать*; *исключил*–аналит→*бы*55. пассивно-аналитическое:*будет*–аналит→*исключен*56. эксплетивное:*То*–[, куда мы]–эксплет→*идем*, никого не касается.**II. Сочинительные ПСинтО**57. однородное:*Петя*, –однор→*Маша*, –однор→*Саша**Петя*–однор→*и* [–отсоюзн→*Саша*]

58–61. подлежащно-однородное, прямо-объектно-однородное, дательно-объектно-однородное, косвенно-объектно-однородное:

Кто, –прямо-об-однор → **кого** –косв-об-однор → **и** к кому послал? |

Кто, –обст-однор → **где** –прямо-об-однор → **и** кого послал? |

Никого –подл-однор → **никто** –косв-об-однор → **ничем не кормил**.

62. уточнительно-однородное:

в –[Австралии,] –уточн-однор → **недалеко** –[от Перта,] –уточн-однор → **на** берегу океана;

шесть рублей –[(и) восемь] –уточн-однор → **копеек**

63. изъяснительно-однородное:

Пришлось –[платить за передачу, чего он и] –изъясн-однор → **добивался**. |

Война имеет –[разные формы, что всем] –изъясн-однор → **быть** известно.

64. разъяснительно-однородное:

Таковы все звонкие согласные –[, в частности,] –разъясн-однор → **б**. |

У Ивана было все –[:] –разъясн-однор → **семья, работа, здоровье**.

65. эллиптически-однородное:

Он работает, –эллипт-однор → **но** один. |

Он ест овощи –[, однако не], –эллипт-однор → **все**.

III Возможные комбинации зависимостей трех типов между двумя лексемами во фразе

1. L ₁	L ₂ :	Между L ₁ и L ₂ нет зависимостей, т. е. в данной фразе эти лексеммы никак не связаны; ср. НИЖЕ и ЭТОТ во фразе <i>Ниже мы рассмотрим этот вопрос подробнее</i> .
2. L ₁ –сем →	L ₂ :	Между L ₁ и L ₂ имеется только Сем-D, например между ИВАН _{L2} и БОЛЕТЬ _{L1} в <i>Иван начал болеть</i> . Ср. комбинацию 10.
3. L ₁ –синт →	L ₂ :	Между L ₁ и L ₂ имеется только Синт-D; ср. TAKUSAN _{L2} ‘много’ и YOMU _{L1} ‘читать’ в яп. <i>Yoko+wa hon+o takusan yom+u</i> букв. ‘Йоко _{ТЕМА} книгу _{АСС} много читать _{PRES} ’ = ‘Йоко читает много книг’; семантически ‘takusan’ относится к ‘hon’, а морфологически TAKUSAN — неизменяемое наречие.

4. $L_1 \xrightarrow{\text{морф}} L_2$:	Только Морф-D между L_1 и L_2 ; ср. ic_{L_1} 'наш' и $HEBGNU-(jič)_{L_2}$ 'убежал.наш' в табасаранском <i>İç mudur uc^{wh}u+na hebgnu+jič</i> букв. 'Наш ягненок к.вам убежал.наш', где глагол $HEBGNU$ морфологически зависит от местоимения ic 'наш' при отсутствии Сем-D или Синт-D между ними.
5. $L_1 \xrightarrow{\text{сем}} L_2$ $\xrightarrow{\text{синт}}$	Однонаправленные Сем-D и Синт-D между L_1 и L_2 , без Морф-D; ср. связи между $READ_{L_1}$ и $NEWSPAPER_{L_2}$ в <i>John is reading a newspaper</i> .
6. $L_1 \xrightarrow{\text{сем}} L_2$ $\xleftarrow{\text{синт}}$	Разнонаправленные Сем-D и Синт-D между L_1 и L_2 , без Морф-D; ср. $INTERESTING_{L_1}$ и $NEWSPAPER_{L_2}$ в <i>an interesting newspaper</i> , где $NEWSPAPER$, Сем-аргумент предиката 'interesting', семантически зависит от лексемы $INTERESTING$, будучи ее синтаксическим хозяином.
7. $L_1 \xrightarrow{\text{сем}} L_2$ $\xrightarrow{\text{морф}}$	Однонаправленные Сем-D и Морф-D между L_1 и L_2 , без Синт-D; например, клитика le_{DAT-L_2} 'to.him/to.her' в исп. <i>Juan le quiere dar un libro</i> 'Хуан хочет дать ему книгу' семантически и морфологически зависит от глагола DAR_{L_1} , с которым синтаксической связи она не имеет (синтаксически клитика зависит от глагола-сказуемого $QUERER$ 'хотеть', так как она образует с ним одну просодическую группу и ее позиция в предложении определяется по отношению к этому глаголу).
8. $L_1 \xrightarrow{\text{сем}} L_2$ $\xleftarrow{\text{морф}}$	Разнонаправленные Сем-D и Морф-D между L_1 и L_2 , без Синт-D; например, в <i>Маша стала красивой</i> существительное $МАША_{L_2}$ семантически зависит от предиката 'красивый' (= $КРАСИВЫЙ_{L_1}$), будучи его аргументом; $КРАСИВЫЙ$ же зависит от $МАША$ морфологически (согласуется в роде и числе)*.
9. $L_1 \xrightarrow{\text{синт}} L_2$ $\xrightarrow{\text{морф}}$	Однонаправленные Синт-D и Морф-D между L_1 и L_2 , без Сем-D; например, AB_{L_1} 'от' и $URBS_{L_2}$ 'город' в лат. <i>ab urb+e condita</i> букв. 'от города основанного' = 'от основания города [= Рима]', где предлог управляет аблативом существительного.

* В то же время прилагательное $КРАСИВЫЙ$ зависит семантически, синтаксически и морфологически от глагола $СТАТЬ$.

10. $L_1 \begin{array}{c} \xrightarrow{\text{синт}} \\ \xleftarrow{\text{морф}} \end{array} L_2$:	Противоположно направленные Синт-D и Морф-D между L_1 и L_2 , без Сем-D; ср. ИВАН $_{L_2}$ и НАЧАТЬ $_{L_1}$ в <i>Иван начал болеть</i> : синтаксически ИВАН зависит от НАЧАТЬ, а морфологически — наоборот; Сем-D между ними нет ('Иван $\xleftarrow{\text{сем}}$ болеть $\xleftarrow{\text{сем}}$ начать')*. Ср. комбинацию 2.
11. $L_1 \begin{array}{c} \xrightarrow{\text{сем}} \\ \xrightarrow{\text{синт}} \\ \xrightarrow{\text{морф}} \end{array} L_2$:	Однонаправленные Сем-D, Синт-D и Морф-D между L_1 и L_2 ; например, <i>вижу</i> $_{L_1}$ <i>Маши</i> + <i>у</i> $_{\text{ACC-}L_2}$.
12. $L_1 \begin{array}{c} \xrightarrow{\text{сем}} \\ \xrightarrow{\text{синт}} \\ \xleftarrow{\text{морф}} \end{array} L_2$:	Однонаправленные Сем-D и Синт-D между L_1 и L_2 , противоположно направленная Морф-D. Ср. «многоличное» согласование глагола-сказуемого в беспадежном языке: в абх. <i>Nadš'a</i> $_{L_2-1}$ <i>sara</i> $_{L_2-2}$ <i>i+s+əl+teit' aš'q'</i> $_{L_2-3}$ 'Надша мне дала книгу', где глагол <i>isəlteit'</i> $_{L_1}$ согласуется тремя префиксами со всеми морфологически неизменяемыми актантами (в лице и роде); семантически и синтаксически актанты зависят от глагола, а морфологически он зависит от них.
13. $L_1 \begin{array}{c} \xrightarrow{\text{сем}} \\ \xleftarrow{\text{синт}} \\ \xrightarrow{\text{морф}} \end{array} L_2$:	Однонаправленные Сем-D и Морф-D между L_1 и L_2 , при противоположно направленной Синт-D. Ср. изафетную конструкцию: перс. <i>ketab+e nav</i> 'книга-ИЗАФЕТ новый', где КЕТАВ $_{L_2}$ 'книга' — аргумент предиката NAV $_{L_1}$ 'новый', от которого оно получает суффикс -e, будучи синтаксическим хозяином прилагательного.
14. $L_1 \begin{array}{c} \xleftarrow{\text{сем}} \\ \xrightarrow{\text{синт}} \\ \xrightarrow{\text{морф}} \end{array} L_2$:	Однонаправленные Синт-D и Морф-D между L_1 и L_2 , при противоположно направленной Сем-D; ср. ИНТЕРЕСНЫЙ $_{L_2}$ и КНИГА $_{L_1}$ в <i>интересная книга</i> .

* ИВАН зависит, в свою очередь, от НАЧАТЬ морфологически: как большинство русских подлежащих, эта лексема получает номинатив.

Примечания

¹ (стр. 11) **Соответствие.** А что такое «соответствие»? Это набор правил, которые связывают два множества А и В, в нашем случае — множество смыслов и множество текстов, таким образом, что каждому элементу множества А (например, одному смыслу) сопоставляются некоторые элементы множества В (тексты, выражающие этот смысл), и обратно.

Соответствия бывают трех основных типов:

- взаимнооднозначные, когда каждому элементу из А соответствует один и только один элемент из В;
- одно-многозначные, когда каждому элементу из А может соответствовать несколько элементов из В, но не наоборот;
- много-многозначные, когда каждому элементу из А может соответствовать несколько элементов из В и наоборот.

Соответствие между смыслами и текстами в естественном языке является много-многозначным: один смысл может иметь много выражений (синонимия) и один текст может иметь много смыслов (неоднозначность).

² (стр. 16) **Формальная грамматика.** В лингвистике термин *формальная грамматика* повсеместно употребляется для обозначения логического устройства, описывающего (= задающего) некий язык. Применительно к естественным языкам этот термин представляется неудачным, поскольку формальная грамматика языка L включает его словарь и ГРАММАТИКУ — совсем в другом смысле! Именно эта терминологическая неувязка заставляет предпочесть термин модель.

³ (стр. 17) **Энантioseмия.** Ситуация, когда одно и то же полисемичное слово — в нашем случае слово МОДЕЛЬ — обозначает в одном своем значении отношение R, а в другом — обратное ему отношение R^{-1} , не так уж редко встречается в естественных языках; это явление называется энантioseмией. Так, глагол ОДАЛЖИВАТЬ означает и ‘давать взаймы’ [кому что], и ‘брать взаймы’ [у кого что]; точно таков же английский глагол RENT: ‘сдавать напрокат’ и ‘брать напрокат’. Французское существительное HÔTE значит и ‘хозяин’, и ‘гость’, а наречие хинди KAL — ‘вчера’ и ‘завтра’; русское ГОСТЬ и латинское HOSTIS — одного происхождения, однако HOSTIS значит ‘враг’ (кстати, к слову HOSTIS

восходит французское OTAGE, англ. HOSTAGE ‘заложник’ и англ. HOST ‘толпа, большое количество’ — через смысл ‘группа врагов’, ‘войско’). Русскому глаголу ЗАПОМНИТЬ формально соответствует польский глагол ZAPOMNIЕĆ, который, однако, значит ‘забыть’. Английское прилагательное DUBIOUS значит и ‘такой, который сомневается’ (*I am dubious about wine competitions* ‘Я с сомнением отношусь к конкурсам вин’), и ‘такой, в котором сомневаются’ (*This wine competition seems dubious to me* ‘Этот конкурс вин кажется мне сомнительным’). Энантиосемия возникает, когда из некоторого слова с весьма общим и расплывчатым значением ‘σ’ диахронически развиваются — в данном языке или в разных языках — два слова с более частными значениями, ‘σ₁’ и ‘σ₂’, каковые являются разными «фрагментами» смысла ‘σ’. Так, лат. HOSTIS ‘враг’ восходит, в свою очередь, к индоевропейской основе *ghosti-* ‘чужой, иноплеменник’ ≈ ‘тот, с кем существуют соответствующие взаимные отношения — гостеприимства или враждебности’; из этого общего смысла ‘σ’ развиваются ‘σ₁’ — лат. HOSTIS — и ‘σ₂’ — русское ГОСТЬ.

Энантиосемия — это весьма специальный тип антонимии.

⁴ (стр. 20) **Фонетический vs. фонологический.** Следует сказать несколько слов о понятиях фонетический и фонологический/фонемный. Фоны, или языковые звуки, — это классы реальных артикулируемых звуков, которые носители языка опознают как звуки своего языка; ими занимается фонетика. Запись текста в терминах фонов — фонетическая транскрипция, обозначаемая квадратными скобками, например [mám] *Ма-ам!* (обращение к матери). Фонема — это множество фонов, которые никогда не различают означающие двух знаков данного языка, т. е. не играют смысловозначительную роль, а находятся в дополнительном распределении относительно звукового контекста. Например, в русском языке мы имеем [Cá] ~ [C’á], т. е. фон [a] выступает под ударением после твердого согласного, а фон [á] — под ударением после мягкого согласного: [mát’] *мать* и [m’át’] *мять* (обратное невозможно: *[C’á] ~ *[C’á]). Фонемами занимается фонология. Запись текста в терминах фонем — фонемная транскрипция, обозначаемая косыми скобками: /mám/, /mát’/, /m’át’/. В русском языке долгота гласных не является фонемным признаком, т. е. противопоставление «V̇ : V̄» никогда не различает смысл слов; поэтому [mám] ~ [mám] должны фонологически записываться как /mám/. В немецком же языке, например, долгота гласных различает слова: [kám] *Kamm* ‘гребень’ ~ [kám] *kam* ‘он пришел’, [ófen] *offen* ‘открытый’ ~ [ófen] *Ofen* ‘печь’, [íren] *irren* ‘заблуждаться’ ~ [íren] *Iren* ‘ирландцы’, и т. д. Поэтому в немецком подобные пары требуют разной фонемной транскрипции: /kám/ ~ /kám/ и т. п.

⁵ (стр. 25) Два грамматических комментария к данному японскому примеру представляются интересными и полезными.

- Форма *watasi+wa* является коммуникативной темой предложения, имеющей смысл \approx 'что касается меня'; синтаксически это не подлежащее и не косвенное дополнение, а так называемый пролеписис — член предложения, располагающийся в самом начале предложения и структурно слабо связанный с его остальной частью (пролеписис всегда можно опустить, не нарушив грамматическую правильность предложения). По-японски говорят примерно так: '**Я**_{пролеписис} отец врач есть', т. е. 'Мой отец врач'. Суффикс **-wa** — показатель темы.
- Формы *kowa+i*, *samu+i* и *hosi+i* суть спрягаемые прилагательные настоящего времени, что-то вроде 'испуган', 'холоден' и 'нужен'. (У японских прилагательных, в отличие от русских кратких форм, есть и прошедшее время: *kowa+katta*, *samu+katta* и *hosi+katta*.)

⁶ (стр. 37) **Предикат**. В логике и семантике предикат — это смысл, который не может быть охарактеризован без отсылки к другим смыслам, называемым его аргументами. Предикаты различаются по числу своих аргументов, или мест: 'спать' — одноместный предикат ('X спит'), 'видеть' — двухместный ('X видит Y-а'), 'сообщать' — трехместный ('X сообщает Y Z-у'), 'сравнивать' — четырехместный ('X сравнивает Y с Z-ом по W'), и т. д. (См. Апресян 2010: 303 и сл.)

⁷ (стр. 38) **Множество перифраз**. Будет, по-видимому, нелишним показать на примере фразы (11), как получается такое большое число перифраз.

Смысл фразы разбивается на «семантико-лексические» куски — такие, что смысл одного куска может быть реализован одним лексическим выражением данного языка. Во фразе (11) таких кусков — семь, и каждому куску отводится один столбец:

Оруэлл	убежденный по убеждению как убежден уверенный не сомневаться нет сомнений	деятельность активность ангажированность активный	политика политический	благодаря в результате вести к делать обеспечивать позволять
1	6	4	2	6

делаться лучше становиться лучше улучшаться улучшение	произведения творчество качество произведений качество творчества
---	---

положительно влиять положительное влияние иметь положительное влияние положительно воздействовать положительное воздействие оказывать положительное воздействие положительно сказываться
23

В каждом столбце выписываются возможные варианты выражения данного смысла, а затем они комбинируются всеми возможными способами. Например, выбирая выделенные полужирным шрифтом элементы, можно получить такую перифразу:

(i) *Как убежден Оруэлл, то, что он политически активен, ведет к улучшению качества его творчества.*

Общее число потенциальных перифраз получается перемножением чисел вариантов в каждом столбце; в данном случае:

$$1 \times 6 \times 4 \times 2 \times 6 \times 23 = 6\,624$$

Разумеется, не все комбинации допустимы; но и в наших вариантах выписаны далеко не все возможности. Полученные перифразы не всегда строго синонимичны — однако мы принимаем и приблизительные перифразы, взаимозаменяемые хотя бы в некоторых контекстах. Как мы видим, СемС (13) задает семейство из шести с половиной тысяч фраз.

⁸ (стр. 39) Коммуникативно-доминантный узел в СемС некоторого смысла ‘σ’ — это такой смысл ‘σ₁’, к которому смысл ‘σ’ может быть сведен без искажения, хотя и с обеднением. Обычно ‘σ₁’ является родовым компонентом смысла ‘σ’.

⁹ (стр. 43) **Коллокация.** Коллокация — это двучленная композиционная фраза, один элемент которой, а именно база, выбирается Говорящим свободно, в соответствии со смыслом и языковыми свойствами этого элемента, а второй элемент — коллокат — выбирается в зависимости от базы. Как правило, коллокация описывается с помощью лексических функций, см. примечание 15, стр. 152.

¹⁰ (стр. 50) **Расхождения между ГМорфС и ПМорфС данной словоформы.** Вот три типичных случая:

- Кумулятивное vs. агглютинативное выражение грамем в ПМорфС; ср. примечание 12 ниже, стр. 151.

ДОМ_{МН, РОД} ⇔ {ДОМ-} ⊕ {МН.РОД} ⇔ дом+**ов**

vs.

тур. EV ‘дом’_{МН, РОД} ⇔ {EV-} ⊕ {МН} ⊕ {РОД} ⇔ ev+**ler+in**

- Наличие в ПМорфС пустых морфем, требуемых флективным типом основы, — например тематических элементов:

ГУЛЯТЬ_{НЕСОВ, ИНД, ПРОШ, ЕД, ЖЕН} ↔
 ↔ {ГУЛ'-НЕСОВ} ⊕ {ТЕМ.ЭЛ} ⊕ {ИНД.ПРОШ} ⊕ {ЕД.ЖЕН} ↔
 ↔ гул'+[а]+л+а ↔ гуляла

vs.

исп. CANTAR 'петь'_{ИНД, ИМПФ, 3, ЕД} ↔ {CANT-} ⊕ {ТЕМ.ЭЛ} ⊕
 ⊕ {ИНД.ИМПФ} ⊕ {3.ЕД} ↔ cant+[а]+ba+Ø ↔ cantaba 'он/она пела'

- Повторное выражение некоторых граммем в ПМорфС:

иврит LEJLA 'ночь'_{МН, 1ЕД} ↔ {LEJL-} ⊕ {МН} ⊕ {МН} ⊕ {1.ЕД} ↔
 ↔ lejl+[ot+a]+j 'мои ночи'

Многочисленные несегментные морфологические знаки — апофонии, редупликации и конверсии — еще более усложняют соответствия между ГМорфС и ПМорфС.

¹¹ (стр. 56) Значащая синтаксическая конструкция (см. Mel'čuk 1987) несет смысл лексического типа. Так, конструкция N + NUM с числительным в постпозиции выражает смысл ≈ 'примерно' (*килограмм двадцать* 'примерно двадцать килограмм'), конструкция N_{ИМ} КАК N_{ИМ} — 'самый обычный' (*стол как стол* 'самый обычный стол') и т. п. В ГСинтС такая конструкция представляется фиктивной лексемой.

¹² (стр. 64) О кумулятивном выражении грамматических значений говорят в случае выражения нескольких граммем одним морфем. Ср. русскую и грузинскую словоформы существительных ГОРА и МТА 'гора':

гор+á	~ mta + Ø + Ø	гор+é	~ mta + Ø + s
ЕД.ИМ	ЕД ИМ	ЕД.ДАТ	ЕД ДАТ
гór+ы	~ mt + eb + i	гор+ám	~ mt + eb + s
МН.ИМ	МН ИМ	МН.ДАТ	МН ДАТ

В русском число и падеж выражаются кумулятивно (= одним морфем), а в грузинском — агглютинативно (= число — своим морфем, а падеж — своим).

¹³ (стр. 68) **Пресуппозиция.** Пресуппозицией называется та часть 'σ' смысла некоторого утверждения 'σ', которая остается утверждаемой при отрицании всего 'σ'; т. е. пресуппозиция не затрагивается общим отрицанием. Например (пресуппозиция показана пунктирной рамкой):

(i) а. Этот фильм, снятый Дзефирелли, идет завтра. ~

Неверно, что этот фильм, снятый Дзефирелли, идет завтра.

В (i-а) отрицается только то, что фильм идет завтра, но по-прежнему утверждается, что его снял Дзефирелли.

b. Этот фильм, который идет завтра, снят Дзефирелли. ~
Неверно, что этот фильм, который идет завтра, снят Дзефирелли.

В (i-b) отрицается только то, что фильм снял Дзефирелли, но по-прежнему утверждается, что он идет завтра.

¹⁴ (стр. 69) В (24d-ii) выступает фразеологизованное отрицание: свободное отрицание не затрагивает пресуппозиции, тогда как в *не сомневаться* пресуппозиция глагола СОМНЕВАТЬСЯ — ‘не считая², что Р имеет место’ — оказывается в сфере действия отрицания и превращается в ‘считая², что Р имеет место’. Иначе говоря, *не сомневаться* — это фразема, более точно — нестандартная коллокация глагола *сомневаться*. Данное свойство отрицания (см. Iordanskaja 1986: 355–356) должно быть эксплицитно указано в словарной статье глагола СОМНЕВАТЬСЯ.

¹⁵ (стр. 78) **Лексические функции.** Лексические функции были открыты в начале 1960-х годов, когда я работал в геологической экспедиции в полупустыне и в горах Южного Казахстана. По работе я часто должен был стоять, держа вертикально измерительную рейку, или медленно брести к указанной мне точке. В это время я много размышлял о проблемах машинного перевода, которым тогда активно занимался. В частности, я искал удобный метод, который позволил бы избежать многотысячных проверок лексического контекста, с помощью которых компьютер должен был находить переводной эквивалент многозначных английских и французских лексем. Например, английское прилагательное HEAVY переводится как:

СИЛЬНЫЙ, если оно относится к RAIN (*heavy rain* ≡ *сильный дождь*);

ТЯЖЕЛЫЙ, если оно относится к LOSSES [военные] (*heavy losses* ≡ *тяжелые потери*);

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ, если оно относится к LOSSES [финансовые] (*heavy losses* ≡ *значительные потери*);

ДЛИТЕЛЬНЫЙ, если оно относится к PRISON TERM (*heavy prison terms* ≡ *длительные сроки тюремного заключения*);

ВЫСОКИЙ, если оно относится к PRICE [фиг.] (*heavy price* ≡ *высокая цена*);

БОГАТЫЙ или ХОРОШИЙ, если оно относится к CROP (*heavy crop* ≡ *богатый/хороший урожай*); и т. д.

Подобных лексем очень много в любом языке: EXTENSIVE, HIGH, IMPORTANT и т. п., а также DO, MAKE, GIVE, GET, HAVE, и т. д. И для каждой надо было выписывать десятки, если не сотни подобных контекстуальных проверок!

И тут мне пришла в голову простая мысль: поскольку во всех случаях типа HEAVY речь идет об «усилении» (в широком смысле слова),

можно указывать для каждого русского существительного, какое именно прилагательное выражает усиление при нем. Сделать это в одном языке намного проще, быстрее и интереснее, чем подбирать эквиваленты для разных языков. Так родились две первые ЛФ: *Magп* и *Opег₁*. Я показал свои наброски А. К. Жолковскому, который не только сразу оценил потенциал соответствующего подхода, но и провел тонкие семантические различия между разными функциями. Началось наше плодотворное лингвистическое сотрудничество, которое продолжалось более десяти лет: Жолковский & Мельчук 1965, 1966, 1967.

- ¹⁶ (стр. 92) **Корень**. Под *корнем* здесь и ниже имеется в виду исключительно синхронный, т. е. современный, корень (в отличие от исторического корня). Это морф, синтактика которого содержит в основном информацию об **интер**лексемной сочетаемости, т. е. о сочетаемости словоформы, включающей данный корень, с другими словоформами во фразе.
- ¹⁷ (стр. 92) Клаузатив — это часть речи выражения, синтаксически эквивалентного независимому предложению (англ. *clause*, чем объясняется термин): *Да/Нет, Долой!, Фу!, Плюх!* и т. д. (Само выражение *и т. д.* также является клаузативом.)
- ¹⁸ (стр. 94) **Иконичность**. Мы видим здесь красивый пример иконичности языкового знака, т. е. логической связи между его означаемым и означающим: в данном случае, чем больше расстояние до предмета, определяемого указательным местоимением, тем длиннее означающее этого местоимения. Другой пример иконичности — удвоение для выражения смысла ‘слишком’ в дьирбале, 5.2.2, (36), стр. 91. Об иконичности языковых знаков см. Jakobson 1965 [1971: 350ff] и Haiman 1980.
- ¹⁹ (стр. 95) **Язык Pro-Drop**. Так называют языки, в которых личное местоимение опускается, если оно не выделено специальным ударением: Pro-Drop — это сокращение выражения *Pronoun Dropping* ‘опущение местоимения’. Ср. польскую фразу (i-a) и ее русское соответствие (i-b):
- (i) **a.** *Zawsze myślałem, że pisanie jest moim powołaniem.*
b. *Я всегда думал, что писать — это мое призвание.*
- (i-b) звучало бы странно без *Я*; в (i-a), напротив, *Ja* не нужно: польский язык — Pro-Drop.
- (Достоевский, в рассказе «Крокодил», говорит устами рассказчика: «Всего более обозлило меня то, что он почти уже совсем перестал употреблять личные местоимения — до того заважничал». В польском же, наоборот, как важничанье воспринимается слишком частое употребление *ja*.)

²⁰ (стр. 102) **Эргативная конструкция.** В языке, в котором имеются падежи, эргативная конструкция предложения — это предикативная конструкция «ПОДЛЕЖАЩЕЕ←СКАЗУЕМОЕ», где подлежащее маркируется не номинативом. (Конструкция, в которой подлежащее маркируется номинативом, — как, например, в русском и других славянских языках, — называется номинативной.)

²¹ (стр. 104) Сага о масайском пассиве на этом не кончается. В более поздних (конец 20-го века) описаниях масаи указывается, что употребление агентивного дополнения при «пассивных формах» стало невозможным, в результате чего данная глагольная форма изменила свой статус; в настоящее время ее диатеза выглядит так:

X	Y
—	II

Это классический бессубъектный супрессив, примерно того типа, который мы находим, например, в польском (польский супрессив, однако, не изменяется по временам и наклонениям и не имеет даже фиктивного подлежащего):

(i) *Nie przeczytano twoją książkę*_{ACC} букв. 'Не прочитано твою книгу'.

²² (стр. 106) Не следует думать, что семантический примитив вообще не разложим: его нельзя представить в терминах других лексических значений данного языка, хотя в принципе он может определяться с помощью внеязыковых понятий — логических, математических или физических. Так, смысл 'не/нет' (= отрицание) является семантическим примитивом: представляется невозможным истолковать лексемы НЕ и НЕТ посредством семантически более простых лексем русского языка. Однако в логике выражение «¬», соответствующее отрицанию (т. е. = 'не'), определяется без труда:

отрицание ¬: операция такая, что если А – истинное предложение, то ¬А ложное, и обратно.

Это вполне корректное определение, но оно ни в коей мере не является лексикографическим — ему нет места в русском толковом словаре. Вот еще три примера абсолютно правильных, но лексикографически неприемлемых определений: ВОДА ≡ H₂O; СВЕТ ≡ электромагнитные волны частоты φ; КОШКА ≡ *felis felis*. В них определяется не смысл соответствующего слова, а стоящее за ним научное понятие. Лексические смыслы 'вода', 'свет' и 'кошка' – это, разумеется, не семантические примитивы: в толковом словаре типа ТКС они могут и должны быть разложены.

²³ (стр. 122) Синтаксический признак лексемы L представляет собой ее частную характеристику, указывающую на способность L употребляться в некоторой конструкции.

²⁴ (стр. 127) *Балканскими* называют группу индоевропейских языков из разных ветвей этой семьи, которые распространены на Балканах: романский язык — румынский, славянские языки — болгарский и македонский (и в меньшей степени — сербский), а также новогреческий и албанский. Эти языки имеют большое количество общих структурных особенностей (постпозитивный артикль, отсутствие инфинитива, широкое использование местоименных клитик — безударных местоимений, и т. д.) и образуют языковой союз.

Литература

- Апресян, Ю. Д. 1969а. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. *Известия АН СССР. Серия лит. и языка*, 28: 1, 11–23.
- Апресян, Ю. Д. 1969б. О языке для описания значений слов. *Известия АН СССР. Серия лит. и языка*, 28: 5, 415–428.
- Апресян, Ю. Д. 1974. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- Апресян, Ю. Д. 1980. *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ⇔ Текст»*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. [Переиздано в кн.: Апресян 1995: 8–101.]
- Апресян, Ю. Д. 1995. *Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры.
- Апресян, Ю. Д. 2010. Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект. В кн.: *Апресян и др.* 2010: 281–377.
- Апресян, Ю. Д. и др. 2004. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. [2-ое издание, исправленное и дополненное.] Москва/Вена: Языки славянской культуры/Венский славистический альманах.
- Апресян, Ю. Д., Богуславский, И. М., Иомдин, Л. Л. & Санников, В. З. 2010. *Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*. Москва: Языки славянских культур.
- Апресян, Ю. Д., Дяченко, П. В., Лазурский, А. В. & Цинман, Л. Л. 2007. О компьютерном учебнике лексики русского языка. *Русский язык в научном освещении*, № 2(14), 48–112.
- Апресян, Ю. Д., Жолковский, А. К. & Мельчук, И. А. 1968. О системе семантического синтеза. III. Образцы словарных статей. *Научно-техническая информация. Серия 2*, № 11, 8–21.
- Апресян, Ю. Д. (ред.) 2010. *Перспектив активниот речник на рускиот јазик*. Москва: Языки славянских культур.
- Вежбицкая, А. 1996. *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Русские словари.
- Вежбицкая, А. 1999. *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки русской культуры.
- Вежбицкая, А. 2011. *Јазик. Култура. Познавање*. Москва: Языки славянских культур.
- Жолковский, А. К. 1964а. Предисловие. *МПиПЛ*, 8, 3–16.

- Жолковский, А. К. 1964б. О правилах семантического анализа. *МПиПЛ*, 8, 17–32.
- Жолковский, А. К. 1964с. Лексика целесообразной деятельности. *МПиПЛ*, 8, 67–103.
- Жолковский, А. К., Леонтьева, Н. Н. & Мартемьянов, Ю. Н. 1961. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе. В кн.: *Машинный перевод*, т. 2, Москва: Институт точной механики и вычислительной техники АН СССР, 17–46.
- Жолковский, А. К. & Мельчук, И. А. 1965. О возможном методе и инструментах семантического синтеза. *Научно-техническая информация*, nº 5, 23–28.
- Жолковский, А. К. & Мельчук, И. А. 1966. О системе семантического синтеза. I. Строение словаря. *Научно-техническая информация*, nº 11, 48–55.
- Жолковский, А. К. & Мельчук, И. А. 1967. О семантическом синтезе. *Проблемы кибернетики*, 19, 177–238.
- Иомдин, Л. Л. 2010. О модели русского синтаксиса. В кн.: *Апресян и др.* 2010: 21–43.
- Иорданская, Л. Н. & Мельчук, И. А. 2007. *Смысл и сочетаемость в словаре*. Москва: Языки славянских культур.
- Мельчук, И. А. 1974. *Опыт теории «Смысл ↔ Текст»*. Семантика, синтаксис. Москва: Наука.
- Мельчук, И. А. 1975. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики). *Семиотика и информатика*, 6 (= *Семантические и грамматические проблемы*), 6–50.
- Мельчук, И. А. 1978а. К построению системы понятий для морфологии. In: *Studia Linguistica A.V Issatschenko a collegis amicisque oblata*, Lisse: P. de Ridder Press, 267–287.
- Мельчук, И. А. 1978b. Формализация языка лингвистики (к постановке вопроса). *International Review of Slavic Linguistics*, 3: 3, 313–331.
- Мельчук, И. А. 1991. Еще раз к вопросу об эргативной конструкции. *Вопросы языкознания*, nº 4, 46–88.
- Мельчук, И. А. 1997–2006. *Курс общей морфологии. I–V*. Москва/Вена: Языки славянских культур/Wiener Slawistischer Almanach.
- Мельчук, И. А. 2012. Зависимости-2011: Отношение зависимости в языке и в лингвистике. *Вопросы языкознания*, nº 1, 3–26.
- МПиПЛ 8. 1964. *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, 8. Москва: 1-й Московский государственный институт иностранных языков.
- Падучева, Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. Москва: Наука.
- Alonso Ramos, M. 2004. Elaboración del Diccionario de colocaciones del español y sus aplicaciones. In: P. Bataner & J. de Cesaris (eds), *De Lexicografía*.

- Actes del I Simposium internacional de Lexicografia*, Barcelona: IULA y Edicions Petició, 149–162.
- Alonso Ramos, M. 2005. Semantic Description of Collocations in a Lexical Database. In: Kiefer, F. *et al.* (eds), *Papers in Computational Lexicography COMPLEX 2005*, Budapest: Linguistics Institute and Hungarian Academy of Sciences, 17–27.
- Alonso Ramos, M. 2006. Towards a Dynamic Way to Learn Collocations in a Second Language. In: E. Corina, C. Marello & C. Onesti (eds), *Proceedings of the 12th EURALEX International Congress, Torino 2006*, Alessandria: Edizioni dell'Orso, 909–923.
- Apresyan, Ju., Mel'čuk, I. & Žolkovsky, A. 1969. Semantics and Lexicography: Towards a New Type of Unilingual Dictionary. In: F. Kiefer (ed.), *Studies in Syntax and Semantics*, Dordrecht: Reidel, 1–33.
- Auger, P. 1965. Les modèles dans la science. *Diogenes*, n° 52, 3–15.
- Bierwisch, M. 2011. Semantic Features and Primes. In: C. Maienborn, K. von Heusinger & P. Portner (eds), *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning*, Vol. 1, Berlin: de Gruyter/Mouton, 322–357.
- Chao, Y.-R. 1962. Models in Linguistics and Models in General. In: Nagel *et al.* (eds) 1962: 558–566.
- Frege, G. 1892. Sinn und Bedeutung. In: G. Frege, *Funktion, Begriff, Bedeutung*, 1962, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 38–63.
- Goddard, C. & Wierzbicka, A. (eds) 2002. *Meaning and Universal Grammar. Theory and Empirical Findings. Vols I–II*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Haiman, J. 1980. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation. *Language*, 56: 4, 515–540.
- Halmos, P. 1957. Nicolas Bourbaki. *Scientific American*, n° 5, 88–99.
- Iordanskaja, L. 1986. Propriétés sémantiques des verbes promoteurs de la négation en français. *Linguisticæ Investigationes*, 10: 2, 345–380.
- Iordanskaja, L. & Mel'čuk, I. 2009. Connotation (in Linguistic Semantics). In: S. Kempgen, P. Kosta, T. Berger & K. Gutschmidt (eds), *The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History and their Investigation*, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 875–882.
- Iordanskaja, L. & Paperno, S. 1996. *A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body*. Columbus (OH): Slavica Publishers.
- Jakobson, R. 1965. Quest for the Essence of Language. In: R. Jakobson, *Selected Writings*, Vol. II, 1971, The Hague/Paris: Mouton, 345–359.
- Keenan, E. 1976. Towards a Universal Definition of Subject. In: Ch. Li (ed.), *Subject and Topic*, New York, etc.: Academic Press, 303–333.
- Kittredge, R. 2000. Interlingual Modelling: An Application Perspective. In: A. Gelbukh (ed.), *CICLing-2000. Conference on Intelligent Text Processing and Computational Linguistics*, Mexico: Instituto Politécnico Nacional, 19–29.

- Krifka, M. 2011. Varieties of Semantic Evidence. In: C. Maienborn, K. von Heusinger & P. Portner (eds), *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning, Vol. 1*, Berlin: de Gruyter/Mouton, 242–268.
- Lux-Pogodalla, V. & Polguère, A. 2011. Construction of a French Lexical Network: Methodological Issues. In: *Proceedings of the First International Workshop on Lexical Resources, WoLeR 2011. An ESSLLI 2011 Workshop*, Ljubljana, Slovenia, 54–61.
- Mel'čuk, I. 1973. Towards a Linguistic «Meaning ⇔ Text» Model. In: F. Kiefer (ed.), *Trends in Soviet Theoretical Linguistics*, Dordrecht: Reidel, 33–57.
- Mel'čuk, I. 1981. Meaning-Text Models: A Recent Trend in Soviet Linguistics. *Annual Review of Anthropology*, v. 10, 27–62.
- Mel'čuk, I. 1982. *Towards the Language of Linguistics*. München: Wilhelm Fink.
- Mel'čuk, I. 1987. Un affixe dérivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. Essai de description formelle. *Revue des études slaves*, 59: 3, 631–648. [Перепечатано в кн.: Mel'čuk 1995: 325–346.]
- Mel'čuk, I. 1988. *Dependency Syntax: Theory and Practice*. Albany (NY): The SUNY Press.
- Mel'čuk, I. 1989. Semantic Primitives from the Viewpoint of the Meaning-Text Linguistic Theory. *Quaderni di semantica*, 10: 65–102.
- Mel'čuk, I. 1992a. Paraphrase et lexique: la théorie Sens-Texte et le Dictionnaire explicatif et combinatoire. In: Mel'čuk *et al.* 1984–1999: vol. 3, 9–58.
- Mel'čuk, I. 1992b. Towards a Logical Analysis of the Notion 'Ergative Construction'. *Studies in Language*, 16: 1, 91–138.
- Mel'čuk, I. 1993–2000. *Cours de morphologie générale*. Vol. 1–5. Montréal/Paris, Presses de l'Université de Montréal/Éditions du C.N.R.S. Vol. 1 (1993); vol. 2 (1994); vol. 3 (1996); vol. 4 (1997); vol. 5 (2000).
- Mel'čuk, I. 1995. *The Russian Language in the Meaning-Text Perspective*, Moskva/Wien: Jazyki russkoj kul'tury/Wiener Slawistischer Almanach.
- Mel'čuk, I. 1996. Lexical Functions: A Tool for the Description of Lexical Relations in the Lexicon. In: Wanner (ed.) 1996: 37–102.
- Mel'čuk, I. 1997. Grammatical Cases, Basic Verbal Construction, and Voice in Maasai: Towards a Better Analysis of the Concepts. In: W. Dressler, M. Prinzhorn & J. Rennison (eds), *Advances in Morphology*, 1997, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 131–170.
- Mel'čuk, I. 2001. *Communicative Organization of Sentences in Natural Language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, I. 2004. Actants in Semantics and Syntax I/II: Actants in Semantics/Actants in Syntax. *Linguistics*, 42: 1, 1–66; 42: 2, 247–291. [Русский вариант в кн.: Иорданская & Мельчук 2007: 39–184.]
- Mel'čuk, I. 2006a. *Aspects of the Theory of Morphology*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Mel'čuk, I. 2006b. Calculus of Possibilities as a Technique in Linguistic Typology. In: F. Ameka, A. Dench & N. Evans (eds), *Catching Language*.

- The Standing Challenge of Grammar Writing*, Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 171–205.
- Mel'čuk, I. 2009. Dependency in Natural Language. In: Polguère, A. & Mel'čuk, I. (eds), *Dependency in Linguistic Description*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1–110.
- Mel'čuk, I. 2011. Word Order in Russian. In: I. Boguslavskij, L. Iomdin & L. Krysin (eds), *Slovo i jazyk (Sbornik statej k vos'midesjatiletiju akademika Ju. D. Apresjana)*, Moskva: Jazyki slavjanskix kul'tur, 499–525.
- Mel'čuk, I. 2012. *Semantics: From Meaning to Text*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, I. et al. 1984–1999. *Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain : Recherches lexico-sémantiques. I–IV*. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal.
- Mel'čuk, I., Clas, A. & Polguère, A. 1995. *Introduction à la lexicologie explicative et combinatoire*. Louvain-la-Neuve: Duculot.
- Mel'čuk, I. & Polguère, A. 2007. *Lexique actif du français. L'apprentissage du vocabulaire fondé sur 20 000 dérivationes sémantiques et collocations du français*. Bruxelles: De Boeck.
- Mel'čuk, I. & Wanner, L. 2001. Towards a Lexicographic Approach to Lexical Transfer in Machine Translation (Illustrated by the German-Russian Pair). *Machine Translation*, 16, 21–87.
- Mel'čuk, I. & Wanner, L. 2006. Syntactic Mismatches in Machine Translation. *Machine Translation*, 20, 81–138.
- Mel'čuk, I. & Wanner, L. 2008. Morphological Mismatches in Machine Translation. *Machine Translation*, 22: 3, 101–152.
- Mel'čuk, I. & Zholkovsky, A. 1984. *Explanatory Combinatorial Dictionary of Modern Russian*. Wien: Wiener Slavistischer Almanach.
- Milićević, J. 2007. *La paraphrase. Modélisation de la paraphrase langagière*. Bern etc.: Peter Lang.
- Molino, J. 1985. Où en est la morphologie? *Langages*, 78, 5–40.
- Nagel, E., Suppes, P. & Tarski, A. (eds). 1962. *Logic, Methodology and Philosophy of Science*. Stanford (CA): Stanford University Press.
- Polguère, A. 2009. Lexical Systems: Graph Models of Natural Language Lexicons. *Language Resources and Evaluation*, 43: 1, 41–55.
- Queneau, R. 1963. *Bords: mathématiciens, précurseurs, encyclopédistes*. Paris: Hermann.
- Saussure, de, F. (1916[1962]) *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot.
- Tesnière, L. 1959. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck.
- Thompson, S., Park, J. & Li, Ch. 2006. *A Reference Grammar of Wappo*. Berkeley/Los Angeles/London: University of California Press; <http://escholarship.org/uc/item/0dv86220>.
- Tucker, A. & ole Mpaayei, J. T. 1955. *A Maasai Grammar with Vocabulary*. London: Longmans, Green and C^o.

-
- Vincze, O., Mosqueira, E. & Alonso Ramos, M. 2011. An Online Collocation Dictionary of Spanish. In: I. Boguslavsky & L. Wanner (eds), *Proceedings of the 5th International Conference on the Meaning-Text Theory, Barcelona, Sept. 8–9 2011*, 275–286.
- Wanner, L. (ed.). 1996. *Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Wierzbicka, A. 1969. *Dociekania semantyczne*. Wrocław/Warszawa/Kraków: Wydawnictwo PAN.
- Wierzbicka, A. 1972. *Semantic Primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum.
- Wierzbicka, A. 1980. *Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language*. Sydney etc.: Academic Press.
- Wierzbicka, A. 1987. *English Speech Verbs: A Semantic Dictionary*. Sydney etc.: Academic Press.
- Wierzbicka, A. 1991. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka, A. 1996. *Semantics. Primes and Universals*. Oxford/New York: Oxford University Press.

Предметный указатель с глоссарием

- аблативная конструкция абсолютная (в латинском): 67
конструкция $N_{\text{АБЛ}} + \text{PARTIC}(V)$, означающая \approx 'при N, которое V';
например, *testamento facto* 'когда завещание было сделано' или *mortuo Alexandro* 'когда умер Александр'. В старославянском был аналогичный оборот: абсолютная дативная конструкция.
- автономность (языкового выражения)
см. Определение 4, стр. 97.
- актант семантический (лексемы L) 71, 73, 74, 111, 113, 140, 146, 162, 166, 171:
семантический зависимый лексемы L (= аргумент предиката 'L').
- актант синтаксический (лексемы L) 44, 61, 73, 74, 113, 114, 121, 138, 146, 164, 166, 171:
синтаксический зависимый лексемы L, либо соответствующий ее семантическому актанту, либо сходный по поведению с таким зависимым.
- анализ языковой 11, 12, 22, 23, 31, 54, 105:
выполняемая говорящими процедура перехода от текста к смыслу.
- антецедент местоимения 42, 46, 164:
лексема, к которой отсылает данное местоимение-заменитель; например: в *Света споткнулась, но я подхватил ее под руку* существительное СВЕТА — антецедент местоимения *ее*.
- апофония 64, 88, 90, 91, 100, 102, 151:
несегментный языковой знак, означающим которого является чередование фонем; например: английская глагольная форма *sang* 'пел/пела/пели' образована от *sing* 'петь' посредством чередования $i \Rightarrow a$, которое и выражает ПРОШ(едшее время).
- Апресян, Юрий 7, 14, 20, 67, 104, 108, 109, 117:
русский лингвист (род. 1930); один из основателей подхода Смысл-Текст; известен своими работами по русистике, общей лингвистике, семантике, лексикологии и лексикографии, компьютерной лингвистике и т. д.
- аргумент (предиката) 37, 41, 54, 71, 76, 116, 122, 145–146, 149, 167:
смысл, заполняющий «пустую» позицию предиката; так, предикат 'приказывать (X, Y, Z)' имеет три аргумента: X — кто приказывает, Y — кому приказывает и Z — что приказывает делать.

- аффикс 88, 92, 93, 94, 96, 167, 170:
морф, не являющийся корнем; например: *за+плакать* и *плач+ет*.
- валентность синтаксическая пассивная (синтаксической единицы) 117, 119, 120, 124:
набор типов синтаксических единиц, к которым можно присоединять данную синтаксическую единицу в составе правильного выражения, не нарушая его правильности.
- Вежбицкая, Анна 40, 67, 104, 106:
польский лингвист, проживающая в Австралии (род. 1938); одна из создателей современной семантики, автор методологии семантических разложений и теории семантических примитивов.
- глайд 32, 85, 134, 135:
языковой звук (= фон), не являющийся ни гласным, ни согласным.
- грамматика 13, 23, 24, 28, 40, 109, 147, 169:
один из двух основных компонентов языка (другой компонент — словарь), который объединяет все правила, задающие поведение лексических единиц данного языка в терминах классов этих единиц.
- грамматика формальная 16, 22, 147:
логическое устройство, т. е. система правил определенного типа, задающее некоторое множество, обычно — бесконечное.
- граммема 42, 43, 47, 49, 50, 55–57, 59, 61, 64, 88, 90, 92, 95, 100, 122–125, 150, 151:
элемент словоизменительной (= флективной) категории; например: граммемы времени — НАСТ, ПРОШ и БУД, граммемы лица — 1, 2, 3, граммемы числа — ЕД и МН и т. д.
- денотат (знака) 95, 125, 171:
множество всех возможных референтов знака; в большинстве случаев — бесконечное.
- дерево зависимостей 41, 48:
формализм, используемый в подходе Смысл-Текст для представления синтаксической структуры: граф, такой, что в нем каждый узел, кроме одного, принимает одну и ровно одну стрелку, а один и ровно один узел не принимает ни одной стрелки (этот узел называется вершиной дерева).
- Жолковский, Александр 7, 14, 20, 67, 109, 153:
русский лингвист и литературовед (род. 1937), проживающий в США; один из основателей подхода Смысл-Текст; известен своими работами по семантике, по языку сомали, по структурной поэтике и по истории литературы.
- знак языковой 20, 23, 26, 32, 36, 43, 50, 60, 64, 88–90, 92–99, 116, 148, 151, 153, 162, 163, 164, 166, 168, 169, 170, 171:
упорядоченная тройка ⟨означаемое, означающее, синтактика⟩. См. Определение 2, стр. 90.

- идиома 20, 43, 47, 56, 59, 60, 76, 128, 165, 171:
некомпозиционная фразема (например, 'СИНИЙ ЧУЛОК' 'ученая женщина, не заботящаяся о своей внешности').
- изафетная конструкция 123, 146:
конструкция, состоящая из существительного N и его постпозитивного зависимого (или зависимых), в которой к N прибавляется суффикс (называемый **изафет**), маркирующий факт наличия зависимого у N. Например: перс. *dāftār* 'тетрадь', *mān* 'я', а 'моя тетрадь' — *dāftār+e mān*; или *xandān* 'чтение', *ketab* 'книга', а 'чтение книги' — *xandān+e ketab*.
- изоморфный 30:
множество **A** и множество **B** изоморфны, если и только если 1) каждому элементу $a \in A$ соответствует один и только один элемент $b \in B$ и обратно, 2) для любой пары элементов a_i, a_j , связанных отношением **R**, верно, что пара соответствующих элементов b_i, b_j также связана тем же самым отношением **R**.
- имя семантическое 37, 164:
смысл, соответствующий некоторой сущности: предмету, существу, веществу.
- источник местоимения 42, 46:
существительное, заменяемое местоимением при наличии антецедента; например: в *дом₁*, на крыше которого [\Leftarrow дома₂]... существительное ДОМ₁ — антецедент местоимения КОТОРЫЙ, а ДОМ₂ — его источник.
- Кантор, Георг 89:
немецкий математик (1845–1918), создатель теории множеств.
- 'каузировать1' 80, 119:
русская искусственная семантема: неагентивная каузация; 'X каузирует1 Y' = 'X является причиной Y-а' (например, в *Голод заставил Ивана выйти*).
- 'каузировать2' 80, 81:
русская искусственная семантема: агентивная каузация; 'X каузирует2 Y' = 'X является каузатором Y-а' (например, в *Машиа заставила Ивана выйти*).
- квазипредикат 37:
смысл, соответствующий сущности (как семантическое имя), но имеющий аргументы (как предикат); например: 'письмо' — *от кого, кому, о чем* или 'министр' — *чего, какой страны*.
- клитика 98, 145, 155:
безударное слово, фонетически обязательно примыкающее к определенной ударной словоформе во фразе; например, фр. **je**, **te** и **la** в *Je te la donne* 'Я тебе ее даю'.

- коллокация 43, 58, 60, 70–72, 76, 82, 121, 126, 127, 150, 152, 171:
композиционная двучленная фразема, в которой один элемент, база, выбирается говорящим свободно, а второй, коллокат, — как функция от первого.
- коммуникативно-доминантный узел 39, 150:
см. примечание 8, стр. 150.
- композиционность (сложного знака) 43, 96:
свойство сложного знака $X\bar{Y}$, состоящее в том, что он может быть построен из более простых знаков X и Y по общим правилам данного языка; формально: $X\bar{Y} = X \oplus Y$. См. Определение 3, стр. 96.
- коннотация (лексемы) 113:
смысл, который язык ассоциирует с данной лексемой, но который не является компонентом в ее толковании; например: коннотация слова ЗАЯЦ — «трусость», а слова КРОЛИК — «плодовитость».
- концептика 53:
модель (система правил), задающая соответствие между КонцептП и СемП.
- кореферентность 36, 41, 42, 46:
отношение между двумя семантемами или двумя лексическими единицами во фразе, которые имеют один и тот же референт; обозначается двунаправленной пунктирной стрелкой: ' $X \leftarrow \dots \rightarrow Y$ '.
- ларингальный (фон = звук) 135
произносимый в гортани.
- лексема 13, 43, 44, 47–49, 56, 57, 60, 61, 67–71, 75, 77–79, 88, 92, 96, 97, 99, 100, 107, 111–117, 122–126, 131, 140, 144, 151, 152, 154, 155, 162, 164, 165, 166, 168, 170:
слово, взятое в одном значении, — множество всех соответствующих словоформ и аналитических форм, различающихся лишь флективными значениями. См. Определение 9, стр. 99.
- лексическая единица [= ЛЕ] 13, 20, 37, 40–44, 46, 55–57, 59–61, 70, 71, 73, 75, 76, 78, 81, 82, 96, 104, 109, 111–113, 122, 131, 140, 141, 143:
лексема или идиома.
- «—«—, полнозначная (= полная, знаменательная) 42–43, 169, 170:
имеющая смысл, т. е. соответствующая фрагменту СемС.
- «—«—, служебная 40, 42, 47:
не имеющая смысла, т. е. не соответствующая никакому фрагменту СемС; используется для маркировки синтаксических отношений.
- лексическая сочетаемость ограниченная 32, 70, 76, 81–82, 115, 170:
возможность/невозможность комбинировать ЛЕ L_1 и L_2 для выражения заданного смысла в зависимости от L_1 или L_2 .

- лексическая функция [= ЛФ] 13, 20, 32, 43, 47, 58, 60, 69–79, 81, 93, 114–121, 128, 131, 150, 152, 153:
 функция, сопоставляющая некоторой ЛЕ L (ее ключевому слову) множество ЛЕ, которые выражают при L некоторый данный смысл как функцию от L.
- «—«—, парадигматическая 72, 73:
 ЛФ, которая ставит в соответствие ключевому слову L различные ЛЕ, являющиеся семантическими дериватами L; семантический дериват лексической единицы L используется в тексте вместо L.
- «—«—, синтагматическая 72, 74:
 ЛФ, которая ставит в соответствие ключевому слову L различные ЛЕ, являющиеся коллокатами L; коллокат лексической единицы L используется в тексте вместе с L.
- лексический 25, 32, 43, 50:
 относящийся к слову, т. е. к лексическим единицам.
- логический (= порочный) круг 105, 112, 166:
 появление определяемого в определяющем; например: X в выражении $X = Y + Z + X + W$. Наличие логического круга ведет к абсурду.
- местоимение-субститут (= местоимение-заменитель) 41, 42, 47, 126, 162, 168:
 местоимение 3-го лица, заменяющее во фразе некоторое конкретное существительное (его источник): ОН, ОНА, ОНО, ОНИ, КОТОРЫЙ, КАКОВОЙ.
- метаязык лингвистики 31, 87, 89:
 формальная система понятий, конструируемая лингвистами для описания и моделирования естественных языков.
- минимальный X 98:
 X, который не включает в свой состав другие X-ы той же природы. См. Определение 5, стр. 98.
- модель управления [= МУ] 61, 71, 93, 113, 114, 117:
 способ задания соответствия между семантическими и синтаксическими актантами лексемы; например: у ЛЮБИТЬ Сем-актант X (кто испытывает чувство) — синтаксически подлежащее, а Y (на кого/что направлено чувство) — прямое дополнение, тогда как у ПРАВИТЬСЯ — (почти) наоборот: Y — подлежащее, а X — косвенное дополнение.
- модуль (модели Смысл-Текст) 13, 26–28, 31, 33–35, 41, 45, 48–50, 52–54, 56, 58, 59, 61, 63, 64, 69, 84:
 один из шести основных компонентов модели Смысл-Текст.
- морф 50, 64, 65, 88, 92, 96, 98, 151, 153:
 элементарный сегментный знак; например: **рук-**, **-ами**, **сп-** (в *сп+ать*), **через**, **что**, **ух!** и т. п.

- морфема 49, 50, 64, 88, 151:
множество морфов, которые 1) имеют тождественное означаемое и 2) распределены в зависимости от контекста в пределах словоформы; например: морфы **угол-**, **угл-** и **угл'**- (в *yɫl+e*) принадлежат к морфеме {УГОЛ}.
- номинатив (= именительный) 102:
падеж назывной формы существительного
- операция языкового объединения \oplus 50, 96, 104:
операция, объединяющая единицы языка L по общим (= грамматическим) правилам языка L с учетом свойств данных единиц.
- Определение 1: функциональная модель 18
- Определение 2: языковой знак 90
- Определение 3: композиционность (языкового знака) 96
- Определение 4: автономность (языкового знака) 97
- Определение 5: минимальность (языкового знака) 98
- Определение 6: словоформа 98
- Определения 7-8: языковая/речевая словоформа 99
- Определение 9: лексема 99
- падеж субъектный (= субъектив) 103:
падеж, употребляющийся только для маркировки подлежащего и при этом — любого подлежащего (но не как падеж называния — в отличие от номинатива).
- падеж эргативный (= эргатив) 102:
падеж, употребляющийся только для маркировки подлежащего, но не любого, а прежде всего подлежащего переходного глагола.
- парадигматическая ось 32, 66, 169:
воображаемая ось, на которой протипоставляются друг другу различные взаимоисключающиеся языковые единицы; эта ось соответствует операции выбора (= селекции), производимой Говорящим, с тем чтобы соединить выбранные единицы на синтагматической оси.
- перифраза (фразы P') 22, 28–30, 38, 39, 57, 72, 149, 160:
фраза P, синонимичная фразе P'.
- перифразирование 27–29, 38, 54, 55, 57–59, 72, 78:
построение фраз P'_i, синонимичных фразе P.
- перформативный глагол 24:
глагол, употребление которого в 1ЕД настоящего времени индикатива составляет действие, обозначенное глаголом; так, чтобы совершить действие «клясться», Говорящий должен произнести *Я клянусь*.
- предикат (семантический) 25, 37, 40, 71, 73, 122, 149, 162, 164, 171:
смысл, неполный без некоторых других смыслов, для которых он имеет «места», или «позиции», и которые являются его аргументами;

- так, предикат 'убежден' имеет два места (= два аргумента): *X убежден в том, что Y*.
- представление концептуальное 30, 39, 40, 50–53:
 символическое представление психического отражения фрагмента действительности (о котором идет речь).
- представление семантическое 21, 28, 31, 33, 37, 50, 52, 53, 121:
 представление смысла семейства (более или менее) синонимичных фраз — в терминах семантем и связей между ними.
- представление фонетическое 21, 33–34, 50, 52, 53:
 представление фразы в терминах фонов, т. е. артикулируемых звуков [= фонетическая транскрипция фразы].
- префикс 25, 92, 94–95, 99, 146, 172, 173:
 аффикс, предшествующий корню; например: *над+писать* или *мини+буфет*.
- пресуппозиция 68, 81, 118, 151, 152:
 часть сложного смысла, которая продолжает утверждаться при отрицании всего смысла; например, в 'идиот' ≈ 'очень глупый человек' смысл 'человек' является пресуппозицией: *Кабу не идиот!* утверждает, что Кабу — человек, и отрицает только, что он очень глуп.
- признак синтаксический 60, 63, 92, 122, 155:
 свойство ЛЕ L (зафиксированное в ее синтактике), характеризующее L по ее способности/неспособности употребляться в определенных синтаксических конструкциях; например, «(длит)» кодирует способность существительного употребляться для обозначения продолжительности: *Весь спектакль он думал...* vs. **Весь фильм он думал...*
- «ПРИМЕРНО» 43, 47:
 фиктивная лексема, изображающая русскую аппроксимативно-количественную конструкцию типа *дней пять*.
- примитив семантический 40, 105, 106, 112, 154, 163:
 смысл, неразложимый в терминах других смыслов того же языка.
- пролеписис 87, 100, 149:
 член предложения, слабо связанный с остальной частью предложения, размещаемый в абсолютном его начале и выражающий коммуникативную тему предложения.
- прономинализация 41, 42, 47:
 введение в поверхностно-синтаксическую структуру фразы местоимений-заменителей (например, ОН или КОТОРЫЙ).
- разложение смысла 55, 67–69, 79, 104–106, 108, 112, 163:
 представление данного смысла в терминах нескольких более простых смыслов (например: 'неграмотный X' = 'X, не умеющий читать и писать — в обществе, где существует письменность').
- распределение дополнительное 50, 84, 148:

распределение элементов в тексте, при котором каждый из них выступает в контекстах, отличных от контекстов любого другого; например: А возможно только в контексте X_1AX_2 , а В — только в контексте Y_1BY_2 , причем $X \neq Y$.

референт (знака *s*) 36, 95, 113, 163, 168, 171:

сущность или факт в реальном мире, к которому отсылает означаемое знака *s*, употребленного в конкретном тексте.

референциальный статус (семантемы) 36, 95:

свойство семантемы, употребленной в высказывании, которое заключается в том, какой у нее референт — конкретно-индивидуальный или родовой, может или нет Говорящий и/или Адресат отождествить этот референт на основании данного высказывания и т. п.

сегмент 90:

цепочка фонем, соответствующая означаемому некоторого знака (данного языка).

семантема 35–37, 39, 40, 43, 55, 96, 104–108, 122, 164, 165, 167–168, 170:

смысловая единица данного языка — значение его некоторой знаменательной (= полнозначной) лексической единицы.

сеть семантическая 29, 37, 40, 123, 170:

формализм, используемый для представления смысла: размеченный направленный связный граф, вершины (= узлы) которого помечены семантемами данного языка, а дуги (= стрелки) — номерами предикатно-аргументных отношений.

сигналатив 24, 25:

лексическая единица или иной языковой знак, означаемое которого включает компонент, сигнализирующий отношение или мнение говорящего по поводу содержания или формы его высказывания.

сигнализировать 119, 169:

использовать один из двух режимов речеобразования (второй — сообщать), при котором Говорящий выбирает такую форму высказывания, которую невозможно ни отрицать, ни поставить под вопрос; например: *Эта книга очень интересная* сообщено, а *Какая интересная книга!* — сигнализировано.

синтагматическая ось 32, 66, 167:

воображаемая ось, на которой соединяются друг с другом различные языковые единицы; эта ось соответствует операции соединения (= комбинации), производимой Говорящим над единицами, которые он выбрал на парадигматической оси.

синтактика 20, 56, 60, 63, 90, 92, 93, 95, 96, 153, 163, 167:

третий компонент языкового знака — совокупность указаний, задающих сочетаемость знака с другими знаками.

- синтез языковой 11, 12, 22, 23, 28, 31, 33–35, 54, 58, 60, 110:
выполняемая говорящими процедура перехода от смысла к тексту.
- склеивание 119:
единое выражение ключевого слова ЛФ и элемента ее значения; например: *Магп(вкусный) = очень // пальчики оближешь*, т. е. ‘очень вкусный’.
- словарь 13, 23, 24, 28, 40, 70, 77, 83, 84, 109, 114, 115, 147, 163:
один из двух основных компонентов языка (другой компонент — грамматика), который объединяет все лексические единицы данного языка, снабженные информацией, необходимой для их использования в соответствии с правилами грамматики.
- словоформа 26, 49, 53, 61, 88, 92, 94–100, 104, 150, 153, 164–166:
слово, взятое в одном значении и в определенной форме; например, **слово, одном, взяли, взятую, и, к** и т. д. См. Определения 6–8, стр. 98–99.
- смысл (языковой) 11–13, 20–41, 43, 44, 52, 54, 67, 69, 71, 73, 79, 81, 82, 83, 86, 90, 93, 104–108, 110, 112–115, 125, 147, 149, 150, 151, 162, 164, 165, 167–171:
инвариант множества синонимичных высказываний.
- Соссюр, де, Фердинанд 66, 89:
швейцарский лингвист (1857–1913), заложивший основы современной науки о языке.
- сочетаемость (ограниченная языковых единиц) 26, 32, 66, 69, 70, 76, 79–82, 93, 96, 97, 111, 113–116, 131, 153, 165, 169:
способность (языковых единиц) соединяться друг с другом независимо от их смысла и формы.
- структура глубинно-синтаксическая 27, 41, 42, 45, 86:
изображение синтаксической организации фразы на глубинном уровне — в виде дерева зависимостей, узлы которого помечены только полнозначными ЛЕ данной фразы, а ветви — универсальными глубинно-синтаксическими отношениями.
- структура поверхностно-синтаксическая 45, 46, 48, 168:
изображение синтаксической организации фразы на поверхностном уровне — в виде дерева зависимостей, узлы которого помечены всеми ЛЕ фразы, а ветви — национальными поверхностно-синтаксическими отношениями.
- структура семантическая 27, 34, 37–40, 79, 86:
изображение смысла семейства синонимичных фраз — в виде сети, узлы которой помечены семантемами данного языка, а ветви — номерами предикатно-аргументных отношений.

- супрафикс 90, 91:
элементарный знак, означающим которого является просодема (тон или ударение).
- супрессив 32, 154:
грамматический залог, маркирующий утрату одного из синтаксических актантов глагола (при сохранении соответствующего семантического актанта).
- суффикс 92:
аффикс, следующий за корнем; например: *пис+а+вш+ему* или *желт+ую*.
- толкование 68, 69, 79–82, 107, 111–113, 164:
словарное (= лексикографическое) определение лексемы.
- «транскрипция семантическая» 22, 40:
метафорическое обозначение способа записи языкового смысла с помощью семантических сетей.
- транскрипция фонемная 20, 84, 148:
способ записи текста с помощью фонемных символов (в косых скобках): /skórkə/ *скобка*.
- транскрипция фонетическая 20, 21, 53, 141, 167:
способ записи текста с помощью фонетических символов (в квадратных скобках): [skórkə] *скобка*. Фонетическая транскрипция эксплицитно выражает различия в произношении фонем в зависимости от контекста; так, в русском языке показывается редукция заударного /a/ в [э].
- фарингальный (звук = фон) 135:
звонкий, т. е. произносимый очень глубоко в горле.
- фон 148:
языковой звук языка L, различаемый и воспроизводимый говорящими.
- фонема 48, 65, 90, 127, 148:
множество фонем языка L, никогда не различающих знаки этого языка.
- фраза 12, 26, 31–33, 35, 37, 38, 41, 42, 45, 47–50, 53, 61–63, 86, 96, 104, 110, 115, 122, 123, 128, 129, 144–146:
максимальный отрезок текста, внутри которого действуют правила данного языка; выступает между двумя полными паузами и характеризуется особой просодией.
- фразема 43, 60, 135, 150, 152, 163, 164:
несвободное словосочетание, т. е. словосочетание, которое не строится говорящим по частям, а хранится в памяти и воспроизводится целиком. Фраземы делятся на некомпозиционные — идиомы — и композиционные — коллокации и клише (с включением прагматем).
- Фреге, Готлоб 52, 95:
немецкий математик и логик (1848–1925), создатель логики предикатов; установил различие между смыслом и денотатом/референтом знака.

- функциональная модель 15–19, 54, 67:
см. Определение 1, стр. 18.
- Хомский, Ноам 16:
американский лингвист (род. 1927), создатель теории порождающей грамматики (= генеративизма) и теории универсальной грамматики.
- шифтер 24:
лексема (или иной языковой знак), смысл которого включает отсылку к Говорящему, т. е. к ‘я’; например: ‘сейчас’ = ‘момент, в который Говорящий произносит *сейчас*’.
- эгоцентричность языка 23, 24:
свойство естественных языков включать в смыслы большого числа слов, грамматических форм и синтаксических конструкций отсылку к ‘я’; например: ‘здесь’ = ‘место, где я произношу *здесь*’; или НАСТ(оящее) время глагола L = ‘факт L имеет место в момент, когда я произношу глагол L’.
- энантиосемия 147–148:
отношение между двумя значениями одного слова (в одном языке) или двумя этимологически идентичными словами (в двух разных языках), которые имеют противоположный смысл, как, например, ОДОЛЖИТЬ *что* — *у кого* [взять] и ОДОЛЖИТЬ *что* — *кому* [дать].
- эргативная конструкция 102, 154:
предикатная конструкция, в которой подлежащее маркируется не номинативом.
- язык албанский 122, 155:
албанская ветвь индо-европейской семьи.
- язык алюторский 25:
чукотско-камчатская семья.
- язык английский 39–40, 51, 58, 59, 61, 65, 70, 75, 77, 78, 82, 95, 96, 109, 125, 130, 134, 135, 147, 148, 152:
германская ветвь индо-европейской семьи.
- язык арабский 76, 77:
семитская ветвь семито-хамитской семьи.
- язык ваппо 102:
мертвый язык (последняя носительница скончалась в 1990 году); один из двух языков юкийской семьи; Калифорния, США.
- язык венгерский 76, 77:
угорская ветвь уральской семьи (к этой ветви принадлежат также языки ханты и манси в низовьях Оби).
- язык голландский 75:
германская ветвь индо-европейской семьи.

- язык грузинский 151:
картвельская (= южно-кавказская) семья.
- язык дьирбал 91:
австралийская семья (264 родственных языка), Австралия.
- язык иврит 151:
семитская ветвь семито-хамитской семьи.
- язык идиш 91:
германская ветвь индо-европейской семьи; язык ашкеназийских евреев.
- язык испанский 32, 70, 83–85, 91–92, 95, 98, 117, 127, 131, 135, 135:
романская группа италийской ветви индо-европейской семьи.
- язык кирунди 94:
группа *банту* (см. языки банту). Корень **-rundi** обозначает конкретное этническое объединение, а префикс именного класса VII, **ki-**, значит ‘язык’ (ср. *киконго*, *киньяруанда*, *кисуахили* и т. п.).
- язык китайский 76, 77:
сино-тибетская семья (840 миллионов носителей).
- язык корейский 75:
языковой изолят; ряд исследователей относит его к алтайской семье.
- язык латинский 145:
италийская ветвь индо-европейской семьи.
- язык масаи 100–103, 154:
нилотская ветвь нило-сахарской семьи; Кения.
- язык мегрельский 102:
картвельская (= южно-кавказская) семья.
- язык немецкий 61, 75–77, 95, 99, 103, 109, 148:
германская ветвь индо-европейской семьи.
- язык персидский 126–127:
иранская ветвь индо-европейской семьи.
- язык польский 61, 109, 134 148, 153, 154:
славянская ветвь индо-европейской семьи.
- язык табасаранский 145:
лезгинская ветвь нахско-дагестанской (= северо-кавказской) семьи.
- язык турецкий 150:
тюркская ветвь алтайской семьи.
- язык французский 23, 61, 70, 77, 78, 99, 102–104, 115, 117, 131, 147, 148, 152:
романская группа италийской ветви индо-европейской семьи.
- язык чинантек 91:
отомангская семья; Мексика.
- язык эскимосский 94:
эскимосско-алеутская семья.

язык японский 25, 109, 149:

языковой изолят; ряд исследователей относит его к алтайской семье, тогда как другие — к австронезийской.

языки банту 25:

522 родственных языка в Африке: группа внутри ветви вольта-конго в конго-кордофанской семье. Слово *bantu* состоит из корня **-ntu** ‘человек’ и префикса именного класса II, **ba-**, который в данном случае означает множественное число (ед. число — *untu*). Таким образом, самоназвание банту значит просто ‘люди’.

языковое представление 13, 26–28, 34:

лингвистическое представление языкового выражения

Якобсон, Роман 24, 66:

русский лингвист (1896–1982), живший в Чехословакии и США; известен своими теоретическими работами по фонологии и морфологии.